

ЗОВЕТ ЗВОНОК НА ШКОЛЬНЫЙ УРОК!

КАКОЙ ОН,
КОМСОМОЛЬСКИЙ
ВОЖАК?

Байкальская
жемчужина —
Ольхов.

СМЕНА

№ 17 (1423) сентябрь 1986

ISSN 0131-6656

Николай Ващук

Василий Игнатенко

Виктор Кибенок

Владимир Правик

Николай Титенюк

Владимир Тшюра

Леонид Телятников

Борис Алшина

Иван Бутрименко

Михаил Головиненко

Станислав ТОКАРЕВ

БЫЛ О ПОЖАРНЫХ ЧЕРНОВОБЫЛЯ

Отступали боевые очереди газетных телегазет. Мы с вами знаем, читатель, что произошло в ночь с 25 на 26 апреля на Чернобыльской АЭС. Знаем, как доблестно сражались, чтобы обить огонь с кровли четвертого энергоблока и перекрыть ему дорогу к трельяжу, пожарные второй и десятой ВПЧ и СПЧ-17. В первые минуты их было двадцать восемь. Напрашивается сравнение с двадцатью восемью панфиловцами у разбега Дубосекова в сорок первом военном году — справедливое сравнение. А потом к телателекомовцам — так, я думаю, можно их назвать по имени командира майора Леонида Петровича Телятникова — подходили подкрепления, на себя принимали жар пламени и смертоносное дыхание реактора, но первых было двадцать восемь, и эта аналогия возведет когда-нибудь их деяния в ранг былин, легенд. Пока же это были: поразмыслим над ней, читатель.

Старший сержант Иван Алексеевич Бутрименко, командир отделения и водитель автоцистерны, с вечера обходит машину и поставил в гараж. Остальное время — так написано в рапорте, так он и выразился в нашем разговоре — занимался по распорядку дня, неторопливый, обстоятельный, неуклюжий украинский селянин.

Из дальнейшего рассказа Ивана Алексеевича следует, что начальник караула Владимир Правик тогда же вышел по наружной лестнице, по дороге бросил приказания, и Бутрименко

попросил: «Товарищ лейтенант, следите поше, бо из слышно».

Владимир Правик, прибыв на место первым из начсостава, взял на себя обязанности первого РТП (руководитель тушения пожара) и устремился в разведку. Как выяснилось позже, он принял единственно правильное решение — отрезать пламя со стороны машинного зала, не пустить его к другим реакторам. Странно подумать о последствиях, решил он иначе.

Ему не исполнилось еще двадцати трех лет. И теперь уже не исполнителен. Он был самостоятелен, остр, уверен и себе, юношеский максимализм побуждал его спорить с начальством, как побуждает и других молодых спорить с нами, но в некий решающий момент мы удивляемся, подобно майору Телятникову: «До чего повзрослел быстро и в кого ушел?» В нас, Леонид Петрович, в кого же еще.

В рапорте Иван Бутрименко написал: «Каждый знал и понимал, на что идет. Я как командир отделения, депутат горсовета хочу отметить, что все, что зависело от нас, мы сделали и выполнили честно и добросовестно». Говоря со мной, Иван Алексеевич выразился короче: «Долг е долг».

Знали ли они, догадывались ли, что им грозит нечто пострашнее огня — радиация? Когда стремглав сарабались вверх в своем пуловом снаряжении, когда брали рукавицами и сбрасывали с кровли оставшиеся от взрыва куски графита, загибали костерки, погружая ноги в расплавленный битум, и кожа сохнула потом с сапогами — так знали или нет? ВПЧ-2 была специально тренирована для защиты АЭС. Но произошла свое «долг е долг», сержант имел в виду поло-

жения из «Боевого устава пожарной охраны».

Тушение пожара — основной вид боевой деятельности пожарной охраны. Эти действия происходят весте в различной обстановке: днем и ночью, в сильные морозы и при высоких температурах, в запыленной и отравленной среде, на высотах и в подвалах, в условиях взрывов, обрушений и стихийных бедствий.

Попробуйте-ка сказать более коротко и емко.

Пожарные, как гласит устав, должны проявлять «мужество, смелость, находчивость, стойкость и инициативу на какие трудности и даже угрозы самой жизни, стремиться выполнить боевую задачу во что бы то ни стало».

Подвиг есть в конце концов единственно дужное действие в нужное время и в нужном месте. Подвиг — дужное ложного пафоса, который может лишь тогда возникнуть, когда есть альтернатива: поступать так или не поступать? Разве оставил себе выбор Александр Матросов перед тем, как кинуться грудью на амбразуру? Двадцать восемь гвардейцев-панфиловцев разве решали для себя, устремиться ли им в бегство или встретить гранаты фашистские танки?

Устав не дает выбора. И жизнь настоящих людей выбора не знает.

Пожарные Чернобыля — в том числе те, в чьих характеристиках, лежащих на моем столе, аккурратно исправлено слово, например, «увлекается» на «увлекался», «дружит» на «дружил» — все они ведали высокое понятие «долг». И выполняли долг не на кострах, скромнее — в джонх сапогах.

Они его выполняли, смертно смертью поправ. Как святые на иконах Феодана Грека суть, вообще говоря, живые, востроглазые и востроносые русские мужики, так и это вострозаветное выра-

жение принадлежит женой нашей жизни. Смертью своей пожарные Чернобыля погнали, отвергли смерть, которая — как дымят? — могла бы постигнуть и нас, если бы пошла вразнос по реакторы.

Таков один из уроков происшествия. Моральных уроков.

Если они, двадцать семь, догадывались о главной опасности, то двадцать восьмой, майор Телятников, прибывший на место аварии в 01:45, знал об всем точно.

Майор находился в отпуске: в ночь пятницы на субботу ему оставались еще сутки отдыха. Вечером по тревоге он вызвал машину, привычная двадцатиминутная дорога показалась ему безбеспокойной. В отдалении от двух энергоблоков — Правика и Кибенка — и бойцов их караулов он бежал на станцию через центральный зал, со стороны реактора, и увидел не то зарево, не то свечение. В центральном зале, кроме «пятака» реактора, ничего нет, гореть нечему, — напишет он в рапорте. — Решили, что свечение исходит от реактора». Майор понимал: кто-то из них что-то содела уже обречен. Он сам, возможно, тоже. Но и у майора не было альтернативы. Он принял на себя обязанности РТП. Потом отправил в город со «скорой помощью» Правика и семерых друзей, которые находились в зоне повышенной радиации: час с лишним и уже не стояли на ногах. Старший пожарный Иван Шафрей передал вверх его команду подоспевшей смены: одному — оставаться на кровле машинного зала, другим — перейти к аппаратурному отделению третьего энергоблока.

Старший сержант Иван Михайлович Шафрей возил молчаливо усы подковой, запорожские усы. У старшего сержанта задумчивый эпрический тонор, он мыслит образами, рассказ его изобилует точными деталями, и чувствительная душа.

Анатолий Захаров

Степан Комар

Андрей Король

Михаил Крыско

Виктор Легун

Сергей Легун

Анатолий Найдук

Николай Нишоренко

Владимир Палагеча

Александр Петровский

Петр Пивовар

Андрей Половников

Владимир Александрович Прищепа

Владимир Иванович Прищепа

Николай Руденок

Григорий Хмель

Иван Шаврей

Леонид Шаврей

же караула Правика — в 01.35. И тот час во главе газодымозащитников пошел в разведку в реакторное отделение. В 01.45 организовал подачу стволов по выдвижной лестнице на крышу...

Веселый был хлопец Виктор Кибенок, любил быструю езду, гонял на своем мотоцикле «Ява»...

Василию Игнatenko, другу, там, на крыше, сказал: «Уходи, Вася, а мне уже все равно».

В больнице его навестили отец, мать, жена, ждущая ребенка. Он побыл с ними в вестибюле, сказал: «Я сейчас, на минутку». Вошел в палату и не вышел — остановилось сердце.

Да, конечно, в Чернобыле мы впервые столкнулись с апокалиптической стихией неуправляемой атомной энергии. В профессии пожарного ископано так, точно на монете: орел — героизм огнеборцев, решка — разгильдяйство виновников бедствия. Наше с вами разгильдяйство, оборачивающееся порой пренебрежением к опасности, которая наступает наших спасителей.

Таких молодых...

Лейтенанту Петру Хмелью предстояло заменить лейтенанта Владимира Правика. Хмель того не знал — спал на дежурство заступать надо было к восьми. Его разбудил старший лейтенант Хилько: «Пожар на четвертом блоке». Выйдя во двор, Хмель увидел черное облако над станцией. Там, на АЭС, первое, что ему сказали: «Правик в больнице...» «Я догадался, что произошло. Я ушел в разведку на крышу машинного зала — крыша полностью разрушена, там и сям пламя, правда, невысокое... Подали стволы. Через какое-то время я там остался один. Запросил по рации, что делать.

Ответили: «Жди замену». Сколько ждал, не знаю, второпях часы дома забыл. Когда меня сменили, в душевой увидел отца: «Ты что тут?» «А ты что тут?» «Мое дежурство». — он сказал. В душевой мне стало плохо. Я вышел оттуда, отец меня ждет: «Как себя чувствуешь, сынок?» И я, уже почти ничего не слыша, услышал только: «Держись». Очнулся: и в Киеве, под капельницей лежу.

Черноусый, чернобрый, черноглазый лейтенант Хмель — сын пожарного: его отец Григорий Матвеевич, водитель семнадцатой ППЧ, принимал участие в ликвидации аварии. Старший брат — тоже пожарный. У знакомого уже нам Ивана Шаврея старший и младший братья — пожарные. У покойного лейтенанта Кибенка отец — бывший пожарный, майор в отставке, и дед был пожарным тоже.

Вскоре после случившегося в Главное управление пожарной охраны МВД СССР пришло письмо из Казахстана, из города Петропавловска, от Галии Жакуповой, вдовы майора Кенжебая Жакупова, погибшего двадцать один год назад при тушении пожара в Кызыл-Орде и навечно занесенного в списки 2-го дивизиона Свердловского пожарно-технического училища, которое он закончил. Галия Абдрахмановна предлагает возвести памятник пожарным Чернобыля и спрашивает, куда перевести ее вклад для этой цели. Я ссылаясь на письмо, не только чтобы показать его трогательность и благородство, но дабы подчеркнуть, выделить вот какое обстоятельство. Жена огнеборца пошла служить в его часть и сына Марата — сейчас он заканчивает Высшую инженерно-пожарную техническую школу в Ташкенте — отдала в пожарные.

Почему их так тянет на тропы отцов? Опасны ведь эти тропы. И не очень.

вроде бы престижно, почитаемо — пожарное дело. Менее престижно, нежели иные, я бы сказал, видеопрофессии. Те, куда влекут — подчас без особых оснований — своих чад титулованные родители. Тут не всегда поймешь, далеко не всегда, где грань между страстью к творчеству и банальнейшим тщеславием. Но по благу на смерть не идет. У детей пожарных, про которых во времена оны говаривали «рожден на каланче, воспитан в казарме», всегда перед глазами отцы, которых в ночь-заполночь могут поднять по тревоге, в мирное время бросить в бой. Опаленные отцы, закаленные, чуранившиеся громких слов о романтике, но служащие олицетворением ее.

Как прекрасно, когда дети следуют нам ради нас самих, идут в жизнь за тернистыми ее, а не за одними лаврами!

Еще урок Чернобыля.

В июне в школе №1 подмосковного города Видное восьмиклассники писали экзаменационное сочинение о подвиге защитников АЭС. Тая Рябчикова написала: «Ситуация высветила каждого, высветила бескомпромиссно. Дети стали на несколько лет взрослее, герои — героями». Вадим Гуловицкий написал: «Придет беда в большом или малом, подымется человек, воскреснет в нем великая сила, человеческая красота. Я хочу стать офицером. Я знаю: чтобы стать офицером, надо добиться этого. А если исполнится мое желание, то служить Родине надо так, как служили ей Виктор Кибенок, Николай Ващук, Василий Игнatenko, Владимир Правик, Николай Титенок, Владимир Тишура».

В те же примерно дни в Свердловске лейтенант внутренней службы начальник караула 19-й ВПЧ Егоров Вадим Иванович, 22 лет, писал: «Убедительно прошу вашего ходатайства на откомандирование меня на Чернобыльскую АЭС на место выбывших из строя товарищей. Я комсомолец, а значит, должен быть на передовой. Сегодня передовая на Чернобыльской АЭС».

В Подмоскowie ответил тополь, кипела июньская жара. Так непохожие друг на друга и так схожие больничной бедностью лиц и больничными халатами пожарные из Чернобыля и Припяти интересовались проездными документами, которые — скоро понадобятся, Иван Бутрименко обновился, не пропало ли его депутатское удостоверение. Красавец Хмель смеялся над неуклюжестью привезенного ему штатского костюма, спрашивал, можно ли надеть офицерскую форму, «бо она ему к лицу».

Усто пахла сирени, ворковали голуби, хотелось жить.

ГОРЬКАЯ СУДЬБА КРАСНОГО ПЛОДА

Михаил ЧИЛИКИН,
кандидат биологических наук

Социальное
исследование
проблемы

Учеными подсчитано: каждый житель нашей страны, независимо от возраста, должен для пополнения биологических ресурсов организма потреблять ежегодно 28 килограммов помидоров. Вернее, те минеральные и органические вещества, которыми столь богаты эти плоды. Такова норма. Если оперировать данными ЦСУ, урожай помидорного поля страны по валовому сбору почти гарантирует эту цифру. Однако в прошлом году купить помидоры в магазинах без стояния в очередях было практически невозможно ни в Москве, ни в Горьком, ни в Калуге, ни в Пензе, ни в Челябинске. Не говоря уже о Нарьян-Маре, Норильске, Воркуте. И, что совсем уж непостижимо, за помидорами стояли огромные очереди в Астрахани — «томатной» столице.

Горькое богатство

...Блокнот, на обложке которого написано «помидоры», я завел несколько лет назад. Отдыхал в одном из пансионатов Одесской области. Была середина сентября, и ночами становилось прохладно. Однажды утром, когда мы собирались к морю, в пансионат зашел пожилой седоусый мужчина в пропыленной куртке.

— Может, кто хочет поробовать для государственной пользы? — обратился седоусый к отдыхающим.

— Это как? — заинтересовались мы.

— Сидайте в автобус у ворот и поедem на поле помидоры спасать. Три ящика — совхозу, один — себе. А то деньгами оформим.

Желающих набралось человек восемь.

— Не густо, — вздохнул седоусый, — ну, да и то руки.

Мы приехали на огромное поле, алое от томатов. Казалось, невозможно сделать шаг, чтобы не раздавить хотя бы один. Там, среди начинавших загнивать плодов, были десятки тонн первоклассных нежных помидоров, которые устилали землю до самого горизонта. Где-то вдали маячили несколько фигур, по-видимому, таких же добровольцев, как и мы.

Наш «наниматель», оказавшийся бригадиром совхозной овощеводческой бригады, кивнул на поле и произнес:

— Вот оно, горькое богатство наше.

И столько услышалось в словах бригадира боли, что невольно стало его жаль. Да и как не посочувствовать человеку, на чьих глазах обращались в прах его труды.

За шесть часов работы мы собрали каждый всего по два десятка ящиков. Это была настолько микроскопическая доля от возможного сбора, что нам казалось

стыдно требовать плату. Но бригадир был рад и этой малости. Велел доставить нас в пансионат на автобусе, одарил арбузами. На прощание спросил, не приедем ли завтра?

— Хоть себе соберите. Ведь пропадет все. Дня через три все одно залашем.

— Как запашете?

— Пройдет по полю трактор, и всех делов... Замокотки вот-вот. А томату много ли нужно!

Он махнул рукой и пошел. Такими и остались в памяти бригадир — сутуловатый, с дочерна обожженной солнцем шеей, длинными руками — и поле, родившее небывалый урожай, красное от спелых плодов, обреченных на уничтожение...

Фактор риска. Люди и машины

Занявшись вплотную «помидорной» темой, я наблюдал немало отрядных фактов. Самым главным, на мой взгляд, было искреннее стремление тысяч людей дать стране нужное количество этого прекрасного продукта. Дать, невзирая на неблагоприятную погоду, на межведомственные неувязки, на хроническую нехватку рабочих рук, техники, транспорта.

Вспоминаю почти фронтовую обстановку, царившую в конце лета в хозяйствах Молдавии. Все, начиная от руководителей республики, ежедневно вчитывались в столбцы суточных сводок. Особую тревогу вызывали томаты. Помидорным полям для дозревания катастрофически не хватало солнечного тепла. На консервных заводах простаивало дорогое импортное оборудование, предназначенное для переработки томатов. И поэтому всюду, где помидоры набирали нужную степень зрелости, сразу организовывали уборку, сосредоточивая максимальное количество техники и рабочих рук. Считали каждый центнер.

Лучше всего шли дела в Григориопольском агропромышленном объединении, замыкающем в одну производственную цепочку три мощных совхоза и консервный завод. Там благодаря умелой агротехнике были на подходе сотни гектаров томатов. И Григориополь должен был первым «закрыть» план. В этом, подчеркивали специалисты, немалая заслуга Ивана Григорьевича Захарова, «помидорного профессора», как именуют в республике заместителя генерального директора АПО. Поехали в Григориополь.

Встретил нас сам Захаров и сразу повел на поле. Шел впереди, поднимал сильными руками куст, коротко пояснял: «Это «Факел» — крупный плод, сочный, но хлопотливый, а вот «Новинка» — машинный сорт, прочный». Умный, расчетливый, Захаров видит

выгоду не в наращивании площадей (впрочем, наращивать уже нечего, в республике распахано 98 процентов земли), а в строгом районировании сортов, точной полеводческой технологии. Он легко идет на апробацию новых сортов, больше того, сам ищет их, торопит ученых. Пока иной выжидает, как себя новый сорт покажет, Захаров уже убирает урожай. В этом есть риск. Но и выигрыш тоже. С экспериментальных полей в хозяйстве снимают по 700 и больше центнеров, с больших, промышленных — 380. Это почти вдвое превышает средний общесоюзный показатель. Но и в Григориопольском АПО ощущались общие для отрасли проблемы.

Тут необходимы разъяснения. В не очень отдаленном прошлом овощеводы, стремясь выполнить растущий план госпоставок, шли на увеличение посевных площадей. Однако с каждым годом новых гектаров становилось все меньше, томатов же, как и других овощей, требовалось все больше. Выход — интенсификация, то есть новые, более продуктивные сорта, современные методы выращивания. И что очень важно — внедрение машинного метода уборки, потому что одновременное созревание гигантского количества помидоров грозило обернуться трагедией, если быстро эти плоды не снять. А массовое созревание безрассадных культур часто приходится на сентябрь, когда студенческие отряды разъехались, а других рук еще нет.

В свое время был разработан и запущен в серию томатоборочный комбайн марки СКТ-2. Я видел эту машину в работе там же, в Григориополе. По самым оптимистическим подсчетам, потери при его использовании достигают 20 процентов. Комбайн давит плоды, несовершенный встряхиватель подает на ленту помидоры вместе с зеленой массой, рядом оказываются и красные плоды, и так называемые бурье, и молочной спелости. Нужна сортировка, значит, опять без рабочих рук не обойтись. А они, ох, как дороги в горячую пору. И я хорошо понимаю руководителей хозяйств, которые предпочитают убирать помидоры без комбайнов, по старинке — вручную. Они идут на поклон к старым и малым, суля им дополнительную оплату, лишь бы люди вышли в поле. Вручную, хоть и медленно, но надежно.

Но до какой поры можно уповать на женские руки, на так называемых «привлеченных» — горожан и школьников, освобождаемых на период уборки от основных занятий! Решение проблемы специалисты видят в выведении машинных сортов одновременного созревания, в механизации возделывания томатов. О машинах речь впереди. Коснемся селекции.

Плюсы и минусы экспериментов.

Что нужно полю?

Тираспольское научно-производственное объединение «Днестр» — одно из авторитетнейших в вопросах селекции томатов. Из лабораторий и с опытных полей НПО вышло около 40 сортов помидоров, районированных практически во всех регионах. Особенно хороши «Эврика», «Утро», «Викторина», «Меридиан», «Глория», «Нистру», «Радуга». Ценность плода — в содержащихся в нем сухих веществах, витаминах! Так вот, в «Глории» их до 7 процентов, в полтора раза больше, чем в большинстве культивируемых сортов. А ведь достаточно повысить содержание сухих веществ только в молдавских помидорах всего на один процент, и это будет равнозначно дополнительно собранному 150 тысячам тонн томатов. Есть у тираспольских сортов и другие преимущества. Например, «Эврику» и «Викторину» можно убирать практически за два ручных сбора, тогда как многие сорта требуют пятиразовой уборки. Выведен в Тирасполе замечательный сорт «Оранж», в его апельсинового цвета плодах содержится почти в 10 раз больше каротина, чем в массовых культурах. Немаловажное достоинство сорта — раннее созревание. Первые плоды снимают уже в двадцатых числах апреля, правда, на защищенном грунте.

Но путь каждого нового сорта от лаборатории на поле непрост и, за редким исключением, растянут почти на десятилетие. К тому же одно дело — выращивание томатов на небольших экспериментальных площадях, совсем другое — на огромных угодьях государственных хозяйств. Если «Факел» в условиях НПО дает до 1000 центнеров с гектара, то на совхозных полях его урожайность в среднем 300 центнеров. Втрое меньше! И это в порядке вещей: в НПО выхаживают каждый куст, дорожат каждой завязью. А совхозы и колхозы и рады бы не отстать от ученых, да физически не имеют таких возможностей.

И все-таки основная проблема не в этом. Ситуация сегодня такова, что при всем обилии высокопродуктивных сортов наука не готова предложить практике столь необходимые ей сорта для машинной уборки. То есть одновременного периода созревания плода, достаточной плотности, который бы легко отделялся от плодоножки.

Только немногим больше 8 процентов урожая тома-

тов сегодня убирается комбайнами. Да и то, прежде чем пустить на поле технику, рачительный хозяин организует на этом же поле 5—6 ручных сборов. Потому что боится огромных (почти неизбежных сегодня) потерь, положившись на одну только технику. Тот же «Факел», дающий дружное созревание плодов, попробовали собирать комбайнами, но потери при уборке составили половину урожая! Если с поздними сортами есть хоть какие-то сдвиги, то со средними, а тем более с ранними, нет вовсе.

Закономерен вопрос — а знали ли селекционеры о перспективных задачах, которые ставились перед овощеводческими отраслями еще десятилетие назад, то есть о необходимости перехода на машинные сорта? Не могли не знать. Тем более что новые консервные цеха по переработке томатов предназначались именно для машинных сортов. И те потери, которые мы имеем на овощном конвейере сегодня, происходят из-за хронической нехватки именно прочных сортов.

Итак, с одной стороны у нас замечательные достижения в области селекции: продуктивные сорта, богатые сухими веществами, устойчивые к болезням и вредителям. С другой — мы несем убытки именно потому, что вынуждены районировать преимущественно эти сорта, требующие сложной технологии выращивания, колоссального количества ручного труда. Слов нет, они нужны. Особенно в начале сезона, когда помидор — лакомство. Но осенью, когда надо давать и давать томаты в переработку, когда каждый час простоя консервных заводов — это прямые потери, необходимо ритмично загружать перерабатывающие мощности помидорами, обладающими необходимым запасом прочности. Тогда практически исчезнут потери на стадии возделывания и уборки, потребители получат новые виды продукции (те же очищенные консервированные томаты), которые пока наши линии вырабатывать не готовы из-за отсутствия плодов, устойчивых к механическим нагрузкам.

Мы были свидетелями, как томилась в бездействии мощные дорогостоящие линии по переработке томатов практически по всей республике. Просто нечего было перерабатывать, урожай помидоров опаздывал, а нежные ручные сорта для заводов не годились, они не выдержали бы механических нагрузок, связанных с транспортировкой, сортировкой и прочим.

Итак, первый упрек ученым. Слов нет, приятно создать новый сорт, получить на него авторское свидетельство, пополнить мировой каталог, в котором уже четыре тысячи сортов. Но столь уж это большая удача, если новинка хороша лишь для тепличных условий?!

В нашей стране помидорам отданы огромные площади — сотни тысяч гектаров земли. Томаты — культура требовательная. Более тридцати операций нужно произвести с почвой и каждым кустом, чтобы получить зрелые плоды. Представляете, каковы затраты человеческого труда и энергоресурсов! А нежные сорта требуют их еще больше. Итак, выход один — создание неприхотливых, прочных сортов одновременного созревания, пригодных для машинной уборки. Опыт такой есть.

Астраханский эффект.

Что может гектар?

Мощный помидорный клин страны — Астраханская область. Состав почвы, благоприятные климатические условия, обилие воды для полива, исторически сложившийся сельскохозяйственный опыт — все это стимулирует развитие производства томатов здесь, в дельте Волги. К тому же это одна из самых рентабельных культур. Колхозы и совхозы, специализирующиеся на помидорах, практически через одного ходят в «миллионерах».

Еще в Москве я много слышал о знаменитом астраханском индустриальном методе возделывания томатов. Смысл его в интенсивной технологии, снижающей затраты ручного труда примерно в полтора раза, уменьшающей потери продукции при комбайновой уборке чуть ли не вдвое, расход дорогостоящих гербицидов на 70 процентов и так далее. Подсчитано, что годовой экономический эффект от внедрения астраханского метода составляет около 2000 рублей на один гектар площадей.

Автором интенсивной технологии выращивания томатов стал коллектив ученых Всесоюзного научно-исследовательского института орошаемого овощеводства и бахчеводства, что расположен под Астраханью. Создатели метода предложили полеводам рекомендации, как с наибольшей эффективностью и с наименьшими затратами заставить каждый гектар дать максимальную отдачу, и вооружили практиков необходимым комплектом рабочих механизмов. Первую партию сменных агрегатов для индустриальной технологии сделали в своих мастерских, затем их выпуск передали предприятиям.

Не буду вдаваться в детали астраханского метода, интересные лишь для специалистов. Одно скажу: это

наиболее прогрессивная технология на сегодняшний день, дающая максимальный эффект. С каждым годом метод завоевывает все больше сторонников, он давно перешагнул границы области, им интересуются овощеводы из других стран.

Одно из хозяйств, внедривших передовую технологию, — совхоз «Килинчинский». Помидоры — основная культура, под ними — 70 процентов площадей. Ежегодная чистая прибыль — 2,5 миллиона рублей. Только на помидорах. Мы попали в совхоз в пик уборки. По краям полей громоздились ящики с помидорами, готовыми к отправке, здесь же женщины сортировали спелые помидоры. Эти — на завод для переработки. Вереницей катились машины, доверху груженные плодами бурой спелости. Эти — к причалу, а оттуда — в Москву, Ленинград, Вологду, Клайпеду.

По подсчетам старейшего в совхозе бригадира Гафура Калиева, с каждого из ста с лишним гектаров бригадного клина они снимают не меньше 450 центнеров помидоров.

— А больше можно? — спрашиваю у Гафура Мухарьянова.

— Можно. Вырастить можно и семьсот, и тысячу. Но поди уберешь их. Сил не хватит. Биологическая продуктивность гектара в принципе до полутора тысяч центнеров. А сейчас и пятьсот — большая удача, двойной план, считай. Правда, вопрос, сколько из тех пятисот попадут к покупателю.

Так обнаружился новый поворот проблемы. По словам того же Калиева, мы недобираем с гектара чуть ли не половину потенциального урожая. Ну, пусть не половину. Пусть треть. Но это же все равно миллионы тонн.

В том же совхозе «Килинчинский» увидел я удивительное сооружение. Ряд огромных бункеров, транспортеры, желоба. Все это называется сортировальной установкой, изготовленной по чертежам одесских ученых. Мы шли мимо проржавевшего железа вместе с заведующим совхозным цехом по реализации Рахимом Зульбухаровым. Он сдержанно приговаривал:

— Пробовали мы ее. Давит плоды в бункерах, аж сок брызжет. Да и сама сортировка-то, считай, ручную идет. А у нас людей на полях не хватает...

Сотни тонн дорогого металла ржавеют под открытым небом, транспортеры поросли буйной астраханской зеленью. Жаль труда людей, оборудования, но всего обиднее за совхоз, что обманулся в своих надеждах на разрекламированную проектантом установкой, ныне ими же забытую.

Кто-то из женщин, работавших в цехе неподалеку, заметил:

— С этих горе-ученых вычесть бы деньги, что в ихнюю машину угроханы.

Да, эксперимент не застрахован от неудач. Однако по-государственному ли бросать работу на полпути? Давайте предположим, что минимум необходимой техники есть. Дали бы овощеводы в этом случае необходимое количество томатной продукции? Дали бы! Но здесь все не так просто.

Транспортный узел.

Во что обходятся простои?

Валовой сбор томатов ежегодно растет. Если в 1971 году гектар давал 145 центнеров, то в прошлом году — уже около 200. Это ниже запланированных показателей, но тоже немало. Если урожайность все-таки растет (а она растет, и именно за счет интенсификации), то, значит, потребители должны это как-то ощущать. Ощущают ли? По правде сказать, не очень. Потому что в цепочке «поле — магазин» есть и такое звено, как транспортировка.

Мне называли разные цифры потерь при перевозке. Каждая выбоина в асфальтовом покрытии трассы, насыщенной автотранспортом с овощами и фруктами, за сезон приносит убытка на сумму, которой хватило бы, чтобы заасфальтировать километры дороги. Каждый лишний час пути — тоже потери. Бывает так, что машина, отправленная с поля с отборными помидорами, преодолев 80 километров, доставляет на место лишь половину стандартных, то есть целых, плодов. Эти данные приводились в выступлениях руководителей отрасли. Словом, дорога — это бич. Но это же и колоссальные резервы.

Если Молдавия использует для перевозки урожая преимущественно автотранспорт и железную дорогу, то Астрахань предпочитает водный путь. У каждого из них свои плюсы и минусы. Расстояние в тысячу с небольшим километров авторефрижератор преодолевает за двое суток. Поддерживая соответствующий тепловой режим в кузове, опытный водитель доставляет 7—8 тонн из Кишинева, к примеру, в Тулу, потеряв всего 200—300 килограммов. В основном это продукция, размещенная вдоль бортов и внизу.

Но автотранспорт почти вдесятеро дороже водного. Кроме того, он хорош на безукоризненных трассах. Можно потерять триста килограммов на тысяче километров, а можно те же триста — на тридцати. К тому же авторефрижераторов у нас пока не хватает.

Словом, 60 процентов сельхозпродукции Астрахань отправляет по воде.

Казалось бы, все просто. Собери урожай, доставь его к причалу, погрузи и отправь потребителю, который ждет не дожидается знаменитых астраханских помидоров. Просто, да не совсем. Красные, то есть спелые, помидоры на север да и в тот же Ленинград не отправишь — они трижды успеют испортиться в пути. Отгружать следует бурье, а то и молочные, чтобы вызрели в пути. Стало быть, надо точно определить степень спелости. Ошибешься на три-четыре дня — плоды не дойдут или дойдут еще незрелыми и будут отнесены в категорию нестандарт, что больно ударит по бюджету хозяйствопоставщиков.

Надо отдать должное астраханцам, они готовятся к овощной навигации серьезно. И полеводы, и речники. Составляются графики подачи судов к колхозным и совхозным причалам, тралятся фарватеры рек, приводятся в порядок краны и транспортеры. Но стоит открыться овощному сезону, начинаются неурядицы. Десятки судов стоят на рейдах в ожидании помидоров: а томаты по капризу природы не набрали соответствующей степени спелости. Речники в панике — срывается план перевозок! Наконец, наступают солнечные дни. Хозяйства бросают все силы на уборку урожая, суда рвут на части. Флот физически не справляется с перевозками. И томаты, выращенные с таким трудом, портятся на причалах. В прошлом году один только совхоз «Марфинский» из-за несвоевременной подачи судов под загрузку томатов понес убытков на 300 тысяч рублей. Сотни тонн помидоров сгорели под солнцем уже на причалах. А ведь убытки совхоза — это убыль и наша, общая, убыль продукции, которую мы недополучили на свой стол.

Немало и у речников претензий к овощеводам. Первая — причалы. Лишь четвертая часть их соответствует требованиям сегодняшнего дня, остальные нуждаются в реконструкции. У старого причала современные суда грузятся вдвое, а то и втрое медленнее. Строить и ремонтировать причалы — обязанность колхозов и совхозов. Но попробуй добейся включения в областной план подобных объектов! Хозяйства вынуждены латать старые причалы своими, весьма скромными силами. Но причалы — еще полбеды.

Доставив груз по назначению, теплоходы, сухогрузы, катамараны на полном ходу спешат обратно в Астрахань. С пустыми трюмами! Невзирая на обилие попутного груза. Таково строгое расписание Минречфлота: дорожить каждым часом в период интенсивной перевозки овощей. Правильное распоряжение. Но экипажи судов, сберегая часы, вынуждены терять затем по несколько суток в ожидании загрузки у причалов.

Вот некоторые данные. В июле прошлого года из 142 судов обработано в соответствии с графиком 41, 101 судно простояло сверх нормы 1989 часов. В августе из 299 судов загрузились и сдали груз своевременно 96 судов, сверхнормативные потери — 4447 часов. В сентябре ситуация была аналогичная. Причем это простои только у причалов. Время, которое флот потерял на рейде, сюда не входит. Не учтено и время, которое теряют суда в ожидании разгрузки. А эти-то часы на рейдах Калинин, Ленинграда, Москвы, Воронежа самые дорогие. Если в пути помидоры хоть как-то проветриваются за счет естественного обдува, то на рейде нежная продукция мгновенно начинает портиться. Отправленная из Волгограда или Астрахани баржа с партией помидоров, стандарт которой составляет 95 процентов, попадает в Москву, уже потеряв 20—25 процентов стандарта.

Далеко от того, чтобы винить в потерях одних лишь портовиков, речников или овощеводов. Зачастую график обработки судов срывается по объективным причинам. Скажем, прошли дожди — на поле не выйдешь, техника вязнет. Надо ждать, когда почва подсохнет. А суда стоят. Или идет недружное созревание плодов. Чтобы загрузить сухогруз, нужно набрать, как минимум, 200 тонн продукции. Но даже в хорошие дни убрать больше 100 тонн одному хозяйству нелегко. А ведь еще нужно томаты перебрать, отсортировать, погрузить в контейнеры. Стало быть, чтобы подготовить партию для отправки, требуется трое, а то и больше суток. А случись где-то прорыв: встала сортировальная установка, не прислал город шифов, да просто не достает помидоров нужной степени спелости. Вот и простои судов.

Правда, бывает, что дирекции совхозов заказывают флот, как говорится, впрок, опасаясь, что в нужный момент суда не дадут. Пусть уж лучше постоит теплоход лишние два-три дня, чем потом его экстренно выбивать. Порочная практика, но и она не от хорошей жизни. Если речники нарушают график, они рискуют в худшем случае премией и нагоняем по административной линии. Если совхоз по независящим от него причинам сдает продукцию низкого качества или не выполнит план поставок, он теряет живые деньги. Для речников и портовиков, вращающих миллионами тонн, сельхозпродукция в их масштабах составляет крошечную долю. Эту долю они

потом могут восполнить за счет других, менее трудоемких грузов. Словом, флот сегодня недостаточно заинтересован в быстрой и ритмичной обработке сельхозпродукции. Так, постольку поскольку...

Иное дело — связать транспортников и полеводо-единицу подрядом, заинтересовать высоким конечным результатом. Быстро убрали, быстро доставили по назначению, быстро разгрузили — каждому его доля прибыли. Убеден, это во многом решило бы проблему транспортировки, заметно снизило бы потери.

Вспоминаю, с каким завидным хладнокровием пил чай у себя в каюте капитан одного из теплоходов, дожидавшихся разгрузки в северном речном порту Москвы. Уже более полтора суток его судну не давали места на причале, несмотря на то, что в трюмах портились десятки тонн помидоров. Капитан терял только время, совхоз, государство в целом несли убытки куда ощутимее.

В нынешней пятилетке наш речной флот пополнят несколько десятков суперсовременных овощевозов. Эскадра! Каждый овощевоз способен принять на борт до 600 тонн продукции. Снабженные системой кондиционирования, эти суда смогут практически без потерь быстро доставить астраханский урожай в любую точку страны, соединенную с центром водными магистральями. Но для этого необходимо разрубить узел межведомственной разобщенности транспортников и полеводо-единицу, найти организационную форму обоюдной заинтересованности в скорейшей доставке потребителю высококачественной продукции. Это первое.

Второе. Для того чтобы избежать простоев флота, следует продумать систему подготовки овощей к погрузке. Набрать сразу полтысячи тонн помидоров одному хозяйству не под силу. Стало быть, надо позаботиться о помещениях для хранения продукции на причалах и примирить хозяйства с мыслью о необходимости заказывать мощные овощевозы на паях друг с другом. Пока эта форма не в ходу.

Коснувшись транспортных проблем, не могу не упомянуть и о таре. Уже давно доказала свою жизнеспособность система контейнерных перевозок, овощей в том числе. При перевозке овощей используется несколько типов складных контейнеров, разработанных калужским ВНИЭКТИУ, который занимается вопросами тары.

Я видел один из последних типов контейнеров, новинку института ТКБ-90 (У) («У» — означает усовершенствованный). Сооружение с незакрывающимися запорами, неуклюжее, громоздкое, грубое. Несколько человек, вооружившись кувалдами (голыми руками тут ничего не сделаешь), буквально вбивали ящики с помидорами внутрь контейнера.

Но это еще не исчерпывает «достоинств» контейнера. При собственном весе 160 килограммов он «съедает» огромную меру грузоподъемности транспортного средства. Судите сами: из 250 тонн, которые берет судно, больше ста приходится на контейнеры, то есть на железо и деревянные ящики. На долю полезного груза остается не так уж и много.

Астраханцы попытались предложить свою конструкцию контейнера, который вдвое легче калужского и к тому же безтарный: помидоры складываются на специальных полках. Контейнер отлично прошел испытания. Но калужский институт как головной в стране по вопросам тары астраханскую идею, попросту говоря, «заморозил», усмотрев в ней ряд «просчетов». Неспециалистам трудно, конечно, судить об обоснованности претензий калужан, но, думаю, не последнюю роль здесь сыграли соображения псевдопрестижа.

Когда ответ ждут двадцать лет

Вернемся к помидорам. Представьте себе крошечное поле, уродившее, скажем, 100 плодов. Проследим их судьбу. Из этих ста плодов 10 мы потеряли в результате заболеваний растений фитокторой или из-за насекомых-вредителей. Еще 20 (и это по очень скромным подсчетам) из-за несовершенства технологии возделывания. 5 помидоров потеряли на пути к сортировальному пункту и в ожидании погрузки. Еще 10 — при транспортировке. Не беру торговый прилавок. Хотя потери есть и там. Не учитываю овощные базы, где тоже часть продукции портится из-за неправильного хранения. Впрочем, помидоры и не рассчитаны на долгое хранение. Неделя, полторы — вот пока предел их живучести. Итак, от 100 плодов к нам на стол попало 55. А теперь представьте, что это не 100 штук, а сто тысяч тонн. Объективная картина будет та же.

Ловлю себя на том, что многое не договорил о проблемах консервирования помидоров. Но ради экономии места замечу лишь, что суть этих проблем сводится к ассортименту предлагаемых для переработки сортов, к ритмичности загрузок консервных заводов и, конечно, к объемам поставок сырья. Мы

перешагнули период, когда остро не хватало мощностей, и быстро создали отрасль, вооружение которой по многим параметрам отвечает сегодняшним требованиям. Однако нужно учесть, что, пока овощеводы не насытят всесоюзный рынок, консервщики получают крохи. К тому же их плата хозяйствам за помидоры самая низкая. А ведь работать со второсортной продукцией они не могут, их требования к сырью едва ли не выше, чем к качеству стандартных томатов.

Итак, есть два пути повысить отдачу помидорного клина. Первый — увеличить урожайность. Тогда, даже если потери останутся на прежнем уровне, они будут не столь ощутимы. Второй — снизить потери. Этот путь менее трудоемок и не требует значительных капиталовложений. Тут многое решает организация дела, персональная ответственность руководителей всех подразделений за сохранность урожая. Но истинно государственный подход к решению проблемы помидоров — сочетание обоих путей.

Подведем некоторые итоги. Естественно, что ряд необходимых данных для статьи я черпал из бесед с руководителями отраслей и хозяйств. Чем откровеннее они высказывались, тем настойчивее просили не упоминать их имен. Связав себя обещанием, держу слово. Но многое из того, что я сейчас скажу, родилось именно в этих беседах.

Повышение урожайности гектара напрямую зависит от вооруженности полевода современными орудиями труда. Вспомним об астраханской технологии. Внедрение ее повсеместно подсказано самой жизнью. Но применение метода невозможно без выпуска соответствующих приспособлений. Каждый комплект — это полторы тонны металла шести марок стали. Не так уж много. Тем более, в иных хозяйствах до 60 процентов сельскохозяйственной техники практически не используется. А это миллионы тонн стали нужных марок.

В год нужно не менее 4—5 тысяч комплектов. Но, несмотря на настойчивые просьбы овощеводов, ни одно предприятие не берется внедрить серийный выпуск комплектов.

Остро необходим фрезерный культиватор, уничтожающий сорняки. Одна машина заменяет сотни рабочих. О культиваторе заговорили впервые 20(!) лет назад. Но до сих пор его нет. Или, к примеру, сеялка точного высева. Несложный сам по себе агрегат стоимостью 1685 рублей. Его выпуск позволил бы вчетверо сократить расходы на производство семян томатов. Ведь пока посев вынуждены производить с трех-четырёхкратным запасом семян, зная, что взойдет лишь одно из четырех.

В ряду остродефицитных машин — рассадопосадочная машина современной конструкции. Выпускаемая ныне такую машину обслуживают в период работы 16 человек. Целая бригада! В то время как лучшие зарубежные образцы работают под наблюдением всего 4 человек.

Продолжать перечисление необходимой овощеводческой отрасли техники можно еще долго. Специалистам Госагропрома они хорошо известны. Затраты на производство этой техники, по подсчетам экономистов, окупятся с лихвой в самые короткие сроки.

Практика привлечения горожан для работы на овощные базы — разговор отдельный. Хочу лишь заметить: не в ущерб ли себе мы с открытым забралом встречаем трудности, которые сами могли бы не создавать? Доходит до парадоксов. На одной из московских овощных баз я встретил двух специалистов по защите растений, откомандированных сюда для переборки томатов. А ведь примени эти специалисты свою профессиональную эрудицию в решении близких им вопросов, вполне вероятно, они спасли бы от привлечения на овощные базы тысячи горожан. Возможно, многие проблемы и надо решать так: каждый должен отвечать за свое дело. И отвечать в полной мере.

И пусть извинит меня читатель за минорный конец. Дело житейское — как-то мне понадобились помидоры. В ближайшем универсаме помидоры были. Но качество их оставляло желать лучшего. Пошел объясниться по этому поводу с директором магазина. И застал Светлану Петровну Пушнову вместе с ее коллегами за переборкой помидоров. На вопрос, почему такие плохие томаты, директор сообщила, что они приняли вчера пять с лишним тонн помидоров без указания процента стандарта продукции. Руководствуясь правилами, могли не принять, но понимают, что помидоры надо спасать. К моменту моего прихода представители государственной инспекции по качеству передали в универсам свое заключение: стандартными были признаны только 34 процента помидоров!

От директора Кировского плодовоощного объединения столицы я узнал, что эта партия помидоров прибыла водным путем из Астрахани. Что проводили ее в путь со стопроцентной стандартностью. Значит, либо там, в Астрахани, люди, определяющие качество продукции, повели себя безответственно, либо... Впрочем, о том, что могло произойти с этими помидорами, мы уже говорили.

Доброе имя учителя и авторитет школы — понятия неразделимые

СМЕНА

После выступления «Смены»

Чем живет, чем дышит школа? Сейчас, когда начинается новый учебный год, вопрос этот интересует всех. Реформа, которую, кажется, еще недавно так горячо, с таким пристрастием обсуждали всенародно, обострила общественное внимание к школьным проблемам и в первую очередь к личности учителя. Ведь именно ему, как хорошо и точно сказано об этом в Основных направлениях реформы, мы вверяем самое дорогое, самое ценное — детей, свою надежду, свое будущее.

Всем нам хочется, чтобы каждый педагог был на уровне столь высокого доверия, сердцем понял, прочувствовал свою ответственность. И с горечью приходится говорить о том, что есть еще школы, куда и дети, и преподаватели идут без охоты, без радости, где чувствуют они себя неприкаянно; неуютно. Об одной из таких школ шла речь в публикации «Конфликт на Соловках» («Смена» № 7).

Напомним читателям суть конфликта. Своеволье, бесцеремонность директора Н. И. Горбенко привели к тому, что в школе, как перед грозой, установилась тяжелая, гнетущая атмосфера. Малейшие попытки со стороны учителей как-то урезонить чересчур ретивого администратора вызвали в ответ грубость, раздражительность. Громы и молнии обрушивались на голову того, кто посмел хоть в чем-то перечить директору.

Думается, нет смысла пересказывать содержание очерка, который, судя по редакционной почте, многих задел за живое. Все, кто на него откликнулся, хотя бы знать, чем же закончился конфликт в школе, какие меры приняты.

Что ж, желание законное. Мы тоже надеялись, что широкая гласность придаст силы и уверенности соловецким педагогам и в то же время охладит пыл молодого руководителя, поможет ей самокритично взглянуть на свои поступки. Редакция обратилась к Министерству просвещения РСФСР и Архангельскому облисполкому с предложением оздоровить обстановку в Соловецкой школе, положить конец ненужным распрям.

К сожалению, вышло по-другому. Страсти разгорелись пуще прежнего, и пришлось срочно выезжать на Соловки, чтобы разобраться в новой, не менее сложной ситуации.

Ехали мы туда, имея на руках официальный ответ Минпроса РСФСР, подписанный заместителем министра И. М. Косоножниковым.

«Министерство просвещения РСФСР, — говорится в ответе, — считает, что в очерке «Конфликт на Соловках» правильно поднят вопрос о недостатках в руководстве учебно-воспитательным процессом в Соловецкой средней школе Архангельской области.

В ходе проверки подтвердились факты некорректного отношения к учителям, резкий тон в требованиях со стороны директора школы т. Горбенко Н. И. В 1985 году по халатности директора выпускникам десятого класса в аттестатах о среднем образовании не были проставлены оценки по истории. Имело место использование директором школьной мебели для личных нужд. Приказом Архангельского облоно от 28 марта 1986 года за серьезные недостатки в руководстве учебно-воспитательным процессом Горбенко Н. И. объявлен строгий выговор».

Внимательный читатель, наверно, заметил одну деталь: очерк появился в апрельском номере журнала, а строгий выговор вынесен директору школы в конце марта.

Какие же меры приняты после выступления «Смены»?

— Мы не можем дважды наказывать человека фактически за одно и то же, — объясняет заведующий облоно А. Н. Корнеев.

Довод вроде бы резонный. Но разве только к тому, чтобы наказать директора, сводится работа по оздоровлению школьной обстановки? И изменил ли строгий выговор что-либо в характере и поведении Горбенко?

Увы! Наказание мало подействовало на Нину Иосифовну. По-прежнему она бывает крайне несдержанна, дает волю мстительным чувствам. Документальное подтверждение тому — решение Соловецкого исполкома от 7 мая. Тогда рассматривалось заявление учительницы математики, депутата сельсовета Л. И. Смирновой. Оказывается, сразу же после отъезда проверяющих Горбенко,

как сказано в заявлении, «начала вести следствие: кто и что мог говорить про нее». Досталось тут некоторым учителям «на орехи».

Исполком постановил: при поступлении повторных жалоб такого рода будет ставиться вопрос об освобождении Горбенко от занимаемой должности.

Фактов грубости Горбенко по отношению к преподавателям и учащимся предостаточно. Однако, и об этом надо прямо сказать, многое зависит от того, кто и как проверяет эти факты.

Приведем ответ, полученный от Архангельского облисполкома.

«В ходе проверки установлено, что часть отмеченных в очерке фактов имела место: директор и еще несколько учителей пользовались школьной мебелью, муж директора т. Горбенко в 1985 году работал по совместительству на лодочной станции, в том же году в аттестатах выпускников пропущена оценка по истории; автор очерка правильно поднимает вопрос о нездоровых взаимоотношениях в педагогическом коллективе Соловецкой средней школы, о неправильном отношении директора школы т. Горбенко к учителям».

К этому ответу приложена справка, составленная проверяющими, — на Соловки в связи с публикацией в «Смене» выезжали заведующий облоно А. Н. Корнеев и инспектор Минпроса РСФСР Т. К. Моргачева. Жаль, что мы не можем полностью воспроизвести этот поистине уникальный в своем роде образец канцелярско-бюрократического искусства, занимающий шесть с лишним страниц убогого текста. Аргументы же составителей, мягко говоря, неубедительны, а порой их подводит собственная память.

Так, А. Н. Корнеев только после нашей поездки на Соловки «вспомнил», что председатель Соловецкого сельсовета Г. Д. Джавадов еще раньше предупреждал его: обстановку в школе неблагоприятная. А в справке на сей счет сказано весьма категорично: «Тов. Джавадов ни письменно, ни устно о работе школы в облоно не обращался». При желании можно и не только это «лыко» вставить в строку. Но мы этого делать не будем. Сейчас нас больше волнует, какова, говоря словами Сухомлинского, «духовная жизнь школьного коллектива».

Непонятно, почему в официальных ответах, присланных в редакцию, об этой наиважнейшей стороне школьной жизни говорится вскользь, через запятую. Может, в справке подробнее? Отнюдь. Всего лишь поверхностная констатация: «Нет должного взаимопонимания между учителями, нет благоприятного психологического климата в педагогическом коллективе». Вину за это проверяющие делят поровну между директором и профкомом. Но что мог сделать профсоюзный комитет, если директор ограничила его функции заполнением бюллетеней листов?

Налицо попытки во что бы то ни стало ослабить остроту критики, прозвучавшую со страниц журнала, уйти от разговора по существу во второстепенные частности, малозначащие детали, в которых, признаемся откровенно, автор очерка допустила некоторую неточность. Это, судя по всему, и позволило заместителю председателя Архангельского облисполкома Е. Д. Диваковой написать следующее:

«Нельзя согласиться с методами подготовки материала т. Потехиной. Автор использовала различного рода слухи, наговоры, письма Пахомовой Н. Д., но не проверила их, ни в каких инстанциях не уточнила. В результате в очерке много фактов извращено или вовсе не имело места. Считаем недопустимыми и такие действия автора очерка, как вовлечение учащихся в обсуждение деятельности директора и учителей».

О каких предосудительных методах сбора материала идет речь? Автор встречалась на Соловках со многими людьми, так или иначе причастными к школе. Беседовала с родителями — это объявляется «слухами». Встречалась с педагогами и учениками — «наговоры». А разве письма учительницы Пахомовой, которая оказалась в центре конфликта, других соловчан сами по себе не являются документами?

«Вовлечение учащихся...» — вот на этом остановимся особо. Поясним, что имеется в виду.

В начале апреля, как только вышел номер «Смены» с очерком «Конфликт на Соловках», его автор И. Потехина провела там обсуждение своей публика-

ции. Обсуждение проходило в помещении сельсовета в присутствии председателя Соловецкого исполкома Г. Д. Джавадова и секретаря островной парторганизации А. В. Костина. Уточним: редакция не поручала автору статьи обсуждать опубликованный материал на Соловках. Но не забудем: И. Потехина — писательница, уроженка этих мест, разве кто-нибудь может отнять у нее право на это?

Школьная реформа направлена на развитие, активизацию демократических начал и в школе, и в обществе. Отживают свое голые администрирование, взгляды на учеников как на безропотных исполнителей воли взрослых: нечего, дескать, совать свой нос в дела педагогов, не досрости, мол. Вот тут и вспоминаются лучшие наши учителя, начиная с Макаренко, те, которые уважают в ученике равноправную, самостоятельную личность и не боятся уронить свой авторитет в ребячьих глазах. Не боятся потому, что их авторитет держится на прочной основе — на истинном благородстве, нравственной и профессиональной культуре, а не на преимуществах должности. Так почему же старшеклассники Соловецкой школы должны довольствоваться полуправдой, слухами?

Все мы за укрепление авторитета школы. Но ведь укреплять его можно по-разному. Можно прямо, правдиво говорить о недостатках, а можно заботиться лишь о внешнем виде, не вынося сор из избы.

— Теперь идешь по острову, как оплеванный, — жаловался молодой преподаватель Константин Шабунин. — Все знают, что ты работаешь в школе, а в школе склока.

— Выходит, публикация виновата? — Нет, методы руководства у директора, конечно, не те, но... — Константин замаялся.

Такая половинчатая позиция, увы, свойственна иным соловецким педагогам: терпеть грубияна директора уже нет сил, но и выступить открыто смелости не хватает. Да и как выступишь, если почти заранее известно, что облоно будет на стороне Горбенко? Одна надежда на заступников со стороны.

Однако напрасно соловецкие учителя думают, что их голос не будет услышан. Надо, надо кричать, когда видишь несправедливость, когда начальственная грубость становится чуть ли не главным средством воспитания. Когда воинствующая безнравственность порочит само слово «учитель».

И снова, и снова, размышляя об истории, случившейся в соловецкой школе, возвращаешься к мысли о необходимости свято блюсти в неприкосновенности высокое звание учителя. Какая же это труднопоправимая беда, когда именно учитель перестает быть для окружающих образцом, когда с ним связываются сомнительные поступки, неблагоприятные дела! Вот о чем не забывать бы и всем нам, и прежде всего тем, кто связан с жизнью школы.

Педагог не одиночка. В честном деле он всегда может рассчитывать на поддержку. Так получилось и на Соловках — свое мнение о конфликте в школе высказали родители.

«Нас волнует нравственный микроклимат в школе, — пишут они в редакцию. — Нас не удовлетворяют хроническая нехватка преподавателей, низкий уровень обучения, взаимоотношения в коллективе учителей».

«Нельзя калечить детские души, — говорится в другом коллективном письме соловчан. — Ведь дети понимают, кто их друг, а кто просто надзира- тель».

Да, мириться с таким положением в школе нельзя — так полагают и наши читатели.

«Прочла «Конфликт на Соловках» и до сих пор не могу успокоиться, — пишет из Ивановна экономист Л. Куфтырева. — Первое ощущение — страх за детей, которые учатся в школе, где «директорствует» Горбенко...»

«Самое страшное не сама Горбенко, а та почва, на которой произрастают подобные ей, — уточняет Л. Пантелева из Вологды и добавляет: — Когда же мы научимся с корнем вырывать такие безобразия?»

В самом деле, когда?

Отдел коммунистического воспитания
журнала «Смена».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 17 (1423) СЕНТЯБРЬ 1986

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
фотозлюд
Сергея
ВЕТРОВА
и Бориса
ЗАДВИЛЯ.

- 1 Станислав ТОКАРЕВ.
«БЫЛЬ О ПОЖАРНЫХ ЧЕРНОБЫЛЯ».
- 2 СОЦИАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ.
Михаил ЧИЛИКИН.
«ГОРЬКАЯ СУДЬБА КРАСНОГО ПЛОДА».
- 4 ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ «СМЕНИ».
«СТЫДНО!»
- 6 Михаил КИЗИЛОВ. «ЛИДЕР ПО ДОЛЖНОСТИ?»
- 8 ПУБЛИКАЦИИ «СМЕНИ».
Повесть Юрия ВИЗБОРА «АРКТИКА, ДОМ ДВА».
- 12 ОТЕЧЕСТВО.
Геннадий МАШКИН. «ОСТРОВ ИМЕНЕМ ОЛЬХОН».
- 18 ЖИЗНЬ СЕМЬИ. «НА ЧТО УХОДИТ РУБЛЬ».
- 20 СПОРТ В НАШЕЙ ЖИЗНИ.
Юрий КОВЕШНИКОВ. «ДОБРЫЕ ИГРЫ».
- 23 МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ.
Мария ИГНАТЬЕВА. «ПОЛЕТ НАЯВУ».
- 24 МОЛОДЕЖНАЯ МОДА.
Марина КРАЙНЯЯ. «ФАНТАЗИИ ТЕКСТИЛЯ».
- 25 Стихи Бориса ДУБРОВИНА и Рустема КУТУЯ.
- 26 Павел БОНДАРОВСКИЙ, Иван ЗАДОРОВНИК.
«ПРОСНИТЕСЬ, ВЫ ТАЛАНТЛИВЫ!».
- 28 КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
«ЗЕМЛЯ, МЫ ДЕТИ ТВОИ».
- 29 Повесть Бориса ВАСИЛЬЕВА
«РОЗЫСК ПРОДОЛЖАТЬ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САУШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор А. В. Гусева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1986 г.

ЛИДЕР ПО ДОЛЖНОСТИ?

Михаил КИЗИЛОВ

Начиная со школы

Как приходят в комсомол, как становятся комсомольскими работниками?

Наверное, правильное всего этот путь начинать со школьной скамьи. Комсорг класса, секретарь комитета комсомола школы; далее — армия, вуз или производство. Позже райком, обком... Так должно быть.

А в жизни? В жизни сложнее...

Да, у некоторых комсомольская биография начинается со школы. Но опыт показывает, что таких немного, особенно среди тех, кто достигает каких-либо комсомольских высот.

Много ли среди секретарей и заведующих отделами ЦК ВЛКСМ и ЦК ЛКСМ союзных республик бывших комсоров класса? Единицы! Почему?

Действительно, почему?

В реальной жизни школьный комсомол зарождается под руководством учителя. И именно там, в школе, в деятельности комсомольской организации зачастую насаждается тот самый формализм, с которым позже все начинают усиленно бороться. Свою лепту вносит и комсомольское начальство — работники райкомов, горкомов комсомола обычно предпочитают иметь дело с директором или организатором по внеклассной и внешкольной работе, но не с секретарем комитета комсомола школы.

Давайте приглядимся, кто занимается комсомольской работой в восьмом классе. В большинстве случаев образцово-показательные девочки, которые хорошо учатся, те, что добросовестно вписывали в младших классах в дневники всем ученикам оценки за неделю, своевременно не выставленные учителем.

Как относятся к ним учащиеся? Как правило, недоброжелательно, в лучшем случае равнодушно. В восьмом классе такую ученицу «по предложению педагогического коллектива» избирают комсоргом, и под чутким руководством нередко далекого от комсомола преподавателя этот юный лидер настолько засушивает работу, что спустя год классу безразлично, кто будет комсоргом. Класс живет своей жизнью, подчиняясь своим законам, устанавливаемым неформальными лидерами. А комсорг существует как бы сам по себе.

Позже в рабочем, студенческом, армейском коллективе стремятся разбудить активность каждого комсомольца, но вирус раннего равнодушия победить не так-то просто.

К сожалению, во многих школах сама мысль о самостоятельности и самоуправлении учащихся кажется нереальной. Да, сегодня школа двумя руками за самоуправление. «Изберем» комсоргом Лену, Катю, Колю: хорошо учатся, послушная девочка (реже мальчик) — и будем требовать, чтобы ребята большинство вопросов решали сами. Но вопросов уже не появляется. Решать уже нечего.

Возможно, я сгустил краски. Конечно же, в школу приходит все больше и больше преподавателей, которые на собственном опыте убедились, от чего зависит жизненная активность каждого ученика.

Но, к сожалению, еще очень много «душевного покоя» там, где его не должно быть. Как часто мы еще пытаемся идти известным, проторенным, а точнее, уже затоптанным путем, вместо того чтобы прокладывать собственную колею.

Тысячи людей работают в Ленинском комсомоле.

Кто они? Как приходят в комсомол, как становятся лидерами? И почему рядом с настоящими вожаками в комсомольских комитетах есть и безынициативные чиновники? Почему в их работе сегодня много формального, наносного, ненужного? Эти вопросы волнуют всех, кто причастен к воспитанию молодежи.

Время требует честного разговора не только о тех, кем гордится комсомол. Необходимо присмотреться и к тем, кто случайно оказался в молодежной организации, кого привели в комсомол интересы карьеры.

Вот, скажем, почему в экипажах подводных лодок секретарями комсомольских организаций избирают неформальных лидеров? Почему на флоте не боятся доверять комсомольскую организацию человеку, который в школе и учился не самым лучшим образом, да и активистом не был? Потому что флот, и в особенности подводный, — это уже серьезная взрослая жизнь, в которой от психологического климата в коллективе, от действий каждого человека зависит судьба всего экипажа. И здесь уж не до нянек. Комсомольскому секретарю предстоит создать внутренний настрой в организации, в море коллектив мобилизуется на выполнение поставленных задач не только приказом командира, но, и что не менее важно, настраивается изнутри комсоргом — уважаемым всеми лидером. И зачастую внутреннее осуждение или поддержка того или иного моряка значат не меньше, чем выговор или поощрение командования.

Именно поэтому на подводной лодке комсоргом становится действительно уважаемый ровесниками человек. Он еще многого не умеет. Но он знает: его научат. И он осмысленно готов к тому, чтобы впитывать в себя знания и опыт.

Неожиданно для него самого избрали Леонида Богачука комсоргом экипажа подводной лодки. Чем же он отличался от своих товарищей? Веселым характером, умением выслушать, готовностью помочь и поддержать, позитивным, критическим мышлением.

После службы Леонид, еще не имея высшего образования, стал первым секретарем Ломоносовского горкома комсомола (случай редчайший для Ленинградской организации). Комсомольские работники старших поколений помнят Богачука как энергичного, ершистого, не все принимающего на веру, но в то же время с обостренной ответственностью за порученное дело лидера молодежи. Позже Леонид работал на телевидении, где успел придумать популярную в свое время передачу «Сто друзей», трудился в печати. Его публикации были остры, в них всегда ставились проблемы и вопросы, на которые откликались читатели.

Неугомонность характера, стремление быть там, где нужнее, привели Богачука в Афганистан. Результатом поездки стала не только конкретная помощь в издании молодежной газеты, но и собственный цикл повестей и рассказов.

Безусловно, не все комсорги-подводники стали первыми секретарями горкомов. Но в том, что почти все живут честно, искренне преданы идеалам партии и комсомола, а многие стали неплохими комсомольскими работниками, я уверен.

Почему же в школе стремятся к тому, чтобы комсоргом был удобный, во всем послушный человек? Чаще всего лишь рупор классного руководителя, учителя?

Потому что в школе порой созданы тепличные условия с тройной подстраховкой. В пионерских лагерях с ребенка сдувают пылинки — как бы чего не вышло, даже в лучших из них — «Артеке» и «Орленке» — воспитательный процесс построен на элементах игры и романтики: так интереснее. А потом поедет юноша «за туманом и за запахом тайги», а его ждут носилки с бетоном, комары и обеды в плохой столовой — и он в ужасе: «Мне об этом не говорили». Время требует, чтобы воспитание строилось на реальной жизненной почве.

Пока же сделан первый шаг: лагерь труда и отдыха — но лишь старшим классам, да и то далеко не всем. А младшим — покамест поиграем, а потом... А потом с родительской шеи слезать не хочется. Потому что так удобнее, проще. О какой же активности можно говорить в таком случае, о каком серьезном жизненном подходе к интересам дела?

Когда с первых дней пребывания в комсомоле у молодых людей будет возможность решать что-то самостоятельно в их родной комсомольской организации, когда процесс воспитания школьного комсомола будет строиться на базе трудового обучения с реальным вкладом молодежи в дела и заботы своего коллектива, города, всей страны, тогда мы сможем решить многие проблемы, стоящие сегодня перед комсомолом остро и злободневно. Тогда и комсорга в восьмом классе будут избирать с той же принципиальностью, что и комсорга подводной лодки, тогда многие вопросы комсомольской работы станут разрешаться без волокиты, тогда не окажется в молодежном союзе «лишних людей».

«Лишние люди»

У проработавшего несколько лет комсомольского работника складывается свое, личностное отношение к каждому сотоварищу, с которым сталкиваются жизнь и комсомольская биография, вырабатывается своеобразный набор «типажей», и в первый раз встречаясь с человеком, мысленно относишь его к определенной категории, типу, а уже в дальнейшем на деле проверяешь точность или ошибочность этого впечатления.

Конечно, такой подход далек от научного, носит чисто субъективный характер, но...

Стало быть, и у автора этих строк за пятнадцать лет работы в комсомоле, от первичной организации до ЦК ВЛКСМ, сформировалось собственное отношение к комсомольскому активу, в том числе и к лишним людям в комсомоле.

Какие же они сегодня, лишние в комсомоле люди?

Попробую предложить некоторую весьма условную классификацию.

«Лакомка» — как правило, неглупый, обаятельный человек, которому в жизни все доставалось легко в силу способностей и везения. Работает «по Толстому»: «то, что должно произойти, произойдет», весело и беспечно, в основном надеясь на «авось» и его величество «случай». В силу своего общительного характера стремится помогать окружающим, но, если сталкивается с трудностями или с чьим-то противоположным мнением, на рожон не лезет: либо осторожно идет обходным путем, либо потихоньку отказывается от своей затеи или мнения. Он нравится сверстникам и постепенно утверждается в мысли, что жизнь прекрасна и удивительна, и начинает себе позволять больше чем требует нравственный кодекс, но рано или поздно попадает в какую-либо неприглядную историю. Очень часто работа в комсомоле для «лакомки» заканчивается персональным делом, а иногда и письмом жены в партийный комитет.

«Лукавый» — внешне симпатичный, словоохотливый, всегда в курсе последних модных публикаций и кинофильмов, показно демократичный рубаха-парень, а в глубине души абсолютно равнодушный к людям и делу человек. На любое обращение за помощью отвечает согласием, но в лучшем случае эту просьбу, если она исходит не от начальства, передает подчиненным, забывая проконтролировать. Изюм всех сил старается уходить от конфликтов и споров, никого никогда не рекомендует на повышение, а если кого-то публично и поддержит, то только после того, как поддержали другие. Но из-за этого ночь не спит: страшно боится — не ошибся ли? В повседневной работе обходится двумя фразами: «Надо посоветоваться» — для коллег и подчиненных и «Как скажете?!» — для начальства. Когда с него начинают требовать жестче, он способен выступить с неплохой инициативой. Но и здесь у

него свой подход: реализовывать ее должны другие. Его терпят — видимого вреда не приносит — и постепенно куда-то повышают: как правило, он достаточно молод, к тому же некоторое время срабатывает показная исполнительность.

Однако в конце концов «лукавый» встречается с серьезными, глубокими, думающими людьми. Проработав вместе с ним, эти люди задумываются: «Как же этот человек мог расти?» И «лукавый» тихо уходит на работу по специальности.

«Краснобай» — почему-то внушил себе, что умеет и должен много и красиво говорить. С годами эта привычка усугубляется, он вещает по любому поводу: первым высказывает свое мнение, зачастую правильное (в большинстве случаев он знает, что надо сказать). Этот человек умеет бороться за свои взгляды, с показным уважением готов выслушать других. Однако, едва уловив начало фразы, перебивает, и не потому, что все понял, а из-за желания высказаться самому. Он всегда готов действовать, но дальше слов не идет — из-за прожектерства и болтовни у него ни на что другое времени не остается.

В коллективе к нему относятся несколько иронично — кто, мол, без слабостей? — но постепенно терпение лопается и его тихо убирают, чаще всего на учебу.

«Резвый» — в силу непонятных и необъяснимых обстоятельств, которые трудно назвать даже везением, очень быстро попал на руководящую комсомольскую работу, скажем, за год-полтора прошел путь от первичной организации до обкома комсомола. Он даже мысленно не готов к этому, но вместо того, чтобы усиленно заняться самообразованием, учиться у других, намерстывая упущенное, идет по пути внешнего эффекта: выступления, парадные представления, просмотры...

С каждым днем разрыв между должностью и внутренним состоянием неуверенности увеличивается, и он вынужден тратить огромные усилия на то, чтобы скрыть от окружающих свою беспомощность. Поэтому он показно срывает раздражение на подчиненных, постоянно подчеркивает их недостатки: дескать, посмотрите, с кем приходится работать, следит за тем, чтобы всех держать на расстоянии, чтобы окружающие не ощутили всю глубину его неполноценности. Но в конкретной работе скрыть ничего нельзя, поэтому над ним посмеиваются, а подчиненные стараются лишиться раз не попадаться ему на глаза.

Постепенно в аппарате нарастает конфликт, и рано или поздно «резвого» отправляют на хозяйственную (!) работу.

Готов согласиться, что предложенная классификация весьма условна, реальная жизнь богаче разнообразными типажками и порой такими примерами, что остается только диву даваться: как же он попал на комсомольскую работу?

Лидерство по существу

Так как же молодые люди становятся комсомольскими работниками?

Чаще всего учится потенциальный лидер молодежи в школе и даже в мыслях не связывает свое будущее с этой работой. Платит взносы, ходит на комсомольские собрания, но не сидит ему там, ждет не дожидается, пока проголосуют за что-то и можно будет бежать по своим делам: покормить младшего брата или сестренку, разнести с почты телеграммы, успеть на тренировку или в кружок. Словом, у него с юных лет в семье не только права, но и обязанности. Если же он живет в городе, то с первого класса на лето выезжает к родственникам в деревню, где не только ловит рыбу и загорает, но и помогает по хозяйству да и самостоятельности продолжает учиться: взрослые на работе — ребята сами себе хозяева.

После окончания школы поступает в институт. Неплохо учится, подрабатывает на кафедре, время от времени по ночам разгружает вагоны, занимается спортом. Опять же платит взносы, посещает собрания, иногда даже выступает на них. Так проходит год или два — до первой стройки. Летом группа выезжает в стройотряд. В отличие от большинства студентов этот человек уже в достаточной мере самостоятелен, более приспособлен к жизни. На стройке ему легче, чем другим, особенно в первые дни. И шаг за шагом он, сам того не замечая, становится нужным многим: поможет починить сапог, уточнит, съедобен ли гриб, научит мотать портянки, быстро почистит картошку...

Проходит лето, студент возвращается в институт, и его — нужного всем человека — избирают комсоргом группы, в факультетское бюро, в студенческий совет. И постепенно крепнет характер, начинают проявляться способности. Он не просто собирает взносы, а старается что-то организовать, придумать — от выезда за город до конкретного исследования в студенческом научном обществе.

На следующий год снова едет на стройку, уже бригадиром, и там еще больше укрепляет свои позиции. Осенью его избирают в состав комитета комсомола, секретарем или заместителем факультетского бюро. И опять стройка — теперь уже комиссаром или командиром, потом снова вузовский комсомол. Он уже увлечен комсомольской работой, кроме студенческих обязанностей, у него появляются ответственность за других и особая требовательность к себе.

После окончания института он едет по распределению и там с первых же дней — в числе комсомольского актива. Постепенно он становится перед выбором: работа по специальности или комсомол? Побеждает второе. Потом его избирают в райком комсомола, и начинается профессиональная комсомольская работа, хотя слово «профессионал» большинство комсомольских лидеров не употребляет. Ибо работа в комсомоле — это не специальность, а гораздо большее — призвание!

Именно потому работу эту можно «делать» только чистыми руками и с чистыми помыслами. Если человека повышают и каждое новое предложение звучит для него чуть преждевременно (не все задуманное успел осуществить) — это первое условие нравственной позиции человека в комсомоле, здорового отношения к работе и жизни. Ибо при этом человек живет в постоянном желании что-то сделать, в сомнениях, в совете с самим собой.

Когда же молодого человека приглашают на работу и начинают с авансов: дескать, если все будет нормально, то через два года отправим в райком секретарем, — инструктор горкома или обкома еще до своего утверждения перестает таковым быть. Зачем бороться, наживать неприязни с инициативами, чего-то добиваться, доказывать? Зачем? Лучше выждать, не привлекая к себе излишнего внимания. Через два года он все равно станет первым секретарем. Значит, лучше не рисковать. С первого дня работы в горкоме он уже готовит себя на другую роль — в первые секретари райкома: в лексикон внедряется ранее неприемлемое слово «подумаем», еще год назад он дерзал, искал и делал что-то свое, не боясь ошибиться, а теперь предпочитает отсиживаться за многозначительным словом «подумаем». Его движения становятся неторопливыми, слова — тоже: он готовится! И дожидается своего-таки часа: его избирают, и он, заняв кресло в райкоме, уже вычисляет, на место кого из заведующих отделами, а то и секретарей обкома он может рассчитать в недалеком будущем. Что его ждет? А это уже не комсомол. Это уже «жизнь в обойме» — куда выстрелят. Нужно только вовремя подсуетиться, чтобы попасть в ствол. А выстрелит точно... если не ошибиться. Где уж тут до новых путей и форм, за которые нужно бороться да и выговор можно получить! Центр тяжести работы такого секретаря райкома перемещается из своей родной организации на областной и городской уровень. Работа в районе перепоручается аппарату. Хорошо, если второй секретарь толковый. А если он тоже уже раскладывает пасьянс карьеры? Вот и катится в районе все, как и много лет назад, с той лишь разницей, что раньше регулярно проводились военно-патриотические слеты, работали клубы любительской песни и проводились конкурсы, а теперь слеты проводятся от случая к случаю — то из-за пожароопасной обстановки, то из-за какого-нибудь позарешленного ЧП; клубы песни закрыли потому, что не ту песню спели. А конкурсы? Какие там конкурсы, если у ансамблей нет аппаратуры и достать ее можно только через тот же райком... Жизнь становится проще, хлопот меньше, райком вовремя сдает информацию, и на совещаниях в обкоме не ругают.

Со временем первого забирают в обком, но и там он во главу угла ставит уже оправдавший себя принцип выживания.

Появляются «гладкие комсомольские биографии». Так постепенно год за годом в комсомоле

укреплялся начисто чуждый духу молодежного союза термин «хорошее прохождение». Это когда человека берут на работу по анкете. Смотрят. Ого! Вон он где и кем успел поработать. Стало быть, справится. А человек уже много лет работает спустя рукава, думает только о себе.

Опыт показывает: при подборе кадров в молодежном союзе определяющим фактором должна быть уверенность — справится! Только так можно добиться, чтобы в комитеты комсомола приходили работать действительно яркие, талантливые люди, которые могут предложить новые идеи, смогут их реализовать.

Владимир Семернин, бывший первый секретарь Камчатского обкома комсомола, человек очень совестливого отношения к работе и очень требовательного к себе, много сделавший для укрепления авторитета областной организации и вошедший в ее историю конкретными делами, в листок по учету кадров заглядывал только тогда, когда уже практически понимал: человека можно повышать или брать на работу в комсомол. Он изучал не столько бумаги, сколько конкретные дела, общественное мнение. Но если уж брал сотрудника в аппарат обкома, то доверял ему, позволял решать многие вопросы самостоятельно. Тому же Семернину удалось провести многих комсомольских работников между своеобразными Сциллой и Харибдой комсомола — возрастом и образованием. К примеру, работает в райкоме или горкоме комсомола толковый, способный человек, трудится честно, с душой, но годы начинают поджимать. Пора думать о перспективе: что-то предлагать в комсомоле или рекомендовать на другую работу. И тут выясняется, что по образованию он историк, а в аппарате обкома комсомола более половины сотрудников — учителя, да и в области их избыток. Всюду требуются экономисты и инженеры. Поэтому начинаются сложности, выжидание вакантного места, человек уже не столько работает, сколько ищет работу, и зачастую этот поиск растягивается на месяцы, а иногда и годы. Естественно, это не способствует созданию рабочего настроения в коллективе, да и у человека появляется чувство обиды.

Семернину же эту проблему во многом удалось снять, потому что он убежден: стоящий человек сможет и работать в комсомоле в полную силу, и учиться заочно, если это необходимо. Не случайно сегодня в камчатской организации многие комсомольские работники — заочники высших учебных заведений, не случайно каждый приезжающий на Камчатку обращает внимание на здоровый психологический климат в организации и дружный, работающий аппарат обкома комсомола. Да и сам Семернин заочно закончил два института: юридический и народного хозяйства — и сейчас учится в Академии общественных наук ЦК КПСС.

Конечно же, ошибки в комсомольской работе могут быть. Но главный принцип, на котором должна строиться кадровая политика, — внимание к человеку, а уж потом к анкете. В последние годы, к сожалению, зачастую было наоборот. Потому что гораздо проще показать «богатую» анкету и при этом ограничиться кратким комментарием: неплохой человек, — чем убеждать и доказывать, почему именно этот человек нужен обкому или крайкому комсомола, объяснять, почему у него полупустая объективка, и в конце концов получать «добро» под личную ответственность, то есть, образно говоря, за каждого сотрудника «класть голову на плаху». Поэтому и прижился анкетный принцип, поэтому сегодня именно из-за такого подхода в комсомоле много инертных, равнодушных и лишних молодых людей.

Жизнь показывает, что комсомол вполне может быть на уровне требований сегодняшнего дня, сформулированных на XXVII съезде КПСС: работа с молодежью «как никакая другая должна носить поисковый характер, быть интересной и близкой юношеству, прочно связанной с запросами молодых людей».

Для этого необходимо, чтобы в комитетах комсомола работали настоящие, самоотверженные, яркие люди. Личности, энергии которых хватило бы и на себя, и на то, чтобы зажечь поступком других, повести за собой не только словом, но и делом. Только тогда можно говорить об успешной работе. Только тогда.

Публикуя настоящий материал, редакция не считает, что он отвечает на все вопросы, которые ставит перед комсомольскими организациями жизнь. Наоборот, этой публикацией мы начинаем большой разговор накануне XX съезда ВЛКСМ по актуальным проблемам комсомола, в котором приглашаем принять участие и комсомольских работников, и тех, кто еще не смог найти себя в молодежном союзе, и тех, кто в чем-то уже успел разочароваться. Ждем ваших писем!

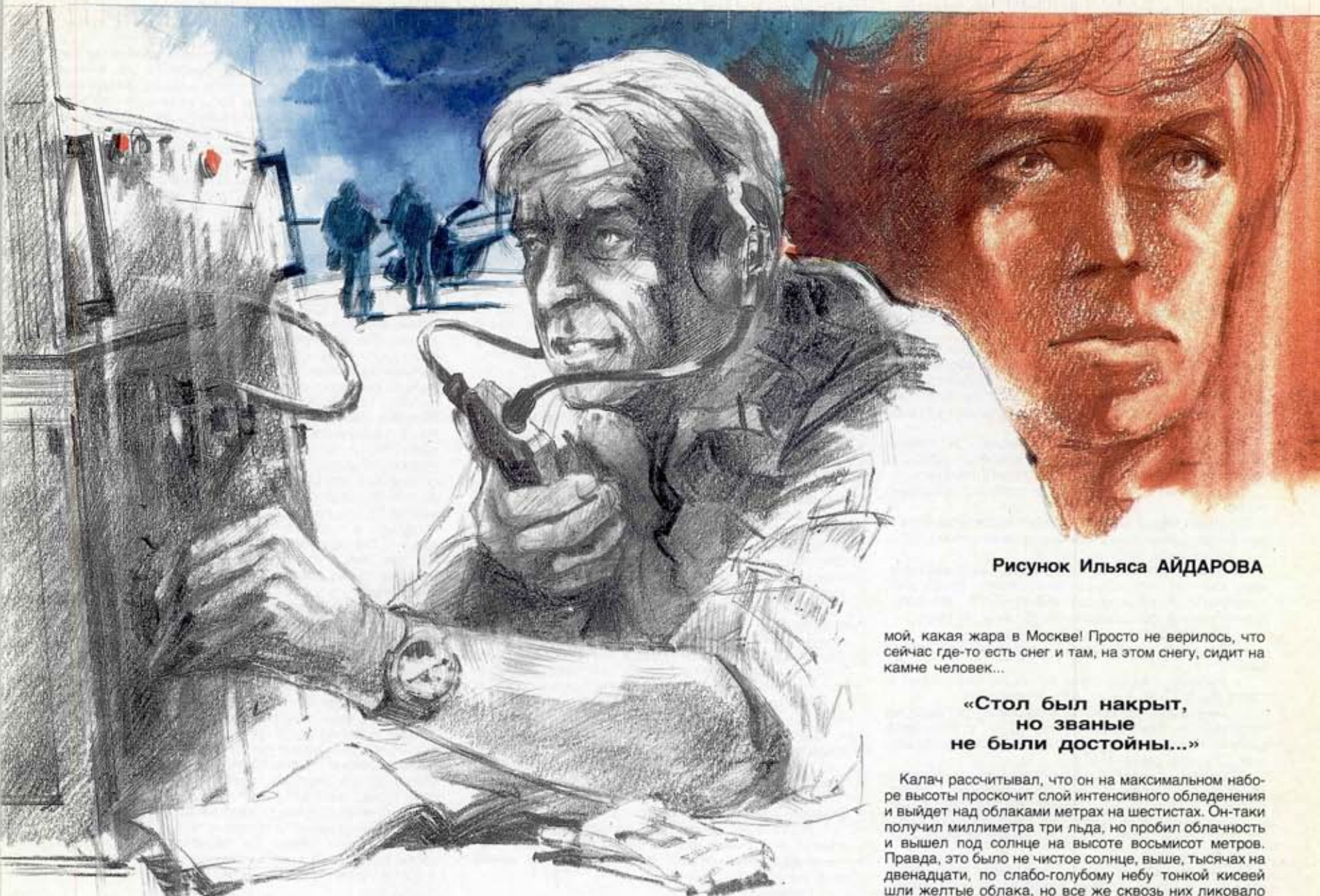

Рисунок Ильеса АЙДАРОВА

мой, какая жара в Москве! Просто не верилось, что сейчас где-то есть снег и там, на этом снегу, сидит на камне человек...

**«Стол был накрыт,
но званые
не были достойны...»**

Калач рассчитывал, что он на максимальном наборе высоты проскочит слой интенсивного обледенения и выйдет над облаками метрах на шестистах. Он-таки получил миллиметра три льда, но пробил облачность и вышел под солнце на высоте восьмисот метров. Правда, это было не чистое солнце, выше, тысячах на двенадцати, по слабо-голубому небу тонкой кисеей шли желтые облака, но все же сквозь них ликовало солнце, засверкал лед, нарастающий на капоте, заиграла бликами приборная панель. «Живем!» — подумал Калач. До Ли Смитта идти двадцать восемь минут полетного времени, это при непогоде. А при солнце, ясное дело, идти всегда в два раза меньше! Ногами зажав ручку управления, Калач разглядывал карту, прикинул в уме возможный снос машины. Ах, как плохо-то, оказывается, летать без штурмана! Ладно! Откупится Калач от него в Москве, из-под земли достанет ему большую коробку «Кепстана»! А то, может, и «Данхилла». А пока он летел над сплошной крышей облаков и все думал, как бы ему повыгоднее пробить эту крышу: рано уйдешь вниз, к морю — больше шансов точно выйти на точку, но может загрызть машину обледенение. Поздно пойдешь вниз — никакого тебе не будет обледенения, но что под тобой окажется — одному богу известно... В конце концов, когда по счислению до кромки северной оконечности острова Ли Смитта осталось четыре мили, Калач положил машину в вираж и вошел в облачность. Погасли солнечные зайчики, временами плотность тумана была такая, что скрывался в нем капот машины. Калач опускался вниз осторожно, расчетливо, теряя метр за метром, словно лез ночью по веревке в заброшенную шахту. Временами светлело, и казалось, что вертолет вот-вот выскочит из-под облачности, но слои облаков лежали друг на друге, как одеяла на интендантском складе. На двухстах пятидесяти метрах он завис, ему показалось, что слева начинается окно — просвет в тумане, через который можно будет глянуть вниз. Он стал осторожно подбираться к этому просвету, как вдруг прямо в пяти метрах от баллона шасси пронеслась скальная гряда, камни, присыпанные снегом и уходившие круто вниз, в туманную преисподнюю. Калач даже не успел испугаться — пальцы сами потянули ручку управления, когда Калач взглянул на альтиметр, стрелка лежала уже на двухстах семидесяти и потихоньку лезла вверх. Хорошенькое дело! Машину, очевидно, несло боковым ветром, километров пятьдесят в час. Понятно. Калач набрал еще немного высоты и поменял курс. Он должен был среди тысяч квадратных километров ледяных пустынь найти в тумане одну точку, крохотную точку, какое-то злое болотце с серыми камнями. Он ушел, по его расчетам, на пятнадцать миль в море, снова стал пробивать облака и снова едва увернулся от каких-то скал. Смешно.

ДВА

— Станция работает?
— Да, я посмотрел. Аппаратура в порядке. Все-таки хватило ума у радиста на гвоздочек взять дверь, иначе бы мишки устроили там большой концерт! Потом там стоит «солдат-мотор», можно в крайнем случае от него питаться. А что?
— А харч на зимовке есть?
— Харч специально не смотрел, однако там на камбузе краем глаза увидел пару ящиков каких-то консервов. Можно пошарить по домам. В крайнем случае на циглеровской возьмем, там есть, это точно. И, между прочим, стоит полбочонка рома самого отменного качества. Шесть лет назад со Старковым...
— Спасибо, дорогой, — сказал с улыбкой Калач, — алкогольных проблем у нас на сегодня хватает. Посмотри-ка еще раз рацию и повнимательнее.
— Миша, — сказал штурман и подошел вплотную к командиру, — или я совсем уже стал старый хрыч, или ты брось выкрутасы!
— Ладно, — махнул рукой Калач и вышел из дома. Туман немного поднялся, кажется, метров на десять. А может, и не поднялся. Юзик и Яновер уже катили к вертолету бочки с бензином.
— Круче, круче забирай! — руководил Яновер. Калач взглянул на часы — подходило время вызова. Он забрался в вертолет, включил станцию, поговорил с Кобзуруковым, но новостей никаких сообщить ему не мог. Надо было погреть машину. Юзик отцепил антенну зимовки, Яновер включил зажигание, зачихал двигатель, потом взревел. Калач поднялся наверх и сел на свое место. Оба бака были полны. Калач достал из планшета карту, положил рядом, на клочке бумаги написал: «Н.Ф.! Я ушел за радистом, вернусь через полтора часа. Извини, что все так вышло, но не могу рисковать ни тобой, ни

ребятами. Если через шесть часов не приду, доложи в Москву, налаживай жизнь здесь. Назначаю тебя своей властью командиром экипажа. Калач». Он свернул трубочкой записку, притянул к себе Леву и прокричал ему в ухо:

— Снеси Николаю Федоровичу записку и закрой дверь, а то дует!

— О'кей! — сказал Лева, спустился вниз, и Калач видел, как он закрыл дверь вертолета. Из дома выглянул Николай Федорович с трубкой во рту. Лева пошел к нему. Бомбовоз стоял в трех метрах от машины, нагнув голову, держался за шапку, ждал, когда командир уберет обороты. Калач перевел сектор газа, потянул на себя ручку. И сразу попал в туман, только картина осталась в памяти — шапка слетела с головы бортмеханика, Лева Яновер удивленно повернулся к поднимающемуся вертолету, и Николай Федорович вынул изо рта трубку...

Грозы на юге, непогоды на севере

Было совершенно очевидно, что к вечеру разразится гроза, но это только к вечеру, а сейчас пекло невероятно, да еще и накурили, как черти. Виктор Ильич подошел к раскрытому окну, глянул на дальние леса, блекло томившиеся под жарой на горизонте. Все окна открыты были в кабинете, ну хоть бы чуть дунуло! От перегревшегося вентилятора больше жаром тянуло, чем ветром. Позвонил в радиобюро.

— Как там с Калачом? Есть чего нового?

— Только что была связь, они все сидят на циглеровской, туман, видимость десять метров. Ждут.
— Как будет связь, перекинь его на мой телефон. Позвонил Старкову.

— Леонтьевич, какие борта у нас в западном секторе задействованы? Сообщи мне номера, местонахождение, степень готовности, фамилии командиров.

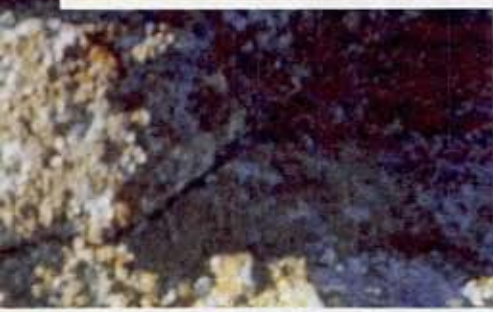
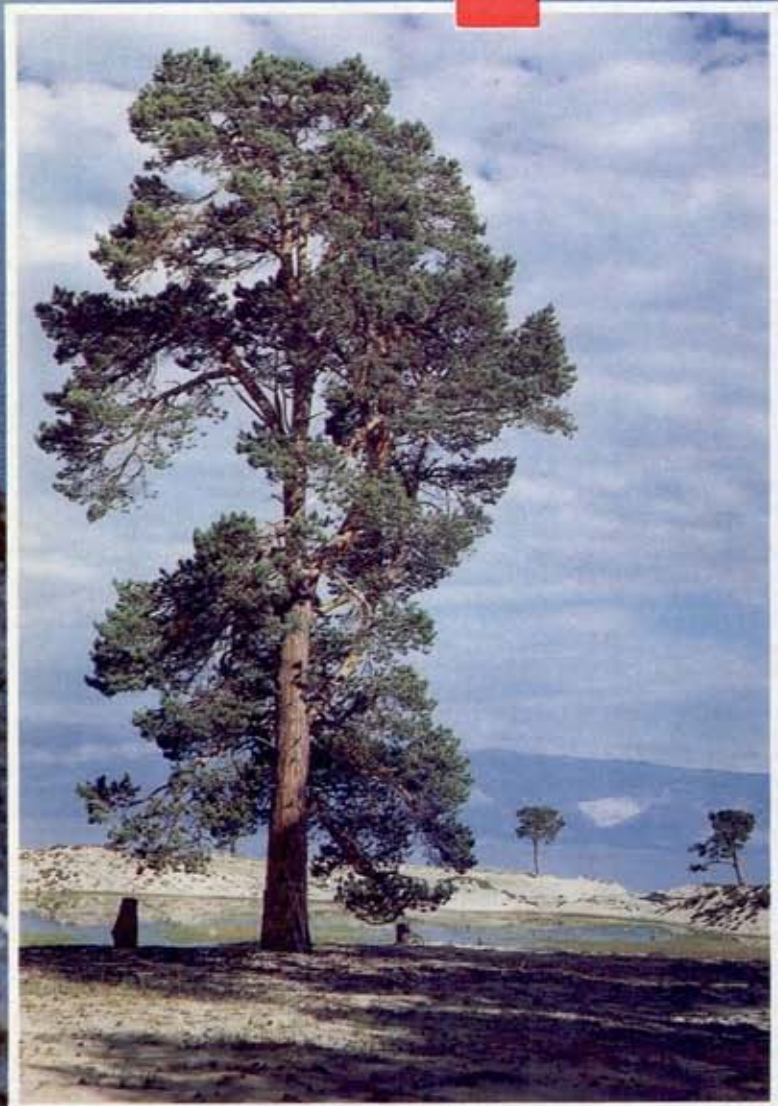
— Через пять минут позвоню. А что, сходить куда надо?

— Может быть, придется сходить на Ли Смитта. Но это выясняется.

— Хорошо. Через пять минут позвоню. Там прогноз плохой идет.

Виктор Ильич отхлебнул теплого нарзана. Боже

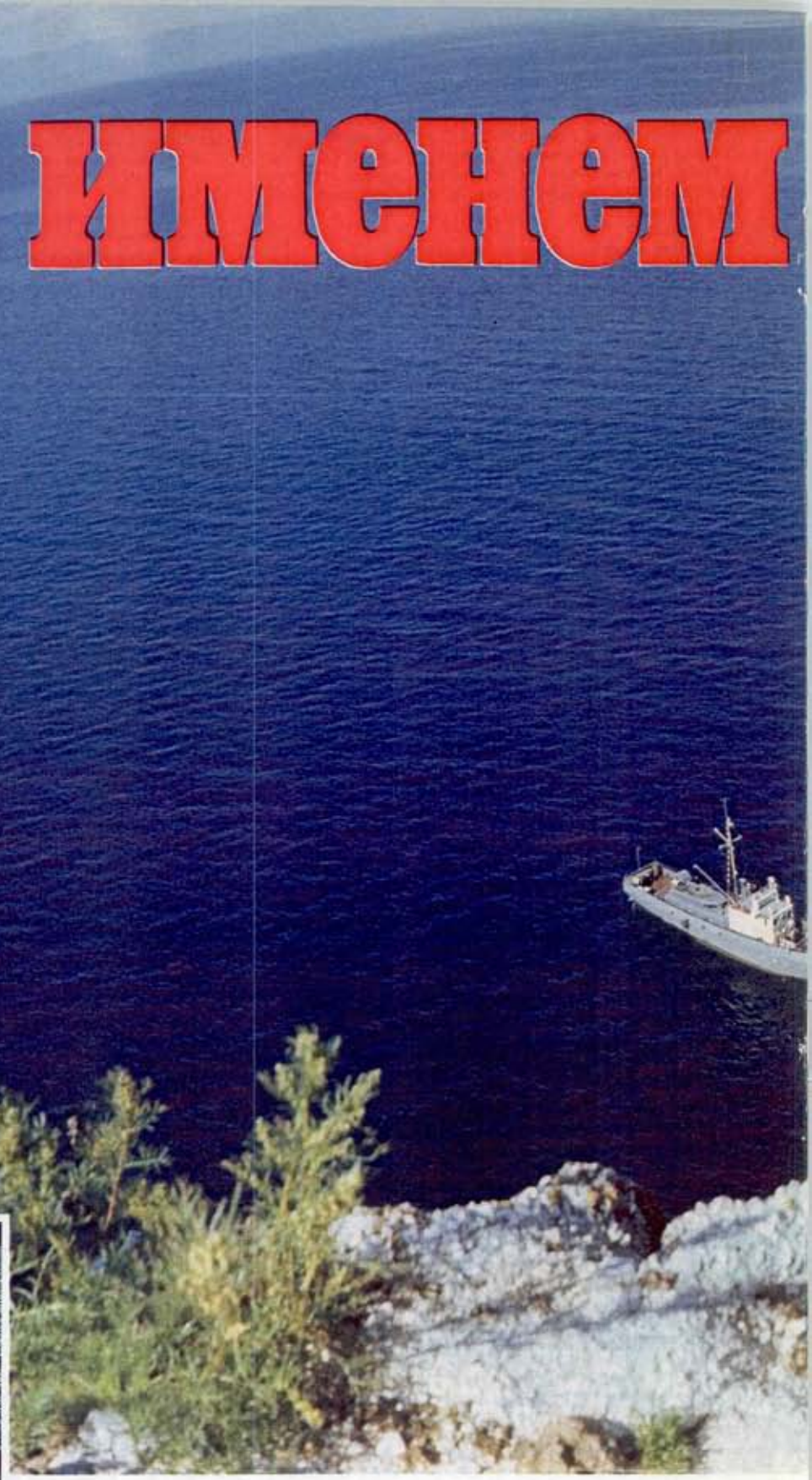
Остров ИМЕНЕМ

**НА ПЕСЧАНЫХ КОСАХ
ПРЕКРАСНО ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ
СОСНА.**

**ОМУЛЕВАЯ ПУТИНА
В МАЛОМ МОРЕ.**

ТАЕЖНЫЕ МАСЛЯТА.

Пестроцветные скалистые обрывы, вспученные лесистые гольцы, золотистые песчаные пляжи — таким видится при подходе со стороны Малого моря Ольхон. Остров в середине части студеного Байкала манит к себе загадкой образования, особенностями жизни на нем, пещерой на Шаманском мысу, обиталищем, по местным поверьям, байкальского духа Бурхана, брусничкой с вишню и надежной рыбалкой.

Пожалуй, именно последнее и привело наш, если так можно выразиться, семейно-творческий отряд во главе с драматургом Александром Вампиловым в 1971 году на Ольхон. Далеко от аэродрома в поселке Харанцы мы не пошли, спустились к Байкалу здесь же и разбили палатки на галечном берегу. И, мечтая о байкальской ухе, с ходу настроили спиннинги на хариуса. Но нам пришлось исходить немало заливчиков, излазить скал и мелких островков, пока мы приноровились к режиму, излюблен-

ным местам и норovu этой чуткой рыбы. Сидя за хариусовой ухой у вечернего костра, Вампилов повторял:

— Неделя жизни на Ольхоне — и снова можно бросаться в водоворот городских забот...

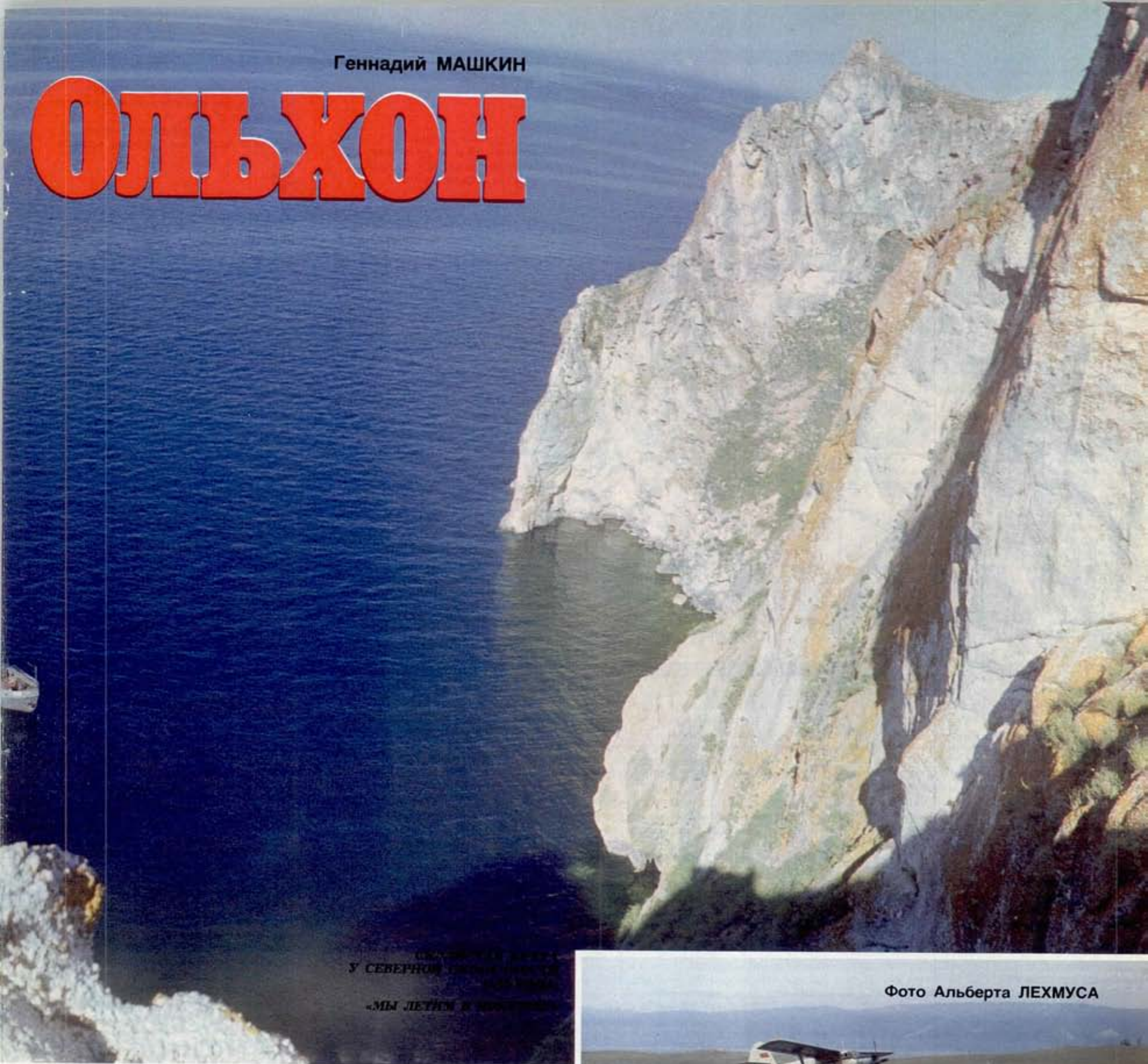
— ...С литературными делами, будь они неладны, — добавлял поэт Глеб Пакулов, который, как отменный рыбак, сагитировал нас обосноваться именно на этом берегу Ольхона.

— Одними воспоминаниями об ухе из такой рыбы можно жить долго, — соглашался я. — Хотя вон счастливицы ловят ее тут, считайте, ежедневно...

Невдалеке ставили прямые сетиконцы законные добытчики: мореходы, лесники, геологи. Дальше «подрезали» уловистые ставные невода рыбаки-промысловики с Хужирского рыбозавода. Ночью торопливо топили от глаз рыбинспекции свои «липкие» сети браконьеры, и неопознанные плавающие объекты строчили вдоль побережья до самого утра, мешая нам спать: на Малом море шла летняя путина.

Геннадий МАШКИН

ОЛЬХОН

СВЯТЫННИЦА НА ОСТРОВЕ
У СЕВЕРНОЙ ГОЛОВЫ ОСТРОВА
ОЛЬХОН
«МЫ ЛЕТИМ В МОНГОЛИЮ»

Мы же ловили хариуса на уху. Под надзором многоопытного Пакулова выверяли спиннинговые настрои, точили поплавки, крутили искусственные мушки. Жены и дети, увязавшиеся за нами на Ольхон, ловили нам кузнечиков по прибрежной холмистой степи. По этой юго-западной лесостепной части острова пролегали колеи дорог, особенно живописные между редкими, порой в несколько обхватов, лиственницами и многоствольными соснами, которые тянули к синейшему небу ветки с наплывами на сгибах, как на пальцах местных рыбаков, чабанов и механизаторов.

Островитяне, русские и буряты, смотрели на нашу рыбалку снисходительно. А мы так были увлечены с утра до вечера забросами рыболовных своих снарядов под потаенные камни, в игривую волну или на подводное продолжение каменной косы, что забывали про жгучее солнце и лицами становились под стать ольхонцам.

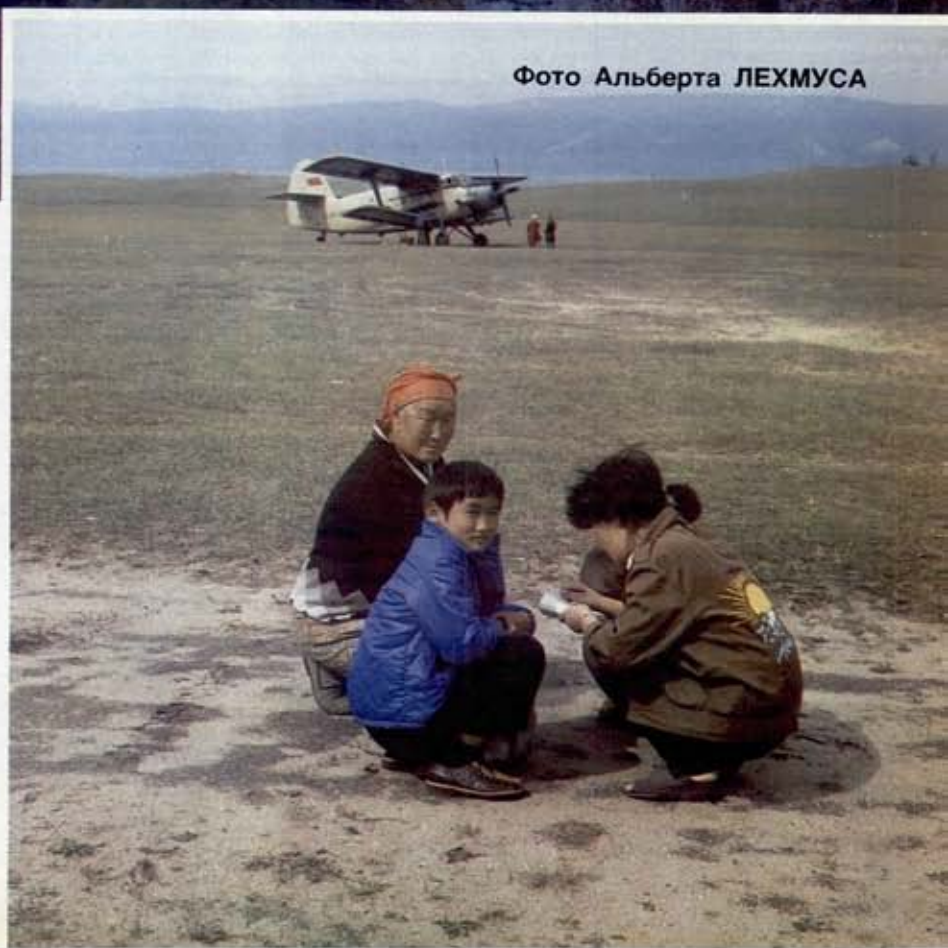
У нас клевали «лейтенанты» и «майоры», мелочь по нашей классификации,

и мы металась вокруг скал островка, распугивая крикливых чаек, которые тут гнездились. Любопытная нерпа выныривала недалеко от наших поплавков из синей стыни и оглядывала нас темными глазами на круглой усатой мордочке. Мы уже решили, что нерпа распугала всю крупную рыбу возле Беленького, хотя знали, что питается она жирнющей голомянкой и бычком, как вдруг над Байкалом разнесся мальчишечий вопль:

— Па-а-а-а!

Нас будто сдуло с камней порывом сармы, в секунду мы были у скалы и увидели, как мой сын борется с крупной рыбиной на крючке. Максим не сдавался, упирался ногами в трещину, тянул к себе, но хариус все-таки сорвался с лески. Оглушенный борьбой, он не успел сразу уйти и стоял между глыбами в воде. Мы подоспели с трех сторон, кинулись к рыбине и выбросили ее на берег. Хариус был с Максимкину руку, радугой переливались его бока и плавники, бился о землю расщеперенный хвост.

Фото Альберта ЛЕХМУСА

— Ну, Максим, ты поймал «фельд-маршала»,— объявил Вампилов.

Сын отошел от потрясения, улыбнулся во все шелушащееся лицо и попросил баском:

— Теперь вы мне настоящий спиннинг-дадите?

— Разумеется, Макс,— кивнул Пакулов,— только сегодня придется с рыбалкой шабашить: что-то тучи не нравятся мне на той стороне и затишье над морем недоброе...

И в самом деле, едва мы успели отчалить от Беленького, как по морю пошла рябь, потом набежали тени облаков, заскакали гивки волн и потянуло штормом. А у палаток нас нагнали космы туч, застучал дождь, и Ольхон отделился от всего мира.

На следующий день дождь шел уже непрерывно. Еще через несколько дней в песчаных ложках забурили ручейки. На пятый день нам уже не верилось, что когда-нибудь над островом появится солнце и в Харанцы прилетит самолет.

«Давно не упомянем такого дождя,— сокрушалась хозяйка крайнего домика тетя Шура Попова, сухонькая, шустрая, черноокая байкалка.— Овощ в огороде вымокнет. Бурхан никак осерчал на людей за Байкал, за хозяйствование на ем».

Мы пытались возражать старожилке на тот предмет, что Байкал со времен древних курыкан, останки которых найдены академиком Окладниковым, относительно мало пострадал от нашествия человеческих орд и развития промышленности. Максим добавил, что лично бросил бурятскому Бурхану, языческому духу— столбику на перевале, свои монетки, дабы умилостивить его. Но тетя Шура сокрушенно мотала головой, поджимая сухие губы: «Сурьезно Бурхан всех нас предупреждает, монеткой тут, паря-девушка, не отделаешься от нашего Хырхышуна!»

Да, шутилой монеткой трудно было уже откеститься от разыгравшейся не только над Байкалом, но и во всем Прибайкалье стихии. По областному радио сообщали о катастрофическом подъеме уровня воды в местных реках, об эвакуации населения из затопленных сел, «нахаловок», пригородов. Всему Прибайкалью предстояло испытание на стихийное бедствие, и наш отряд заторпился в Иркутск.

Но теперь паводок накрепко отрезал нас от областного центра. Единственной посудиною, которая могла увезти нас с острова, был старый теплоход с молодым названием «Комсомолец», совершающий непрерывный рейс вокруг Байкала от села к селу до самого Нижнеангарска. В Хужире он к пирсу не подходил по причине тяжелой загрузки. Капитан посылал за пассажирами мотобот с рейда.

В этот раз на пирсе собралась изрядная толпа жаждущих уехать с Ольхона. «Комсомолец» не изменил своему расписанию, стал на якорь против Хужира и басовито гуднул. И тут, словно на гудок, из противоположной голы пади Сарма вырвался ветер с тем же именем. На наших глазах взлетели ломкие валы, запенлились гребни, и закрутило-закачало-забросало «Комсомолец» с пестрой туристской братией на борту. Кандидаты на теплоход застыли унылой массой с одним вопросом на лицах: «Спустит кэп за нами бот или не рискнет?»

Мы знали, что самая крупная катастрофа произошла как раз в Малом море при сарме. В сентябре 1902 года пароход «Александр Невский» с тремя баржами рыбаков на буксире возвращался с путины. Капитан не учел предвестников сармы: перед этим шквальным ветром над материковыми гольцами образуется просвет, собираются неподвижные тучи, и ветер срывается с гор, как только образуется просвет между хребтом и днищем облачной гряды. Если просвет— «ворота» появился, через полчаса грянет сарма. За эти минуты надо успеть укрыться в ближайшей бухте. Пытаясь отстояться за мы-

Константин ЛОМИА

С моим лицом
почти что вровень
Пылали жертвенно дрова.
И тайной был язык жаровен,
И дым искрился,
как молва.

В камине выстрелы
звучали,
Как будто был в ней самопал.
А если искры угасали,
Он,
как простуженный,
чихал.

Дерев могущественней всех,
Знакомый с тучами
и громом,
Всегда раскидистый орех
Стоит
перед абхазским домом.

И не страшна под ним жара,
Он плодоносно вскинул ветви,
Весь век с хозяином двора
Соперничая в
долголетьи.

Коровы сытые в ночи
Жевали жвачку, и во мраке
Лишь поднимали лай собаки,
Взвывался огонек свечи.

И мать несла над головой
Свечу решительно в коровник.
И волк—
тревог ночных виновник,
Бежал ни мертвый ни живой.

Амбары у желтой долины
Стоят,
кукурузой полны.
При виде знакомой картины
Опять корабли мне видны.

И кажется, в бухте пред взглядом
Они принимают возы
И волны,
что плещутся рядом,
Желтеют, как после грозы.

Признаться должен,
что у нас в Апсны¹
Еще поныне редкостны слоны.
Мальчишками на буйволах в наш век
Немало мы преодолели рек.

¹ Апсны — Абхазия.

И в голову не приходило мне,
Что в Индии мой сверстник на слоне
Пускался в путь,
забавою влеком,
Как я в Апсны на буйволе верхом.

Людская память—
это книга,
Где нет начала и конца.
Над ней годов не властно иго
И злонамеренье писца.

Что ей костер,
что ей темницы,
Что ей хула,
что ей запрет?
В се истлосные страницы
Впечатались и тьма, и свет.

На рассвете будят лес
Птичьи песни,
птичьи трели.
Сколько птицы бы ни пели,
Слушать их не надоест.

Под шатром родных небес,
Где шумит листва резная,
Здравствуй,
чудо из чудес—
Филармония лесная!

Перевел с абхазского
Яков КОЗЛОВСКИЙ.

сом Кобыля Голова, капитан «Александра Невского» не рассчитал время. Пришлось обрубить буксиры и бросить баржи на произвол сармы. Одну выбросило на песчаную косу— люди спаслись, две другие разбило о скалы со 172 рыбаками. Само судно едва осталось цело.

Сейчас мы печально взирали на развитие сармы. Наблюдал ее и капитан «Комсомольца» Тыхеев, и от решения этого осаностого, с зорким прищуром восточных глаз морского волка зависела наша судьба.

В глубине души я не сомневался, что в трудную минуту байкальский моряк не бросит человека на произвол судьбы. За спиной у меня было плавание по Байкалу на рыбацкой скорлупке. Три года назад мы с тогдашним собственным корреспондентом «Комсомольской правды» Леонидом Филиппенко, готовя публикацию в защиту Байкала, сами попадали на своем суденышке в жестокий шторм. И моряки не раз выручали нас. Но тогда мы были на воде, а здесь у нас под ногами твердь. И капитану легче, разумнее отказаться от нас— промокших пассажиров с женщинами и детьми. Но какая молва пойдёт о нем по всему Байкалу?

— Бурхан Хырхышун не хочет нас отпускать,— заметил Вампилов с грустной улыбкой.— Видно, мало работаем в защиту Байкала.

— Теплоход перегружен,— мрачно сказал Пакулов, отворачиваясь от брызг.— капитану мы в обузу.

— А как нам на боте по такой волне?— вырвалось у меня, и я окинул своих ребятишек растерянным взглядом.

— Тыхеев настоящий капитан,— успокоил нас Максим, собиравший на островке не только кузнечиков, но и разнообразные сведения,— людей в беде не бросит.

И действительно, с борта «Комсомольца» спустились на крутую волну ботик, команда в спасательных жилетах— «панкерках» завела подвесной «Нептун», и мотоскорлупка под пинки волн побежала к берегу. Бот благополучно нырнул в тень пирса, и моторист пригла-

— Загружаться в первую очередь кто с детьми и женщинами!

Глядя на мокрые, но непроницаемые лица команды, мы почувствовали себя увереннее и быстро заполнили посудину. Моторист дал газ, бот выскочил за пирс, и тут мы задохнулись от ветра в лицо, рева воды и брызг холоднее градин. Бот вставал, кажется, дыбом, но все же преодолевал вал за валом. «Только как приткнемся к борту?— скакала мысль.— Это безнадежное дело».

На всякий случай я кивнул Вампилову на Максимку и жестом дал понять: «Ты его поддерживай, если что, а я дочь!» Кажется, весь загар ольхонского периода в минуты сошел со скуластого лица Саши. Но кивнул он твердо: «Все будет по-мужски!»

В это время бот подбило к «Комсомольцу», и с борта нам стали подавать трал, протягивать руки. Выждав подхода бота к борту, я кинул дочь на руки пассажирам, потом мы подали туда и Максима. Следом вскарабкались на теплоход женщины, за ними прыгнули и мы. Бот отвалил за следующей партией, а мы, ощутив палубу под ногами, стали искать место для нашей палатки: жизнь продолжалась и в шторм.

И несмотря на все страхи, что пришлось перенести нам тем летом на Байкале, сибирское море тянуло к себе по-прежнему. Жестокой ценой пришлось заплатить нам за это пристрастие— потерей Александра Вампилова в следующем, 1972 году...

Несколько лет Байкал отпугивал нас напоминанием о той невосполнимой потере. Но обойти священное море было нельзя. Вновь мы стали навещать на его заманчивые, разнообразные в разных концах берега. И, наконец, однажды летом я вновь оказался в самой сердцевине Байкала, на солнечном Ольхоне, покрытом лиловыми кочками чебреца.

Эта встреча произошла благодаря Максиму. Сын как-то незаметно закончил геологический факультет Иркутского университета. Распределен он в опытно-методическую партию объединения «Воссибнефтегазгеология». Начальник партии Григорий Григорьевич Лебедь, заметив геохимические при-

страстия молодого специалиста, решил, что место его в Байкальском отряде. База отряда находится на Ольхоне, в тех же Харанцах, где когда-то Максим поймал «фельдмаршала» на полтора килограмма. И вот уже мой молодой геолог пишет отцу письмо о своем житье-бытье и о том, каких хариусов таскает он на спиннинг на Ольхоне. Мое сердце не выдерживает, я отбрасываю все дела и прибываю на базу Байкальского отряда.

С первых шагов по острову приковылают к себе древние архейские скалы, что смотрят в синюю воду, начиная от Малых Ольхонских Ворот и кончая северным мысом Хобой. Природная скульптура на скальной оконечности острова— точеная мужская голова— невольно заставляет сравнить Ольхон с древним кораблем, плывущим на север под всеми ветрами: култуком, сармой, баргузином, верховиком. И команда на этом таежно-каменном корабле работающая, преданная, отзывчивая.

Еще в доисторические времена байкальский остров привлекал к себе людей. Ольхон благодатно отделяет от самого озера часть акватории в средней части, именуемую Малым морем в отличие от остального Большого. Длина острова около 70 километров, ширина—16. Высшая точка Ольхона—голец Ижимей. Его высота 1200 метров над уровнем озера. Против этой горы и мыса, в девяти километрах от берега—самая большая глубина Байкала, 1637 метров. Если сопоставить верхнюю точку горы с уровнем коренного дна, то Ижимей может соперничать со средней величины горной вершиной. И уж если разговор коснулся цифр, не премину напомнить следующее: самому Байкалу, древнейшему озеру мира, около 25 миллионов лет, и нет никаких признаков того, что он начинает стареть и в обозримом будущем исчезнет с лица Земли. Наоборот, исследования последних лет позволили геофизикам высказать гипотезу о том, что Байкал— зарождающийся океан. Это подтверждается тем, что его берега расходятся со скоростью двух сантиметров в год, подобно тому как раздвигаются континенты Африка и

Николай КОТЕНКО

Как много женщине дано:
Родить для подвига мужчину,
Найдя хандры его причину,
Притом оставшись, как в кино,
За кадром...

Выстоять равно
Моделью ночь

или лучиной

И вслед за ним войти в Отчизну
Лишь тенью—

так ей суждено...

Так мы решаем, оперяясь,
Свалив и боль свою, и старость
На плечи робкие ее.

Затем томимся увлечением,
Вина безволие свое,
Что также быть могло
крушеньем!

Два портрета П. П. Аверкова

...Дочери

Стекло струилось стремительно,
Стекло светлыми струями,
И остывало нитями,
И отзывалось струнами.

Сначала легкими черточками
На лобик солнечный брызнуло—
И запружинилось челочкой,
И закручинилось рыжею.

Потом потекло по темени
Лучами над чутким грифом
И зазвучало в темени
Чайковскими чайками ритмов.

И, наконец, Ниагарским—
На плечи

с крутого откоса,
И заплелось инфракрасными
В тугую девичью косу.

...Жены

Прежде всего—глаза...
Огромные,
как планеты.

Неведомые, как Земля,
Исследованные,
как Венера.

Двумя голубыми озерами
взлетели
с морского планшета

И повисли вопросами
на телефонных нервах.

И, чтобы под инфракрасными
не выцвела синь
глубинная,

Прикрыло поле снопом,
созревшим

снопом пшеницы.
Ветер дохнул фантазией,
ветер овеял
былиною—

И позвала Азлитою,
и зарыдала зегзицею.

А кроме того, платок,
точно венок столетий,
Спасая от северных бурь,
ее под защиту взял,

А кроме того, озера
на девственном лице планеты,
А кроме того, вопросы...

А прежде всего глаза!..

Связь поколений

Просят ласки, словно сказки,
Потемневшие глаза:

Чтобы можно без опаски
Подойти, потрогать за
Руку, что ни разу в жизни
Не хваталась за ремень...
Не кривляйтесь, не пляшите—
Ведь получите взамен
Недоверие, насмешку,
Убежавшие глаза...

Вы уже втянулись в спешку—
Вам без этого нельзя!
Ну, а им обдумать надо,
Как им с вами—с нами!—быть,
Кто вы им: отец ли, дядя
И достойно ль вас любить.
Вы уже назвали ленью
То, что столь немилу вам
В этом, новом поколеньи...
Только к ласковым словам
Отсылаете их к сказке,
К тем, великим, в прошлый век.

...Он стоит и просит ласки,
Ваш роднейший человек.
Мы какого ждем улова,
Нам какого ждать конца?
Человеческого слова
Сын не слышит от отца.

Южная Америка. Ольхону уготовано погружение в пучины, как старому кораблю, но пока остров—доброе пристанище для человека.

Уже в неолите на острове, как и во всем Прибайкалье, жили курыкане—предки народов, населяющих в настоящее время Якутию, Алтай, Памир. Древние ольхонцы занимались охотой, рыбной ловлей, отчасти скотоводством. Рыболовные крючки, остроги, снасти можно увидеть в краеведческом музее при Хужирской средней школе. Над входом в сквозную пещеру Шаманского мыса напротив поселка Хужир выбиты петроглифы. Здесь же в более позднее время совершали молитвенные обряды буряты-шаманисты.

Первым русским землепроходцем, достигшим Ольхона, был казачий пятидесятник Курбат Иванов. В 1643 году он с отрядом казаков и промышленных людей пришел на остров из Верхоленского острога и составил «Чертеж Байкала и в Байкал падушим рекам».

В 1675 году по пути в Китай русский посол Н. Г. Спафарий пересек Байкал и оставил такие строки по своему маршруту: «А в середине Байкальского озера есть остров великий, который именуется Ольхон. Тот остров стоит посреди в длину озера, кругом имеет больше ста верст... И опречь того острова есть иные острова небольшие, однако же немного. А погоды по Байкалу, что в чаще, окружен каменными горами, будто стенами, и нигде не отдыхает и не течет, опречь того, что от него течет Ангара река. В Байкал впадают большие реки, мелкие и иные многие, а по краю, на берегу, везде камень и пристанища немного, наипаче на левой стороне, едучи от реки Ангара, и оттого разбивают суда часто. А рыбы в Байкале всякой много, и осетры, и сига, и иные всякие, и зверя нерпа в нем есть же много. Только жилья немного около Байкала, опречь немногих тунгусов, которые питаются рыбой, потому что близ Байкала пашенных мест нет, и живут по рекам в зимовьях промышленные люди зимою. А лес около Байкала есть, кедровник большой, и на нем орехов много, и иной лес есть. А вода в нем зело чистая, что дно виднеется многие сажени в воде, и к

питию зело здрава, потому что вода пресна».

Из ученых первым побывал на Байкале в 1724 году естествоиспытатель Д. Г. Мессершмидт. В 1868 году начал комплексное изучение озера Б. И. Дыбовский. С тех пор Байкал с его берегами и островами привлекал внимание многих ученых—русских, советских, зарубежных. После установления Советской власти в Сибири на Байкале была организована постоянная исследовательская база-станция Академии наук СССР, в 1981 году преобразованная в Лимнологический институт Сибирского отделения АН СССР.

Естественно, байкальской науке предназначено стоять на страже интересов уникального озера—национального достояния нашей Отчизны. А Байкал нуждается в многоцелевой охране—это с каждым днем становится все очевиднее и насущнее. Уже в начале тридцатых годов пристрастные наблюдатели писали, что в Сибири не так давно лесные богатства казались несметными, но уже спустя двадцать лет со времени проведения Сибирской железнодорожной магистрали во многих богатых лесом местностях ощущается недостаток в строевых лесных материалах. По рассказам старожилов, улов омуля в реке Баргузине был громадным, а теперь рыба эта здесь совершенно не встречается—настолько река загрязнена затонувшей древесиной и продуктами выщелачивания. Близ устья реки Бугульдейки вылавливался, по словам рыбаков, какой-то особый омуль, носивший название «бугульдейка», ныне его также не встречают в Байкале.

Помню, что в летние месяцы, когда довелось мне побывать на Ольхоне, местный Маломорский рыбозавод не выполнил план по отлову омуля. Не вдаваясь здесь в подробности, почему в Байкале стало меньше омуля (надеюсь, читатель знаком с проблемой по участившимся тревожным статьям в центральной прессе), позволю пространную цитату из книги Г. И. Галазия «Байкал в вопросах и ответах». Член-корреспондент Академии наук СССР директор Лимнологического института, многие го-

ды пристрастно и плодотворно изучающий озеро, затрагивает в ней жгучие проблемы, поставленные самой жизнью. На вопрос, можно ли возродить былую славу байкальского омуля, ученый отвечает так:

«Можно, если выполнить все предложения, высказанные учеными, в частности: прекратить загрязнение нерестовых рек и озера; расчистить и не допускать загрязнения нерестилищ; прекратить формирование плотов древесины в реках и их сплав по Байкалу, заменив на сухогрузную (в баржах или лесовозах) транспортировку; построить новые рыбозаводные заводы на нерестовых реках, расширить и модернизировать существующие (Большереченский, Чивыркуйский, Баргузинский и Селенгинский); организовать подраживание мальков омуля до жизненных стадий; поддерживать оптимальный гидрологический режим в озере и его притоках, прекратить излишнюю вырубку лесов в водосборном бассейне; держать уровень воды озера на оптимальном уровне, не доходя до колебаний больше естественных среднесезонных колебаний; строго соблюдать правила рыболовства; вести рациональное использование сельскохозяйственных угодий, не допуская эрозии почв, и др.»

Не все, далеко не все из этих предложений осуществлены или осуществляются. Почему, это тема другого серьезного разговора, мы же вернемся к нашему предмету—продолжим маршрут по Ольхону.

Капитаном на этом самом большом корабле Байкала председатель поселкового Совета Юрий Анисифорович Пряничников, богатырского облика мужчина с ясными глазами на добром лице. В минутном разговоре на переправе—председатель поссовета спешил по срочному делу—он успел сообщить, что на Ольхоне определена площадь под заказник в 20 тысяч гектаров, и это очень отраднo здесь всем. Отраднo, подумал я, не только островитянам, но и всем, кто сердцем болеет за каждую каллю Байкала, травинку тайги, песчинку Ольхона!

Но очереди на паром было не до сантиментов. Пришлось срочно вка-

тываться по сланям и откидной створке на самоходный паром, бывший десантный катер морской пехоты, ныне «Ольхон-1».

Паромом сегодня командовал Владимир Дмитриевич Власов, коренастый, моложавый островитянин с рабочей краснотой в лице, сталью зубов и повелительным голосом. Ведя по волне десантный катер с двумя автомобилями, он успевал напоминать мне о порядках на острове, ознакомил с новостями в Хужире и кое-что рассказал о себе. Тридцать лет работает Власов на Ольхоне, вырастил четырех сыновей, которые так же преданны воде, и младший Юрий в форме речника переплывает сейчас вместе с нами. «И хоть работы летом навалом,—закончил он перед самыми сланями ольхонского берега,—другой жизни не мыслю и на пенсии останусь здесь».

То же настроение я усмотрел в хозяйственных действиях коменданта Маломорского рыбозавода Анатолия Акимовича Картова. Меня привела в его дом рекомендация друзей. И я сразу же попал за вечерний стол, украшением которого были шампиньоны из собственного теплицы и омуль жареный, соленый, копченый. К доброй беседе располагал радужный вид пары, про которую никак нельзя было сказать «преклонных годов», хотя Анатолий Акимович—инвалид Великой Отечественной. Дом Картовых воздвигнут на месте сгоревшего гаража. Именно воздвигнут, как говорят о добротном строении. На острове традиционно строили избушки—лишь бы укрыться от палящего солнца, ветра и мороза. Картов, плотник и столяр высшего разряда, недавний мастер-преподаватель ГПТУ, не мог смириться с житьем в избушке. Он сам взялся за топор, и теперь его дом с верандой и паровым отоплением осянсто высится в Хужире, внешне уступая разве что столовой на горе—«Ласточкиному гнезду», собранному по особому проекту. «Если мы будем плавать на свое место,—запомнилось мне его напутствие,—то и на нас самих скоро плонут».

Нет, кто переживает за свою кормящую землю, тот не позволит плавать в ее сторону. На эту тему мне довелось беседовать с рыбаками, чабанами, егерями острова, пока я добирался до Байкальского отряда. И общее впечатление свелось к одному: болеют они за свой Ольхон.

—«Берег бурых медведей» называется, а скоро одно название останется,—говорили они мне про знаменитый участок на побережье,—прямо беда, парень.

И вдруг чабан лукаво улыбнулся—сверкнули ровные зубы под черными усами на темном лице. С добродушным хохотком он стал рассказывать, как видел на днях мишку-рыбака. Медведь потешно сидел на камнях и скрадывал бычка. Хлопнул по воде лапой, не поймал и от огорчения заскулил.

—Жалко стало мишку,—закончил ольхонец,—однако сам бы поймал хариуска и дал бы ему поесть. А варягам разным, браконьерам, само собой, не до того...

Горячи в своих пристрастиях егеря, охранники байкальской природы: пожилой Виктор Власов и молодой Сергей Теплов. Бдительно несут они свою службу, болезненно реагируя на все случаи безалаберности туристов, бездумной вырубки леса, равнодушия начальства к нуждам лесоохранников, робости во введении запретных мер. «Но научные работы пусть ведутся,—разрешили егеря.—Самые разнообразные, однако, геологические в том числе».

Последнее замечание касалось интересующего меня отряда. Байкальский геохимический отряд большой партии Григория Лебеда разместился на окраине Харанцов в избе и пристройках, арендованных у некоей бабы Жени, ныне живущей в городе Ангарске. Отряду для начала предстояло погожими днями выйти в море на теплоходе «Непа», чтобы отобрать по определенной

НАЙДЕНО В ПЕСКАХ
У СЕЛА ХАРАНЦЫ.

ОНИ РОДИЛИСЬ НА ОЛЬХОНЕ.

сетке пробы воды с глубины для анализа ее на многие компоненты.

«Байкальская вода, она может многое рассказать об органической и неорганической жизни этого неповторимого бассейна,— рассказывал мне Лебедь, землепроходец и ученый.— В Байкале, как в природном рифтовом котле, валятся многие загадки, в том числе происхождения нефти и газа в Восточной Сибири».

По представлениям геологов, Ольхон— это тектоническая глыба, оседающая по Обручевскому сбросу. По этому нарушению в земной коре происходят разнообразные процессы и по сей день, о чем свидетельствуют нередкие земле-

трясения, очаги которых располагаются на небольшой глубине. На этих же глубинах идет процесс нефтеобразования.

Первые проявления нефти были отмечены на Байкале уже давно, несмотря на древнекристаллическое его ложе, которому по научным данным вроде бы противопоказана нефтегазоносность. Читаем у байкаловеда В. В. Ламакина: «Напротив пади Большая Зеленовская близ Толстого мыса на дне Байкала в 2700 м от берега существует самый большой по площади выход нефти. На поверхности воды нефть образует маслянистую пленку черно-коричневого цвета. Глубина озера равна здесь 250—300 м. Остается неизвестным, из какой породы выделяется нефть...»

Разгадка этого проявления, как и других, необходима для объяснения нефтегазообразования в Восточно-Сибирском регионе. Здесь наращиваются усилия по поискам, разведке и промышленному освоению нефти и газа. А золотой ключик к кладовым Восточно-Сибирского щита хранится на дне Байкала.

Искать тот ключик и поручено отряду, которым руководят молодые геологи. Владимир Сухарев, Станислав Заго-

скин, Николай Куликов. Смышсленным, мастеровым, дружным и зубастым этим парням природная лаборатория, которой и является Байкал, по плечу. Я быстро сдружился с отрядом, как бывший геолог, вписался в геохимические заботы, по старой памяти сходил в рекогносцировочные маршруты. И пришел к выводу, что эти brave ребята и несколько симпатичных девчат в ладно подогнанной полевой форме не подведут команду острова. И старому острову-кораблю теперь плыть с современной навигационной мыслью.

Как раз в эти жаркие дни на Байкал нанесло дымовую завесу: на севере области загорелась тайга. На наших глазах померкло солнце, превратившись в багровый диск, и остров словно вошел в район боевых действий. И сейчас же в отряде ощутилась особая подтянутость. А уж хлопотливый капитан безлопаторной «Непы» Николай Бушков в эти тревожные дни ни на шаг с ходового мостика. Его серые глаза на бронзовом лице, кажется, в постоянном противоборстве с дымным туманом, который светится над волнами графитного цвета с багряными отблесками солнца. Мой Максим в штатном расписании

ПОКОСЫ У РУЧЬЯ ТАШКИНОЙ.

КИСЛИЦА — ТАК НАЗЫВАЮТ ЗДЕСЬ КРАСНУЮ СМОРОДИНУ.

отряда занял место рядового геолога. Но, судя по тому, как несуетно и толково вместе с другими сын занимался подготовкой снаряжения, провианта и документации в первый большой маршрут сезона, я уяснил, что он нашел свое место в штатном расписании самой жизни.

Поделиться этой мыслью никак не удавалось в толчее подготовки к боль-

шому выходу в море. Но под вечер я зажал его в углу двора.

— Макс, ты до зари намерен копаться со своим бутором? — спросил я. — Рыбачить когда-нибудь будем?

Он заморгал выцветшими ресницами, колупнул шелуху на пропеченном носу и застенчиво улыбнулся.

— А ты, отец, акридок наловил?

Я торжественно извлек бутылочку с мельтешащими в ней кузнечиками.

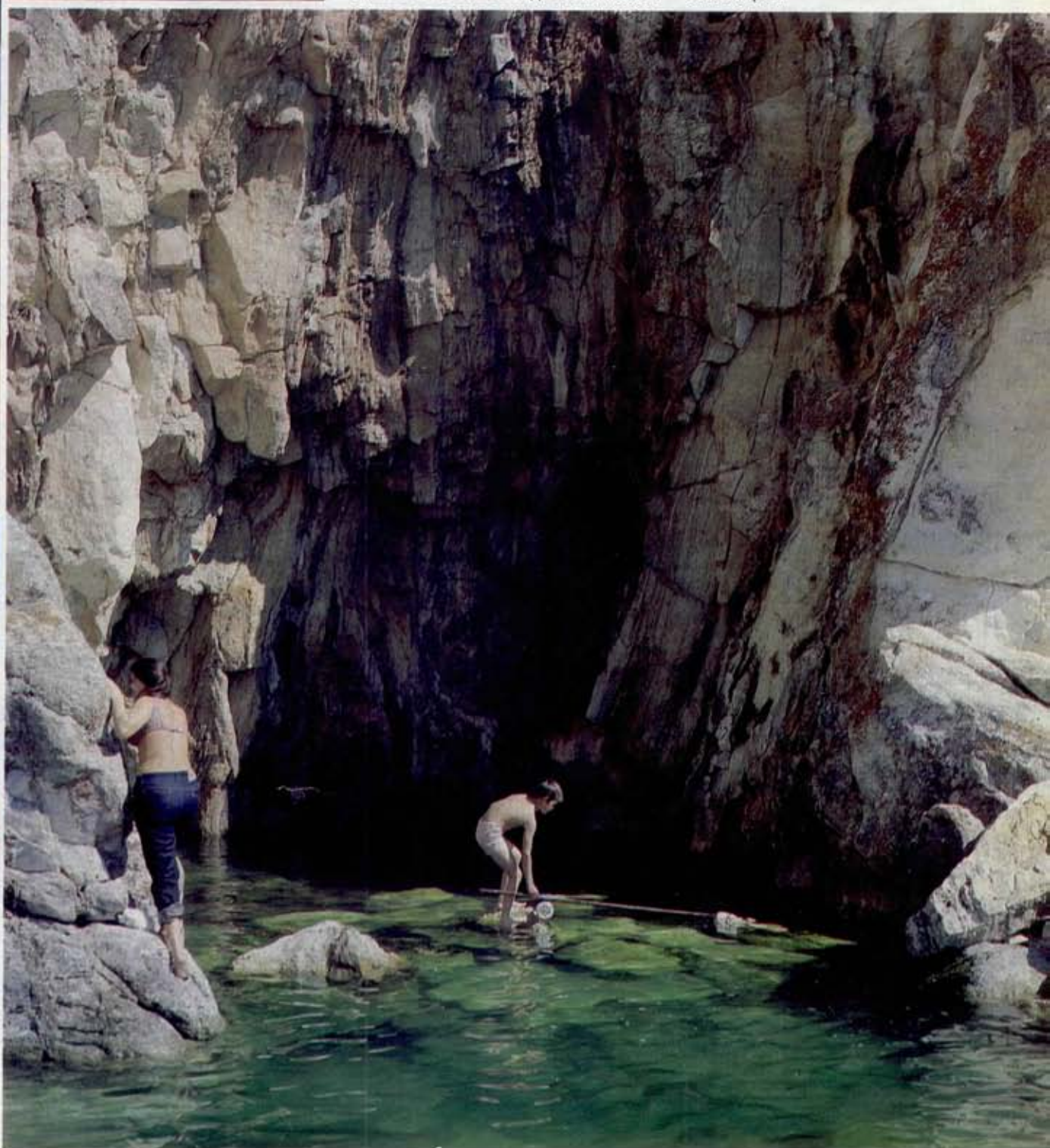
— Тогда плывем на Едор? — оживился он.

— На Беленький! — поправил я, называя островок, как встарь, когда у нас было карты.

ОМУЛЬ НА РОЖНЕ — ФИРМЕННОЕ ОЛЬХОНСКОЕ БЛЮДО.

ПЕРЕД ГРОТОМ МОЖНО ПОЙМАТЬ ХАРИУСА.

НА ЧТО УХОДИТ РАЧЕБЛЬ

Михаил БЕРГЕР,
Евгений КАНЕВСКИЙ

Во время нашей первой встречи с Федосовыми мы узнали, как возникла и начинала самостоятельную жизнь их семья, откуда что взялось в их доме («Смена» № 12). Сегодня речь пойдет о семейной кухне и средствах, затраченных на питание.

Воскресенье второе. Кухня

Кто-то из острологов заметил: живот добра не помнит. Над шуткой можно и не смеяться, но не согласиться с замечанием нельзя. Как бы плотно человек себя ни кормил, на следующий день желудок непременно потребует повторения, и так без конца.

На кухне в доме Федосовых у каждого члена семьи свои права и обязанности. У женской половины прав больше. Но много ли вы знаете кухню, где командуют мужья? Нет, пока еще здесь, как правило, распоряжаются именно жены и большей частью сами же и выполняют свои распоряжения. Может, на этом и держится их власть?

Правда, в день нашего прихода Валерий был застигнут на кухне. Причем занимался он не реализацией своих прав, а чистил картошку, что-то нарезал, подносил, относил — в общем, работал «на подхвате». Таким образом идеально иллюстрировал типичное положение хорошего мужа у домашнего «марте-на»: посильная помощь, небольшое вмешательство по второстепенным вопросам и предоставление жене права (или обязанности) принимать все принципиальные решения: что из чего и в каком количестве готовить, как подать и т.д. и т.п. Это только в ресторанах шеф-повара — мужчины.

Воскресный обед в доме Федосовых — это обязательно событие, небольшой праздник. Иногда, примерно раз в месяц, Федосовы по воскресеньям ходят в гости к своим школьным друзьям. Но чаще все-таки принимают гостей сами: отдельные квартиры есть далеко не у всех молодых семей.

По сложившейся традиции гости приходят не только с детьми, но и с каким-нибудь своим блюдом: с тортом, домашними консервами или еще чем-то, что делает воскресный стол не только интереснее, но и — не будем лицемерить — легче для бюджета. Естественно, точно так же ходят в гости Ольга и Валерий.

В день, когда гостями были мы, на обед подавались: салат из свежей капусты, маринованные помидоры собственной закрутки, салат «оливье», мясные щи, жареная картошка с мясом, торт Олиного производства, чай с конфетами.

Конечно, обед с точки зрения «энерговооруженности» — с некоторым перебором. Но все-таки — воскресенье и гости, и давняя привычка наших хозяев готовить с небольшим избытком. Хлебосолюбство у нас в крови, правда, отсюда оно нередко переходит непосредственно в жировые складки избыточного веса.

Социальная информация

Задумавшись над таким фактом. Почти половина взрослого населения нашей страны имеет избыточный вес. Каждый пятый ребенок страдает ожирением. Медики утверждают, что полнота способствует болезням сердца, печени, развитию диабета. Ученые подсчитали, что человек нашего века тратит на 94 процента энергии меньше, чем его предок из века девятнадцатого. Калорийность же питания значительно возросла. Словом, многие в той или иной мере

стали переедать. И, как следствие, появилось больше полных, даже тучных людей.

Причин тут несколько. Назовем основные. Во многих семьях родители не придают особого значения культуре потребления, а отсюда — не воспитывают ее и у детей. Речь не только о том, чтобы учить детей не бросаться куском хлеба, бережно относиться к продуктам человеческого труда. Здесь у многих дела обстоят благополучно. Но как часто можно наблюдать такую картину, когда ребенка кормят насильно: «За папу, за маму. Ну, пожалуйста, еще один кусочек...» Ребенок попросил конфету — дают три.

Другая причина — традиции, привычки. Мы как-то мало связываем наше питание с огромными изменениями в укладе жизни, которые произошли за последние десятилетия. С каждым годом улучшаются условия труда. Растет число личных автомашин у населения. Развивается общественный транспорт: станция метро всего в пятистах — семистах шагах от нашего дома, но почти у самого подъезда остановка троллейбуса, и мы эти полкилометра не проходим, а едем.

А квартира? У горожан отпала необходимость пилить и колоть дрова, топить печи — есть центральное отопление. А наши электрические помощники? Квартиру убирает пылесос, белье стирает машина, мясо прокручивает электрическая мясорубка.

Одним словом, энергозатраты наши из года в год снижаются. А питание? Мы стали больше потреблять мяса, жиров, овощей, фруктов. В результате приходится переставлять еще на одну дырочку ремень или покупать платье на размер больше.

Сколько и какой пищи необходимо человеку для обеспечения его нормальной жизнедеятельности? Самый общий ответ: столько, сколько он расходует энергии. Не больше и не меньше, потому что всякое отклонение в ту или иную сторону вредит здоровью. В среднем суточный рацион должен составлять около 2500 килокалорий.

Все это так, но какая хозяйка, составляя меню, считает калории и витамины?

Практический совет

Можно спросить у десяти человек подряд: сколько калорий содержится в ста граммах белого хлеба, и скорее всего ни один из них не ответит на этот вопрос.

Но прежде чем определить затраты энергии, необходимо знать энергетическую (калорийную) ценность пищевых продуктов: ведь белки, жиры и углеводы при полном окислении высвобождают разный объем энергии (см. таблицу содержания калорий в 100 граммах разных продуктов). Количество тепла, выделенное при полном окислении 1 грамма вещества, было принято за калорийный коэффициент. Исследованиями было установлено, что для белков он равен 4 ккал, жиров — 9 и углеводов — 3,75 ккал. При определении энергозатрат точкой отсчета стали затраты энергии человека, находящегося в относительном покое (лежит, натошак, в условиях минимальной теплоты и т. д.).

Калорийность 100 граммов различных продуктов (ккал)

Фрукты

Персики	— 50	Сушеные	— 240
Черешня	— 52	фрукты	— 45
Груши	— 50	Земляника	— 270
Яблоки	— 52	Измю	— 56
Малина	— 635	Слива	— 67
Орехи	— 660	Вишня	

Овощи и грибы

Фасоль	— 340	Печеный картофель	— 215
Горох сушеный	— 325	Картофель отварной	— 120
Зеленый горошек	— 76	Картофель в «мундире»	— 96
Грибы	— 45	Вареная морковь	— 42
Цветная капуста	— 30	Помидоры	— 20
Квашеная капуста	— 28	Редис	— 20

Белки

Вареное яйцо	— 85	Жирный творог	— 295
Обезжиренный кефир	— 74	Обезжиренный творог	— 165
Жирный кефир	— 125	Сыр	— 300
Сметана	— 160	Сливки	— 40
Молоко	— 65	Обезжиренное молоко	

Жиры

Мargarин	— 729	Растительное масло	— 900
Сливочное масло	— 758	Свиной жир	— 950

Мясо, дичь, колбасные изделия

Отварная баранина	— 140	Жареная утка	— 345
Жареная баранина	— 165	Отварная постная курица	— 135
Сосиски	— 238	Отварная жирная курица	— 195
Жареная курица	— 210	Постная свинина тушеная	— 245
Жареная постная свинина	— 275	Жареная жирная свинина	— 390
Отварная постная говядина	— 110	Отварная жирная говядина	— 205
Тушеная говядина	— 165		

Рыба

Отварная треска	— 44	Копченая сельдь	— 218
Сардины в масле	— 275	Маринованная сельдь	— 155
Тунец в масле	— 300		

Изделия из теста и круп

Хлеб белый	— 265	Хлеб ржаной	— 253
Каша перловая	— 330	Каша манная	— 325
Рис	— 345	Овсяные хлопья	— 375
Сладкие изделия	— 400	Сладкие сухарики	— 350

Другие продукты

Сахар	— 395	Шоколад	— 680
Шоколадные конфеты	— 460	Какао	— 400
Майонез	— 500	Мед	— 365

Справиться со всей этой бухгалтерией помогает разработанный нами калькулятор «Рацион». Он представляет собой книжку в виде блокнота с исходными данными, в которую вложен счетчик калорий. Принцип работы калькулятора (он, кстати, продается в аптеках) прост: не надо ничего складывать, умножать, запоминать и так далее. Просто с помощью

Рисунки Олега ТЕСЛЕРА

калькулятора каждый человек может получить рекомендации, соответствующие особенностям его организма. В одной из исходных таблиц «Рациона» приведены средние значения энергозатрат в зависимости от физических нагрузок при той или иной работе, занятиях спортом. Еще одна таблица дает сведения о потребностях детей разного возраста в пищевых веществах и энергии.

Калькулятор помогает определить набор продуктов и блюд, чтобы не отклоняться от нормы. И при этом еще учесть химический состав пищи. Он помогает также соблюдать диету при самых разных болезнях.

Кое-кто может сказать, что подсчитывать, сколько да чего, да определять, какой химический «букет» веществ в рационе,— занятие скучное. На первых порах может показаться и так, но только на первых. В дальнейшем самоконтроль станет привычкой.

У Федосовых такого калькулятора нет, и Ольга закупает продукты, исходя из собственного опыта, представления о рациональном питании и, конечно, возможностей бюджета.

Деньги поступают в дом Федосовых четырежды в месяц: два раза их приносит Валерий и два раза Ольга. Такое несовпадение зарплат позволяет более равномерно распределить траты. Правда, Федосовы не страдают покупательской лихорадкой, когда в день зарплаты берут все подряд, чего душа желает, а потом остатки денег с трудом растягивают до новых поступлений.

Но, признаться, и железного планирования расходов у Федосовых тоже нет. Они понимают свободу в ее классическом определении—как осознанную необходимость и соответственно строят свои отношения со своими деньгами.

Практический совет

Чтобы заняться домашней бухгалтерией, прежде всего нужно завести хозяйственную книгу.

В нее занести перечень всего имущества: утварь, мебель и предметы домашнего обихода (занавески, ковры, картины, радиоприемник, телевизор и т. п.); кухонную посуду и сервизы (столовые приборы, фарфор, стекло, фаянс), кровати, постельное, столовое и нательное белье, а также верхнюю одежду; запас продовольствия, заготовленные продукты, топливо и т. п.

Записи нужно вести в толстой тетради, для каждого раздела отвести достаточное количество страниц, а также заглавный лист.

В тетрадь следует записывать и ежедневные расходы по графам: доходы, дата расходов, вид расхода, сумма.

С помощью такой книги можно в любой момент подвести итог по любой статье расходов. Лучше это делать в конце каждого месяца, но можно и по кварталам и в целом за год.

Домашняя экономика требует самых разнообразных подсчетов. Чтобы облегчить их, советуем воспользоваться услугами микрокалькулятора. Думали ли мы, что в повседневных домашних заботах нам когда-нибудь будет помогать электронно-вычислительная техника? Еще пять—десять лет назад мнение было бы однозначным: пустой разговор, фантастика! А сегодня? Те, кто успел обзавестись микрокалькулятором, уже, пожалуй, и не представляют себе, как обходились они раньше без этого умного, послушного устройства. А те, кто обзавестись не успел, могут выразить недоумение: а нужна ли в доме эта чудо-техника?

Ответ: да, нужна. Нужна, чтобы по возможности рациональнее вести домашнее хозяйство, экономя при этом максимум своего времени. Сколько уходит его, скажем, на ежемесячные подсчеты стоимости электроэнергии? Довольно много, если к тому же вам нужно заодно подсчитать и общую сумму расходов на квартплату, телефон и прочее. А с помощью микрокалькулятора вы можете сделать это в считанные мгновения. А рассчитать предполагаемый семейный бюджет, свои доходы и расходы до ближайшей недели, квартал, год? Очевидно, что и здесь помощь мини-ЭВМ будет неоценимой. Разумеется, мы говорим о далеком не полном использовании возможностей микрокалькулятора в домашнем хозяйстве. Возможности его чрезвычайно широки, и освоить их, так сказать, в массовом порядке—дело будущего. Но уже сейчас совершенно ясно, что сегодняшние дети и подростки завтра просто не смогут обойтись без бытовой электронно-вычислительной техники.

Отметим, кстати, что Федосовы, не планируя жестко свой бюджет, строго и регулярно фиксируют все виды доходов и расходов. Делают они это по договору с ЦСУ. Между прочим, когда три года назад Ольгу агитировали на такое сотрудничество, ей обещали, что денег у нее станет как будто бы больше. Дело, конечно, не в той, чисто символической сумме, которая полагается Ольге за статистические труды, а в том, что учет—самая благородная форма контроля.

Другое дело, когда общая и полная картина «дебета—кредита» всегда налицо и можно сравнить текущий месяц с предыдущим и подвергнуть отклонения

хоть и домашнему, но все же анализу. Тут уж поневоле станешь сам за собой присматривать и взвешивать целесообразность покупок.

И действительно, Ольга почувствовала, что при тех же деньгах их стало будто бы больше. Правда, Валерию при таком учете совершенно невозможно стало делать «зачетки», но поскольку он их никогда и не делал, то его учет и контроль никак не ущемил.

Итак, в месяц у Федосовых «чистыми» получается около 450 рублей. Вычтем квартплату—18 рублей 48 копеек, 5 рублей—за свет, Алеше на завтраки—5-50, за Юлин детский сад—14 рублей, телефон—2-50. Итого около 45 рублей. Эти платежи производятся регулярно, без просрочек—дело принципа. Остается чуть более четырехсот рублей. Кроме того, у Ольги, согласно ее заявлению, ежемесячно высчитывают по 40 рублей и перечисляют на ее сберкнижку. На основательные покупки и возврат долгов, если такие образуются.

С осени прошлого года—помните?—у Федосовых появился «Москвич», так что об основательных покупках пока речи нет. К этим сорока в погашение долгов каждый раз добавляются разные—в зависимости от ситуации—суммы из текущих доходов. В первые полгода после покупки добавляли не меньше ста рублей в месяц. Сейчас, когда срочные долги за машину возвращены, бюджет вошел в прежнее русло, хотя бремя автокредита все еще ощущается.

Теперь о питании. По этой статье в разное время года разные расходы. В первом квартале прошлого года было 413 рублей, во втором—405, зато в третьем и четвертом—соответственно 347 и 362. Значительная разница объясняется тем, что летом дешевле овощи и фрукты, а у родственников во время отпуска—вообще даром. Кроме того, не забывайте о «Москвиче», который как раз появился в третьем квартале и волей-неволей слегка прижал ассигнования на еду.

Текущие продовольственные закупки делает Ольга. Она приятно расстроена тем, что с открытием у них на комбинате кулинарии и стола заказов денег на продукты стало уходить больше. Предложение, как известно, влияет на спрос в не меньшей степени, чем спрос на предложение.

Раньше после работы (1 час 15 минут в один конец) Ольга не всегда успевала купить все, что нужно. Теперь этой проблемы не стало, как и той части денег, которая не тратилась из-за невозможности купить что-либо необходимое.

Кое-какие мелочи Ольга покупает по дороге около дома: молоко, два батона белого и половину черного хлеба через день, колбасу. На это уходит не менее получаса. В субботу, если Валерий не на работе, делаются оптовые продовольственные закупки и некоторые промтоварные. С известных пор—уже с помощью «Москвича». На это уходит 2—3 часа. В общем-то расточительство для выходного, но, к сожалению, такова ситуация.

В натуральном выражении потребление основных продуктов у Федосовых выглядит так. Мясо—около 20 килограммов в квартал (40 рублей), колбаса—14 (30 рублей) и субпродукты—14 килограммов (21 рубль). Яйца—50—60 штук в месяц (6 рублей), сахарный песок—5 килограммов в месяц (5 рублей), мука—5 (2 рубля), рис—4 (3—4 рубля), макароны—12 килограммов в квартал (9 рублей). Масло и маргарин—примерно по 1,2 килограмма в месяц (7—8 рублей). Столько же примерно уходит и растительного масла (2 рубля). Картошки идет около 30—40 килограммов в месяц, но зимой она не в счет, так как 10 мешков поступает по осени от родных. Хранится она в гаражном подвале у знакомых. Ею пользуются вместе с семьей Олиного брата. Таким же образом поступает от родных и лук. Но его хватает на

месяц-полтора. На весь год не напасешься—это же все надо привезти, да и хранить негде.

Напомним, что семейный бюджет Федосовых составляет 1560 рублей в квартал, на домашнюю кухню уходит в среднем 382 рубля в квартал.

Прикидывая на себя расходы Федосовых на питание, необходимо учесть следующее. Валерий в рабочие дни (нередко это и суббота) дома не обедает, а завтракает лишь слегка: бутерброды, чай. Но берет деньги на еду (в расход на питание они не включаются) плюс сигареты—полтора рубля в день. Иногда—5—6 раз в месяц—он заезжает обедать к родителям (скрытая форма материальной помощи). Юля ест в детском саду. Алеша завтракает в школе. Ольга тоже обедает на работе. Так что если расходы на продукты деньги разделить на число «человекоприемов» пищи непосредственно дома, то получится не так уж мало.

Главный элемент домашнего питания, конечно же, воскресный обед, с которого мы и начали наш рассказ. Стол накрывается в большой комнате (в этом главная помощница—Юля, как, впрочем, и в мытье посуды). Можно есть не спеша и болтать о том и о сем. Ольга уже с утра, с 8 часов, отстояла одну смену у печи на кухне, чтобы, во-первых, успеть накормить завтраком Алешу—он к десяти идет в бассейн, а за ним и всех остальных, чтобы освободиться к «Утренней почте». После нее надо браться за приготовление обеда, на что по случаю воскресенья уйдет не меньше трех часов.

У Алешки тоже есть свои обязанности по кухне—он выносит ведро с мусором. Поскольку в доме нет мусоропровода, поручение достаточно серьезное.

Кстати, что он там вытаскивает в своем ведре? Очистки, мусор и... да, кое-что из еды: прокишие макароны, остаток щей, сваренных на неделю. Кто никогда не выбрасывал ничего съестного, пусть первым кинет в них камень.

За обедом у Федосовых

Если в каждой семье, состоящей из четырех человек, ежедневно будут выбрасывать 100 граммов хлеба, то в год это составит свыше 36 килограммов. Для всей страны такие потери потребуют построить свыше 100 элеваторов емкостью 20 тысяч тонн зерна каждый, соорудить 57 мельниц, возвести 130 хлебозаводов мощностью 50 тонн в сутки.

Опытная хозяйка может более или менее точно рассчитать, сколько и чего следует готовить, не предугадать, сколько и чего съест каждый из членов семьи, у кого какой будет аппетит, очень трудно. Без приготовления впрок не обойтись—слишком мало свободного времени по вечерам и в будни—и все допуски на количество применяются со знаком плюс. А как же? Для себя же стараемся.

Ольга обычно заготавливает 10—12 банок варенья, которые она предпочитает компотам,—те быстрее уходят. Кроме того, 15—16 трехлитровых банок помидоров, несколько банок сладкого перца. Но все это в том случае, если часть сырья поступает из деревни от родных.

Когда заготовки делаются из продуктов, покупаемых в магазинах, удастся законсервировать в два раза меньше.

Обедали мы не спеша, но и ели немало. Разговоривали. В частности, о том, что невозможно достать книги по вязанию (шить Ольга не решает, а вяжет с удовольствием) и по ведению домашнего хозяйства. Каждая семья вынуждена вырабатывать свой опыт, повторяя одни и те же ошибки, пробираясь через них к одним и тем же выводам и открытиям.

В развитие темы поговорили и о том, стоит ли делать долги по мелочам. Вернее, разговор проходил преимущественно между хозяйками. Чувствовалось, что у Ольги и Валерия возникают иногда некоторые несовпадения взглядов относительно того, какие покупки считать первоочередными и необходимыми, а какие—излишними и несвоевременными. Если, допустим, до зарплаты осталось три дня и 10 рублей, то полкило шоколадных конфет—необходимость или баловство? Валерий склонен считать, что в данной ситуации лучше перебиться, а Ольга настаивает, что лучше все-таки перехватить у кого-то пятерку и купить то, что нужно.

У каждой из сторон свой подход к определению нужного и излишнего, свои аргументы. С одной стороны, под окнами стоит зеленый «Москвич», купленный как бы еще не полностью. А с другой—чай-то мы пьем с шоколадными конфетами.

Короче, в это воскресенье мы поговорили вволю и наелись досыта, даже с перебором. К концу обеда желудок стал «давить на глаза». Интересно, настанут времена, когда кормить гостей до отвала будет не обязательно? Вероятно, настанут, но не раньше, видимо, чем гости перестанут считать своим долгом наедаться до отвала. И это не будет восприниматься с обидой. Ибо хорошее настроение, удовольствие от общения—это не только и даже не столько обильное застолье.

Спорт в нашей жизни

Теперь это в прошлом. Но это такое прошлое, которому суждено моделировать будущее. Вспомним. 5 июля над главной спортивной ареной страны вспыхнул огонь Игр доброй воли. Приветствуя посланцев всех континентов Земли, собравшихся в Москве, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев сказал: «Добрая воля открывает границы, создает возможности для решения корен-

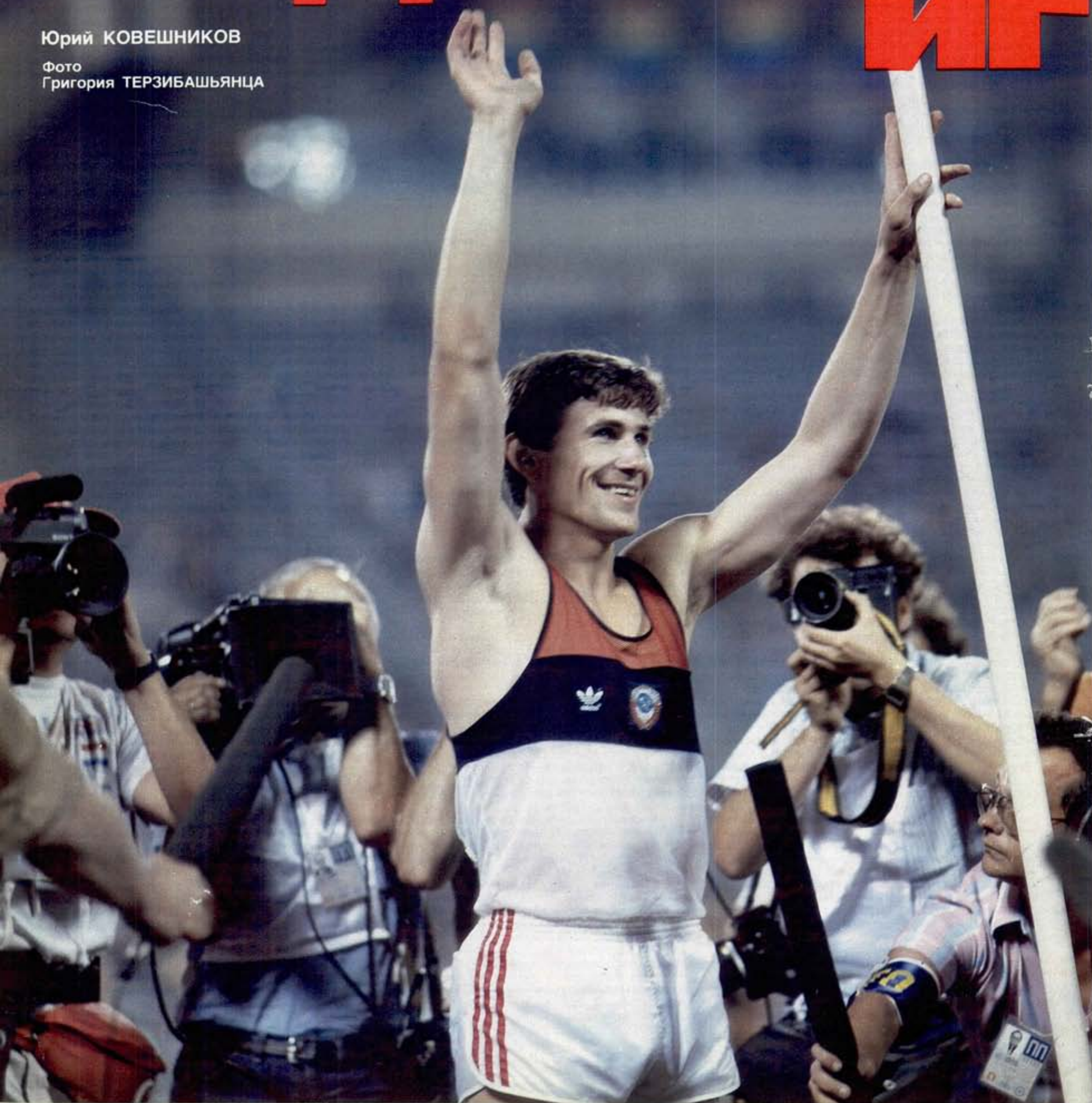
ных вопросов современности. Какие бы расстояния ни разделяли нас, жителей планеты, какими бы различными ни были наши убеждения и образ жизни, мы должны встречаться, говорить, спорить и состязаться в честном соревновании. Это всегда способствует созданию атмосферы взаимного уважения и сотрудничества. А без них не уберечь нашу Землю от грозящей катастрофы». Вдумаемся еще раз: «Встречаться, говорить, спорить и состязаться...»

ДОБРЫЕ ИГ

Юрий КОВЕШНИКОВ

Фото
Григория ТЕРЗИБАШЬЯНЦА

«ОТ ДРУЖБЫ В СПОРТЕ — К МИРУ
НА ЗЕМЛЕ» —
ЭТОТ ДЕВИЗ ИГР ДОБРОЙ ВОЛИ
НАШЕЛ ПОДДЕРЖКУ
ВСЕХ ЧЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ ПЛАНЕТЫ.

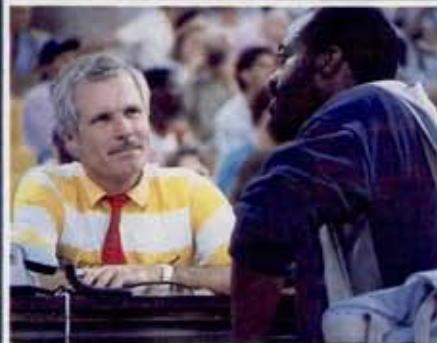

ры

ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ МИРОВОЙ РЕКОРД
В ПРЫЖКАХ С ШЕСТОМ
УСТАНОВИЛ НА ИГРАХ ДОБРОЙ ВОЛИ
СОВЕТСКИЙ ЛЕГКОАТЛЕТ
СЕРГЕЙ БУБКА — 601 СМ.

МНОГО
ВОЛНУЮЩИХ МГНОВЕНИЙ
ПЕРЕЖИЛИ
ВО ВРЕМЯ СПОРТИВНЫХ
БАТАЛИЙ
УЧАСТНИКИ ИГР И ЗРИТЕЛИ.

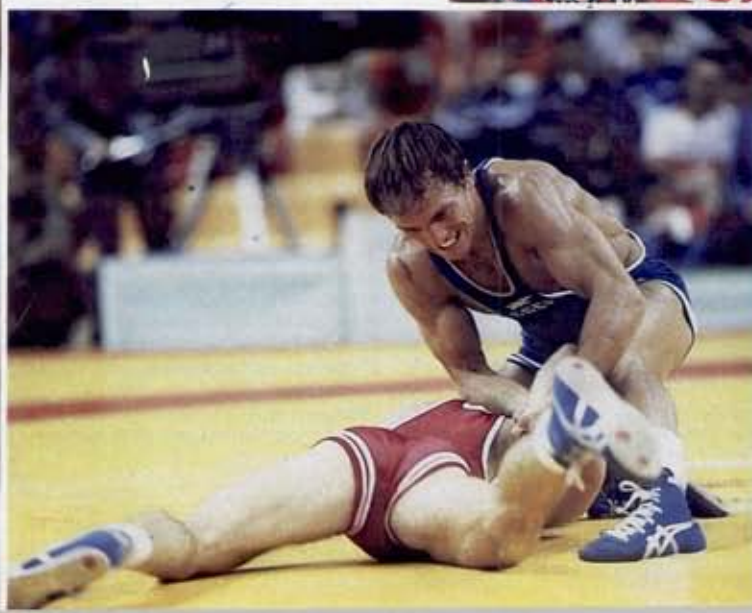
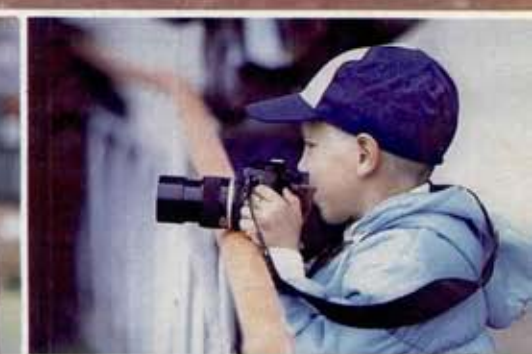

ПРЕЗИДЕНТ
КОМПАНИИ ТИ-БИ-ЭС
ТЭД ТЕРНЕР
И ПОБЕДИТЕЛЬ
ИГР В БЕГЕ
НА 400 МЕТРОВ С БАРЬЕРАМИ
ЭДВИН МОЗЕС (США).

Необыкновенно красочно, звучными именами, бескомпромиссным соперничеством блистала палитра этого небывалого состязания-спектакля. И хотя роли в нем были распределены заранее — ведущие атлеты СССР и США, звезды первой величины из многих стран мира — их исполнители вдохновенно творили чудо, чудо великолепия высшего спортивного искусства.

Еще фанфары не возвестили о торжестве открытия Игр, когда в бассейне «Олимпийском» была взята высшая нота. Ниспровергнув все представления о спортивном долголетии, новый мировой рекорд на дистанции 800 м вольным стилем подарил Играм Владимир Сальников. Что это — неисследованная энер-

гия подлинного таланта или высшая степень характера бойца-олимпийца? 26 лет — возраст для таких скоростей в бассейне редкий. Рекорд благодаря Владимиру помолодел почти на полторы секунды. Прежний был рожден в Лос-Анджелесе в 83-м. Кстати сказать, свой самый первый мировой рекорд Владимир установил на этой дистанции семь лет назад.

Рекорд не просто украшение состязания, его апофеоз, рекорд — это явление. В поединке со временем раскрываются неведомые возможности человека, в одолении соперника закаляется воля, взращивается мужество. Но если ненадолго отвлечься от сугубо спортивного смысла рекордов, рожденных на аренах Игр, и взглянуть на них как на явление, я сказал бы о высшем достижении, установленном делегацией США: впервые в нашей стране одновременно побывало свыше пятисот американских спортсменов, представлявших 19 видов спорта.

Для нас эта истина проста и понятна: спорт всегда был послем мира. Но мало распахать гостеприимно двери арен. Спорт требует еще и благородства, дружелюбия, открытых сердец. Направляясь на одно из соревнований Игр, я невольно стал свидетелем разговора двух пожилых мужчин. По спортивному подтянутые, с колодками фронтовых наград на пиджаках, они обсуждали ход турниров. Вдруг один заметил: «Все думаю, что за люди эти американцы? Вчера представили на боксе их президента Халла. А сегодня в газете вычитал, что он воевал, имеет орден Боевого Красного Знамени. Даже письмо написал президенту Рейгану, ругает его, что сильнейшим боксерам не разрешил к нам приехать, вроде их военным служащим нельзя в таких соревнованиях участвовать. Значит, есть среди них люди, живущие по совести...»

Удивительно точно — по совести. Не знаю, как в английском, а в русском языке совесть, честь, добрая воля — синонимы. Наверное, и в спорте нет выше мерил, чем эти понятия.

Игры подарили нам прекрасное созвездие имен величайших спортсменов нашего времени. И хотя мы были рады всем гостям без исключения, согласитесь, что в турнирных круговоротах, отдавая должное самым-самым, все-таки искали тех, кто был главным «виновником» зарождения этого удивительного, не имеющего аналогов спортивного состязания двух великих спортивных держав — СССР и США.

Три десятилетия назад мы стали полновластными членами олимпийской семьи. 1952 год — дебют в Хельсинки. В 1956-м далекий Мельбурн настороженно принял нашу олимпийскую дружину. Тогда, как и теперь, в мире было немало сил, старавшихся во что бы то ни стало очернить советских спортсменов, нашу страну.

...В моей коллекции хранится фото тех лет. Наши спринтеры Борис Токарев и Владимир Сухарев вместе с олимпийским чемпионом в беге на 100 и 200 метров американцем Боби Морроу и его соотечественником Эдди Саутерном. Репортер «Юнайтед Пресс-фото» сфотографировал на память непринужденную беседу четырех чем-то очень похожих парней. Если убрать надписи «СССР» и «USA» на спортивных куртках, никогда не придет в голову, что они с разных континентов и знакомы считанные дни.

Английский журналист Артур Молли в «Санди таймс» прокомментировал ситуацию: «С тех пор, как две недели назад флаг с серпом и молотом был поднят над олимпийским поселком, русские доказали, что они общительнее всех».

«Австралийцы, — сообщал обозреватель «Ивнинг стандарт» Джордж Уайтинг, — считают, что за установление братских отношений между участниками Олимпийских игр «больше всех следует благодарить русских». Да, мы

умеем дружить и много раз доказывали это.

Бег Владимира Куца сделал для сближения народов больше, чем корпус дипломатов, единодушно отметили тогда все австралийские газеты.

Вот тогда-то, после Мельбурна, и была достигнута договоренность о проведении матча двух сильнейших легкоатлетических команд планеты — сборных СССР и США.

«Матчем столетия», «единоборством гигантов» назвала в июле 1958 года зарубежная пресса такую первую встречу. Она была прологом Игр доброй воли. Полтора десятилетия крепла эта традиция, служа делу мира, прогрессу спорта. На много лет вперед сумел тогда взглянуть почетный секретарь любительского атлетического союза США Дан Феррис, отметивший в своем приветствии: «Обмен талантами в спорте происходит в самой дружеской обстановке». Так оно было тогда, так было и июле сейчас. В шестидесятые годы соперничество было таким острым, что часто лишь очко решало исход командной борьбы. Если бы существовала книга, куда заносились примеры такого соперничества, то мы сейчас могли бы прочитать там имена величайших рекордсменов мира — Чарльза Дюмаса и Юрия Степанова, Ральфа Бостона и Игоря Тер-Ованесяна, Рафера Джонсона и Василия Кузнецова, Валерия Брумеля и Джона Томаса...

В память детства эти имена врезались на всю жизнь не случайно. Посылая через океан друг другу вести о новых рекордах, раз в год они тогда собирались вместе. Даже одной такой дуэли хватало, чтобы наполнить программу всего матча высоким смыслом. У каждого из спортивных гигантов тех времен мы учились мужеству. Они умели с блеском побеждать и достойно проигрывать.

Спасибо тебе, память детства. Не забуду Лужники, главную арену, заполненную до отказа людьми. У нас всегда были открытые сердца, и мы радовались за заокеанских спортсменов, даже если наши им уступали. Соперники любили к нам приезжать. Они знали, что мы умеем ценить настоящую спортивную стойкость.

Последней такой встречей был матч многоборцев под крышей Зимнего стадиона в Ленинграде в марте восьмидесятого. К тому времени президент Картер уже сделал несколько заявлений, в которых требовал бойкота Олимпиады в Москве. Свое мнение на этот счет на заключительной пресс-конференции в Ленинграде высказал руководитель делегации США Сэм Адамс, особо отметивший благожелательность ленинградцев, и Роберт Коффман — лидер команды, который с едва скрытой грустью добавил: «Я очень хотел бы приехать на Олимпиаду в Москву, чтобы еще раз встретиться и продолжить спор с советскими многоборцами...»

...Шесть лет. Для обычной жизни, может быть, и не много. В спортивной — два поколения олимпийцев. Свою мечту Роберт Коффман так и не осуществил. Его доброй воли не хватило, чтобы преодолеть все барьеры, поставленные администрацией США перед теми, кто рвался в 80-м в Москву. Но мечту Роберта осуществили его соотечественники, решившие на этот раз действовать по совести до конца.

...Джекки Джойнер еще не было на свете, когда в споре гигантов крепилась дружба и сокрушались спортивные рекорды. В этом году ей исполнилось 24. Но если бы не состоялись Игры доброй воли и на них не приехала бы Джекки, мы бы, наверное, еще долго не знали, что в семиборье женщины могут набрать больше семи тысяч очков.

— Это был мой главный старт. Я к нему долго готовилась, — сообщила журналистам Джойнер. Теперь в их семье есть не только олимпийский чемпион в тройном прыжке (старший брат), но и мировая рекордсменка.

До сих пор Сергею Бубке не вез-

ло — ему не удавалось ни разу удивить своих почитателей сверхвысоким прыжком на главной арене страны. Даже стали поговаривать, что Сергея тянет на рекорд в основном за границей. Теперь такого не скажут. Одно жалко, что всего трижды увидели Бубку в деле. Всего три попытки понадобилось ему, чтобы поднять планку мирового рекорда. Выгляните вниз с третьего этажа. 6 метров 1 сантиметр, преодоленные Сергеем, может быть, чуть ниже подоконника. И традиции он не изменил — прыгнул красиво, с запасом, «горкой».

В ближайшее время к этой удивительной дуэли можно будет вернуться. Помогут нам в этом московские кинодокументалисты, снявшие фильм «Поединок с высотой». В «главной роли» — Сергей Бубка. Там будут кадры, отснятые сразу после рекордного прыжка. На хорошем английском языке к главному сопернику Бубки обладателю Кубка мира американцу Майку Талли обращается чемпион Европы Александр Крупский. Еще не остывшие от состязания, они делятся впечатлениями.

Крупский:

— Что думаете о Бубке?

Талли:

— Это очень хороший атлет. Он достиг многого. (С улыбкой.) Ему бы следовало оставить спорт. Тогда бы мне, Беллу и другим спортсменам было бы легче жить. (И уже серьезно.) У него очень быстрый разбег. Поэтому ему покоряются такие высоты.

Диалог приведен дословный, по фонограмме. Постарался соблюсти точность потому, что вскоре по возвращении домой Майк Талли сообщил корреспонденту «Вашингтон пост», что, по его мнению, Сергей Бубка употреблял «неудовольные стимулирующие препараты».

Не думаю, что подобного рода домыслы серьезно огорчают Сергея. Но то, что за всеми этими измышлениями стоят люди с нечистой совестью, не вызывает сомнений.

Да, Игры — это школа, школа мужества, воли, мастерства. Представители 15 стран стали обладателями медалей в 42 видах легкой атлетики. Счет неофициального командного поединка СССР — США по золотым медалям 16 : 12. И нельзя, подводя главные итоги стартов «королевы спорта», умолчать о великолепном прыжке в длину Роберта Эммиана. Он родом из Ленинанкана, города штангистов и боксеров. Теперь там прописался один из удивительных рекордов — пока Европы — в прыжках в длину. Показать 8 метров 61 сантиметр — это значит пролететь, воспарить над землей. Хочется верить, что Роберт пойдет дальше и вскоре посягнет на рекорд Бимона — 890 сантиметров.

Захватывающей, драматичной была борьба во всех видах. Сокрушительное поражение нанесли американские девушки нашей команде на баскетбольной площадке. Цена этого урока, может быть, даже выше победы.

Борцы, волейболисты, прыгуны в воду, ватерполисты, яхтсмены, велосипедисты, штангисты, теннисисты — все наши спортсмены и их соперники прошли замечательную школу Игр доброй воли. В ней учились не только побеждать и сокрушать рекорды. В ней был дан еще один главный урок — благородства и дружелюбия.

Еще накануне стартов президент американской телекомпании Ти-би-эс Тэд Тернер, один из инициаторов проведения Игр, сказал, что Игры продемонстрируют гармонию, которая может существовать между нациями, несмотря на их различия. Его энергия, стремление внести свой вклад во взаимопонимание наших народов получили выражение в конкретном результате. Какими бы деловыми мотивами бизнесмена ни руководствовался Тернер, он помог главному — спортивное рукопожатие состоялось. Наша страна еще раз доказала, что гостей по доброй воле мы рады видеть всегда.

На Западе нашлось немало тех, кто попытался опорочить идею Игр. Их обо-

шел молчанием официальный Вашингтон, потворствовавший военному ведомству не допускать в Москву боксеров-военнослужащих. Объяснение нашлось простое: Игры были обвинены в коммерциализации и преследовании политических целей.

Спорт и политика. Связаны ли они? Несомненно. Но в чем конкретно, как именно выражаются и проявляются эти связи?

Сначала о том, что на этот счет думают участники Игр.

Когда у канадского бегуна Бенджамина Джонсона спросили, как он относится к борьбе за мир, этот вопрос вызвал у него недоумение. Он ответил вопросом: «Как вы можете спрашивать об этом спортсмена? Не будет мира на Земле — не будет состязаний. Я состязаясь, чтобы таким образом помочь делу мира...»

На встрече в интерклубе нападающая гандбольной команды США Леора Джонс призналась, что первая фраза, которую она выучила на русском языке, была: «Я люблю Россию».

Мировая рекордсменка Джекки Джойнер: «За меня болели так, словно я выступаю у себя дома...»

Но больше всего поразили 14-летний школьник из Хеста Расти Фровер. Он один из победителей конкурса детского рисунка, проводившегося в США. В нем участвовало около семи тысяч юных художников. Расти нарисовал американских и русских солдат, отложивших автоматы и сидящих на трибуне стадиона. Он считает, что такое возможно. Такую бы фантазию некоторым из тех, кто считает Игры пустой затеей, рекламным шоу.

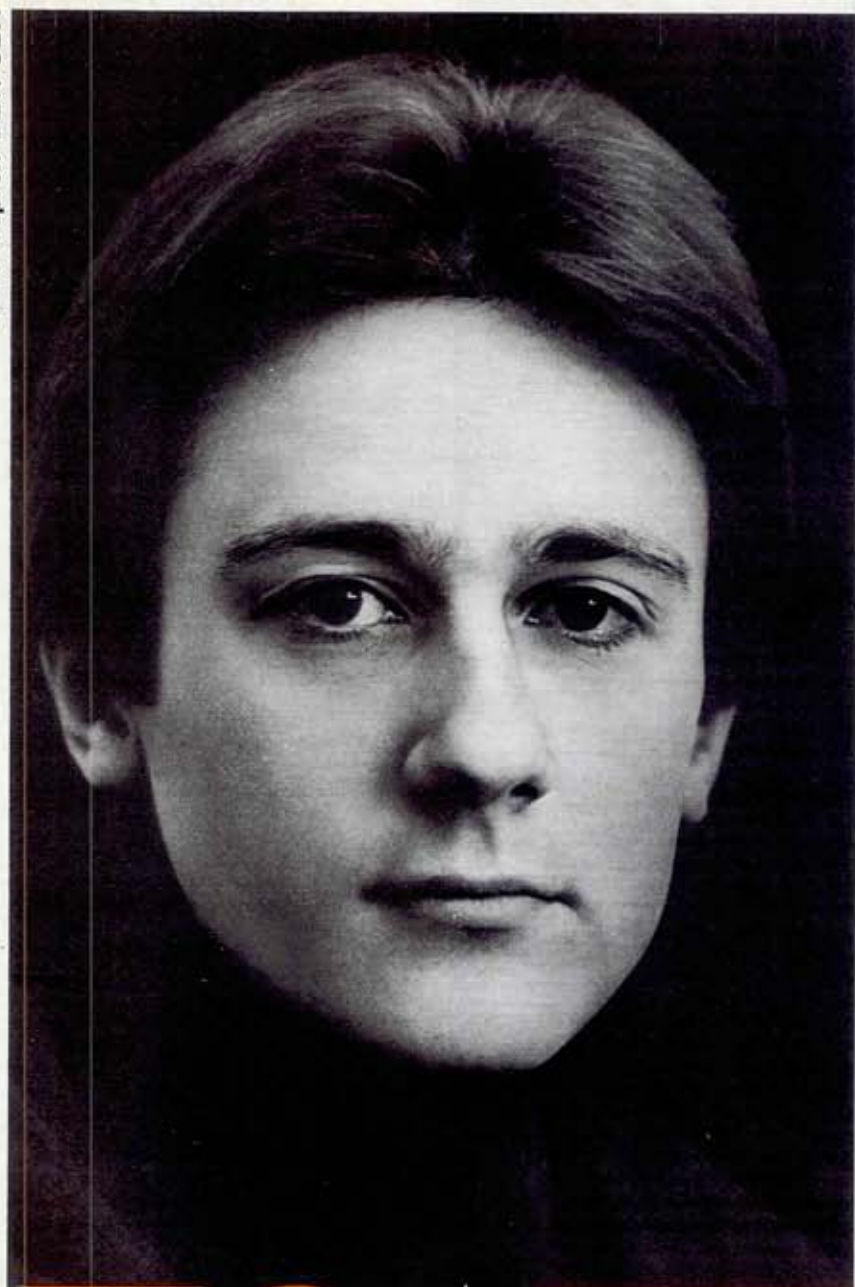
Что же не понравилось политикам из Вашингтона на аренах Москвы? Честная спортивная борьба? Или, может быть, то, что по дорожке стадиона во время торжественного открытия прошли ребята из школы, где училась Саманта Смит, взявшись за руки со сверстниками из Москвы? Или встреча двух ветеранов космоса, Леонова и Стаффорда? Над Лужниками не демонстрировалась мощь советских ракет, а имитировались взлет и стыковка «Союза» и «Аполлона». И мама Саманта — американкой девочки, решившей бороться за мир, — Джейн Смит получила в дар не красную прокламацию, а бюст ее дочери, исполненный скульптором Аксеновым в знак высочайшего уважения к памяти американской школьницы.

...Когда вы попадете в Лужники, пройдите по их юго-западной части. Среди разросшейся зелени вы попадете на необычно хрупкую аллею деревьев самых разных пород. Их семьдесят. Посажены они руками участников и гостей Игр доброй воли. Когда люди сажают деревья, они думают о жизни, о мире.

Таковыми были и помыслы участников Игр. И поэтому спорт, объединяющий людей, сближающий народы, служащий взаимному обогащению, физическому и духовному, — это могущественный канал проведения в жизнь политики мира и добрососедства, политики сотрудничества. Об этом написал в своем послании участникам Игр доброй воли генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр, отметив весомый вклад спортсменов, спортивной общности в Международной год мира.

«От дружбы в спорте — к миру на Земле!» — так звучал девиз первых Игр доброй воли. Их старты совпали с одним событием, может быть, с первого взгляда никак не связанным с Играми: Вашингтонский институт народонаселения сообщил, что в понедельник 7 июля в мире родился ребенок, с появлением которого численность населения нашей планеты достигла пяти миллиардов человек. Символично. Люди рождаются, чтобы жить. Игры доброй воли — чтобы держать открытыми сердца.

...Расставаясь в Москве, мы не прощались с Играми, а говорили — до встречи в американском Сизтле, который принял спортивную эстафету доброй воли.

ПОЛЕТ

МОЛОДЫЕ
МАСТЕРА
ИСКУССТВ

НА ЯВУ

Мария ИГНАТЬЕВА

Сегодня мы часто удивляемся, если актер в новой кинороли нарушает сложившиеся о нем представления: кино последних лет приучило нас к предсказуемости — из фильма в фильм кочуют одни и те же киногерои под разными именами в исполнении популярных артистов. Привычные герои. Привычные артисты. При создании кинообразов, как правило, тиражируются известные приемы, как бы «длинно» доигрываются в новых сюжетах уже однажды сыгран-

ные роли. Кинорежиссеры охотно используют типажность актеров, как говорится, «по производственной необходимости». В обиход вошли фразы: «Он обычно играет следователей», «Он, как правило, играет злодеев», «Она всегда создает образы принцесс» и так далее. Но нравятся ли эти киноамплуа самим актерам?..

Столь нелирическое вступление понадобилось мне прежде всего для того, чтобы рельефнее очертить место, которое занимает в современном кинопроцессе молодой артист Олег Меньшиков, успешно работающий в Центральном Академическом театре Советской Армии и снявшийся к 25 годам в девяти фильмах.

Думаю, что Олег Меньшиков в «типажного» актера не превратится. И дело не только в его «обыкновенных» внешних данных — Меньшиков не выделяется ни ростом, ни чертами лица, ни

артистизмом поведения, ни манерой одеваться. Его трудно выделить из людского потока — настолько он не бросается в глаза. Но главный критерий его «нетипажности» — его роли, а они — в кинофильмах «Родня», «Покровские ворота», «Полеты во сне и наяву», «Поцелуй», «Полоса препятствий» — принципиально не похожи одна на другую. Радует и своеобразие каждого характера, изобретательно переданного молодым актером, и умение найти неожиданные художественные средства для его воплощения. Олег Меньшиков избегает личностной откровенности. перевоплощаясь, он оставляет за собой право рассказчика. Его разговор о современниках спокоен по интонации, находчив в аргументации, меток в деталях. Ошеломляет холодная гримаса-улыбка его героя в кинофильме «Полеты во сне и наяву», нежданные слезы в «Родне», суетность порывов в «Полосе препятствий». И самому актеру интересно прежде всего разнообразие жизненного материала, который ложится в основу характеров. В перевоплощении для него — главный смысл актерской профессии — художественный анализ разных биографий и судеб. Он способен к мгновенным трансформациям, переходам в разные характеры, жанры, разные пьесы и сценарии. У каждого хорошего актера есть свои, особые корни в театральной традиции прошлого. Думаю, Олег Меньшиков по типу и особенностям дарования тяготеет к актерам-жанристам XIX века, блиставшим изысканной техникой перевоплощения. И предрасположенность молодого актера к такому редкому сегодня типу творчества нельзя не отметить.

В кино он начал сниматься еще студентом театрального училища имени Щепкина. Ему повезло: почти одновременно он работал с тремя режиссерами, каждый из которых стремился передать ему свое, индивидуальное понимание фильма, жизни, профессии.

— Три замечательных человека — Михаил Козаков, Никита Михалков, Роман Балаян — вошли в мою жизнь в один период. Постепенно они научили меня смотреть другими глазами на то, что, я не задумываясь, делал раньше. Я стал чаще задавать себе вопросы: во имя чего?.. Зачем?.. Начал всерьез думать о зрителе, как бы точнее «адресовать» своего героя. Роль нравится мне в том случае, если затрагивает болевую точку современности...

В кинорепертуаре Олега Меньшикова — три наших современника, играл он и молодого человека из 50-х в фильме Михаила Козакова «Покровские воро-

каждое режиссерское изобретение воспринимал с энтузиазмом. Он искренне поверил в значимость и благородство молодости поколения 50 — 60-х годов.

— Михаил Михайлович Козаков вошел со мной долго и терпеливо. Часами рассказывал о своей молодости. Мы смотрели документальные фильмы тех лет, слушали музыку, читали стихи. Работа была кропотливейшая и научила меня прежде всего подходу к материалу, который предстоит освоить. К началу съемок я был уверен, что жил тогда, в конце пятидесятых, и все о том времени знал...

В фильме Романа Балаяна «Полеты во сне и наяву» роль у Меньшикова небольшая, и тем не менее она стала одной из важнейших тем кинокартины. Жизнь главного героя, которого сыграл Олег Янковский, превратилась в клубок, где перепутались любовь и безразличие, стыд и страдание, предательство и беспечность. Янковский создал тип человека сложного, неоднозначного, и мы испытывали к нему и ненависть, и презрение, и жалость, и соболезнование. А молодой человек Олега Меньшикова в этом фильме был однозначен. Его лицо с вежливой улыбкой-гримасой, порою издевательской и всегда равнодушной, говорило о духовной и нравственной пустоте. Это лицо не обнаруживало игры чувств и мысли, глаза смотрели на мир холодно и спокойно, ничему не удивляясь. Герой Меньшикова недоумевал перед обидами, переживаниями и душевной болью взрослых, он скептически относился к человеческой сложности, в каких бы формах она ни выражалась. Он жил в придуманных им самим ритмах 80-х, не знал сострадания и человечности, существовал как некий механизм. Но танцевал он блестяще — танец был непрофессиональным, но гибким, в нем сочетались жесткость движений и уверенность в себе и своих поступках. Этот танец, лишенный одухотворенности, был насыщен азартом хищника. Упорство, конформизм и однозначность были основополагающими принципами его героя, который в последнее время нередко встречается и в жизни. Многочисленные зрители, размышляя в письмах об этом фильме, задавали вопросы: почему сегодняшний молодой человек зачастую ограждает себя от трудностей? Откуда это стремление к спокойной, «сладкой» жизни, достигаемой любой ценой и любыми средствами? Вопрос этот непрост, и в какой-то степени отвечает на него другая работа Олега Меньшикова из фильма Михаила Туманишвили «Полоса препятствий», где его молодой герой преодолевает искушение ограничиться легкой, но пустой жизнью, едва не превратившей его в бездарного дельца.

Олег Меньшиков — актер, который нуждается в четкости задач, поставленных перед ним режиссером. Если же нет этой смысловой насыщенности роли, молодой актер теряется. К сожалению, так произошло в телевизионном фильме «Калитан Фракасс», в котором режиссер Виктор Савельев, а вслед за ним и актер не смогли в необходимой степени продумать и обосновать духовные движения героя, насытить смыслом его романтическую биографию.

— Сейчас я заканчиваю сниматься в кинофильме «Михайло Ломоносов» у режиссера Леонида Прошкина. Роль Дмитрия Виноградова очень мне дорога. Изобретатель русского фарфора, соратник и друг Ломоносова, человек блестящего дарования, моцартовского вдохновения и склада натуры, Виноградов закончил жизнь трагически...

Пять лет, которые прошли со времени дебюта Олега Меньшикова в кино, помогли ему определиться внутренне, осознать законы своей профессии. Сложность киноработы выработала умение максимально мобилизовать свои силы. В требовательности к самому себе, пристальном внимании к жизни, неуспокоенности — залог его творческого и человеческого роста.

та». Эта картина, получившая высокую оценку прессы и зрителей, отмечена, на мой взгляд, какой-то дерзостью молодости. Олег Меньшиков играет роль Костика — одного из главных героев телефильма. Невеликое и житейское перекликалось в этом фильме с лирическим признанием, пафос — с сиюминутной пародией. С беспечной улыбкой, а порой иронично лепил Михаил Козаков обличье Москвы конца 50-х.

Герой Меньшикова изящно дирижировал жизнью коммунальной квартиры. Он был неупорядоченным и беспокойным, насмешливым и остроумным, но этот вроде бы ветреный юноша оказывался самым верным и надежным другом. Он устраивал чужие судьбы, он смеялся, по-весеннему тоскуя о любви, и влюблялся, не переставая шутить, но при этом он всегда оставался самим собой. Жанр лирической комедии-буффонады актер воспринял всерьез и

ФАНТАЗИИ ТЕКСТИЛЯ

На одной из улочек старого Таллина, словно ручейки стекающих к Ратушной площади, расположилось здание, в котором рождается эстонская мода. Это широко известный у нас в стране Таллинский Дом моделей. Свыше тысячи новых образцов одежды ежегодно передает он швейным предприятиям, причем большинство идей художников внедряется в производство.

Здесь, в Доме моделей, и состоялся разговор с его главным художником Кристой Каянду о том, каким хочет видеть модельер современный текстиль.

Криста считает, что удача модели во многом зависит от ткани. Учитывая важную роль текстиля в современной моде, художники Таллина стремятся поддерживать связи со швейными предприятиями республики.

— Криста, известно, что в последнее время изменился подход к работе с тканями, что нет ткани для какой-то определенной модели, фасона...

— Это действительно так: наблюдается тенденция к более свободному использованию тканей. Возьмите, к примеру, остромодные сейчас жаккардовые ткани, известные еще как «мебельные». Кто бы мог подумать, что их можно использовать не только в качестве обивки для диванов и кресел! Даже многие художники сначала опасались, что сшитые из этих тканей вещи будут «неживыми». Но неожиданно для всех материя оказалась легкой для обработки и очень хорошо смотрелась в готовом изделии. Из нее мы

— У нас в Доме моделей есть малосерийный цех, где в течение месяца изготавливается пять-шесть различных моделей тиражом от ста до трехсот штук каждая. Это дает возможность быстро реализовывать идеи художников. Малые серии, как правило, — авангарды, а потому требуют экспериментальной ткани — самой современной, с новым рисунком, обладающей новыми качествами. Только тогда костюм станет по-настоящему модным. Крупные же фабрики не заинтересованы в малых сериях, им не выгодно выпускать, скажем, по 300—400 метров пусть даже остромодной ткани. Но выход есть: создать при текстильных фабриках экспериментальные цехи, которые бы производили такую ткань для молодых.

— А какие ткани предлагают использовать в молодежной одежде?

— Жакеты для разных сезонов из облегченных тканей типа фланели, с ворсом и набивкой. Молодежи понравятся различных форм рубашки и куртки на основе фрака (короткие спереди и длинные сзади) из любых тканей — это дает возможность носить такую одежду в разные времена года. Рисунки на ткани простые, яркие, используются контрастные сочетания, абстрактные мотивы. Цветы — в эскизной, свободной манере.

Есть и новинки. Например, ткань для перьевых подушек теперь можно использовать в любом типе одежды, будь то юбка, куртка, блузон или брюки, которые, кстати, остаются популярными.

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

пошили юбки, брюки, но особенно хороши были жакеты: белые и с набивкой, они сейчас так же популярны в Эстонии, как в свое время белый берет.

— Криста, я слышала про какую-то экзотическую ткань, которую ваш художник раскрашивает сам...

Криста Каянду разводит руками:

— А что остается делать, если предприятие не решается на эксперимент? Пользуясь дедовскими способами, Катрин Касесалу сама, вручную делает набивку на текстиле. Конечно, костюм из подобной ткани дороже и продается по договорным ценам, но зато он очень эффектен и, что немаловажно, малосериен. Всего около 300 таких моделей поступит в продажу.

— Экзотика, конечно, хорошо. Но по силам ли одному художнику сей труд?

СОВРЕМЕННОЕ МОДНОЕ ПЛАТЬЕ — ЭТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ТОЧНО ВЫБРАННАЯ ТКАНЬ, СЧИТАЮТ МОДЕЛЬЕРЫ ТАЛЛИНА.

ПОХОЖЕ, ЧТО МОДА НЫНЧЕ РАЗРЕШАЕТ ВСЕ? МОДА ЛЮБИТ ПОИСК!

А В С Д Е Ж З И Й К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Э Ю Я

Рустем КУТУЙ

Пятнадцать лет

В пятнадцать лет дитя не плачет,
уже задумчивы глаза,—
а это значит, это значит,
вглуби задержана слеза.

Щека окрашена румянцем,
полуулыбка на губах:
то вдруг закружит
в диком танце,
то пригорюнится впотьмах—
сидит в углу и глаз не кажет,
как будто горюшко у ней
на грудь легло крылом лебяжьим
и нету муки той больней.

Здесь есть секрет
простой загадки:
вся в ожидании перемен,
как из пруда утенок гадкий,
дитя не вырвется из стен.
А вот простор и воля манят,
пугают воля и простор...
И жизнь пока еще в тумане,
но в душу смотрит чей-то взор.

Цветы

Цветы, цветы с утра до темноты,
от досточки крыльца
к горбу пригорка,—
отбилась, убежав от суеты,
и пахнут сладостно,
и пахнут горько:
дым можжевельника, жасмина куст,
застенчивый вьюнок,
к стене прильнувший,
парнишка-клен, еще совсем безус,
как я когда-то
в памяти мелькнувший,
желток ромашки,
флоксов пенный вал,
персидский мак,
как царственная чаша,
и незабудок влажных синева,
до крыши хмель,
свободою горчащий...
В них дочь с головкой скрылась,
как в лесу.
Пчела гудит и ветерок качает,
и паутина ллёт на весу,
и пес в тени заброшенно скучает.
Ах, жизнь бы мне
здесь сызнова начать

Покуда на земле

Куда как просто, неприметно:
Вода—на камень,
ветер—над сосной,
старик худой, небогретый
с козой на просеке лесной,

и тяжесть молодого солнца
на сумрак голубой травы,
ручей,
что ввек не донесется
до моря одинокой головы,

лопух, крапива...
Есть ли что богаче?
Здесь волю пить,
как легкий мед с ковша,
прозреть звезду—
на горе, на удачу,
покуда на земле жива душа.

Осень на взморье

На Рижском взморье
празднуют багрянец
и синь отверженной воды.
Как кубик Рубика,
расщепленные грани
смыкают мокрые сады.

А солнце окна светом размывает.
Листом скользким взрезана тропа.
О молодости утро намекает,
бег охладевшей крови торопя.

Не до трудов мне нынче.
Соглядатай

чужой я осени,
в раздумье погружен.
Со всех сторон свечением объятый,
я словно вижу бесконечный сон:
полей, дубрав,
и с берега крутого
слежу отлеты птиц по вечерам,—
и не пылит остылая дорога,
и лес стоит,
как одичавший храм...

Есть чувство Родины,
забытого становья,
дымок, протянутый
за дали от жнивья,
где мать мне шепчет
тайное присловье:
«Пока ты жив,
свежа земля твоя...»

Песок с ладони на ладонь просыпал.
Вдали приметил гребни бурунов.
«О чем грустишь?»—
меня сосна спросила.
Вода темней у дальних берегов.

Вкусен воздух

О, как вкусен воздух,
где прежде я дышал поспешно!
Где оживал весь мир
со стариками вместе!
Где скупость и не ночевала,
горбатый спину выпрямлял,
хромой бежал вприпрыжку...
Где запросто теперь
здороваются тени.

Борис ДУБРОВИН

Теперь такая теплота,
Что вновь надеждой сердце живо...
Не увлеченье, как тогда,
Не опрометчивость порыва.

Теперь мы дышим добротой,
Теперь отброшены обиды.
Друг другу сердцем и судьбой
Неиссякаемо открыты.

Теперь отважнее сердца,
Теперь движения вернее,
Теперь и совесть до конца
Сверяю с совестью твоею.

Теперь во всем открыта новь,
Теперь душа звенит струною.
Теперь уж это не любовь,
Теперь—совсем-совсем иное.

Звенит листья осенней медь,
Гремит морской прибой...
Прийти, примчаться, прилететь
И замереть с тобой.

И все—впервые, не опять,
Впервые—напрямик
Сказать, воскликнуть, прошептать
И замолчать на миг.

Листы или заката медь,
Прибоя голоса...
Взглянуть, всмотреться,
разглядеть,
Посметь закрыть глаза.

Вновь заглянуть в пучину глаз,
Как в моря синеву.
Прильнуть, припасть,
обнять хоть раз
Во сне и наяву.

Совесть чиста,
Но уснуть не могу.
Совесть чиста,
Но я словно в долгу.
Совесть чиста,
Но всю ночь напролет
Мне темнота
Отдохнуть не дает.

Будто бы с гор,
Из грядущего дня
Кто-то в упор
Все глядит на меня.
Чую вину неспроста,
неспроста...
Но—почему,
если совесть чиста?

Пианист

Рояль, как лира... Лирика твоя,
Как перелеска утренняя свежесть...
Сиянье мира, благо бытия
И всплески боли, мудрости, надежды.

Все—неизвестность!.. Гордая гроза
Над горною неодолимой кручей...
Какие бездны, реки и леса
Неповторимы в голосе созвучий.

От этих рук блаженное тепло,
Я чище стал, я родника коснулся.
И что-то вдруг со мной произошло,
Я точно спал так долго и проснулся.

О музыка! Ты—наш прозрачный щит,
Само крыло, влекущее к высотам...
И горечь боли радостью звучит,
И груз печали чудится полетом.

Рисунки
Елены УЛЬЯНОВОЙ

Слово

Ты говоришь мне искренне:
«Прости...»
И слезы на глазах блеснуть готовы...
Ну что ж,
со словом больше не шути:
Меня когда-то сбросило с пути
Неосторожно брошенное слово.

Я нес его сквозь годы тяжело,
Оно во мне ворочалось сурово.
Оно томило, мучило и жгло,
Давило сердце камнем, как назло,
Неосторожно брошенное слово.

Едва не поплатился головой
Я сам
за свой поступок бестолковый,
Меня настигло болью и тоской
Шутя как будто сказанное мной—
Неосторожно брошенное слово.

Мы свяжем дружбы
порванную нить:
В ней доброты и радости основа.
Но сам я не спешу себя простить,
Теперь я понял: может и убить
Неосторожно брошенное слово.

ПРОСНИТЕСЬ, ВЫ ТАЛАНТЛИВЫ!

Павел БОНДАРОВСКИЙ,
Иван ЗАДОРЖНИК,
кандидат
философских наук

...Мы закрыли дверь, чтобы не вошло заблуждение, но как же теперь войти истине?..

Рабиндранат ТАГОР

«КАКОЙ СЕЙЧАС ГОД, ИЛЮША?..»

— Какой сейчас год, Илюша?
— Тысяча девятьсот... пятый.
— Илюша, хочешь написать картину «Утро на космодроме»?
— Нет.
— Почему?
— Я не знаю, что такое космодром...
— А «Иван Грозный убивает своего сына»?
— Эту хочу.
— Что за журнал у тебя в руках, Илюша? Прочитай-ка.
— «Спут-ник»... Люди к звездам летают... Сказки, наверно!..

В тесной мансарде старого дома на улице Остужева все стены, углы, подоконники завешаны и заставлены картинами. Мы сидим в самом центре этого живописного хаоса, на крохотном «пяточке», где с трудом уместились три стула и пара продавленных кресел.

Хозяин мансарды с виду типичный художник — могучий, в каждом движении основательность, несуетливость. Вот только борода клинышком, «профессорская», и взгляд — притягивающий и одновременно пронизывающий. «Взгляд гипнотизера», — сказали бы мы, если б не знали уже, что никакой такой связи между гипнозом и взглядом не существует. Узнали мы это, как говорится, из первых рук, от хозяина мастерской, для которого живопись хоть и сильное, но все-таки лишь увлечение, а на самом деле он и есть настоящий гипнотизер, даже больше того — гипнолог-исследователь.

И «Илюша» в действительности никакой не Илюша, а первокурсник Московского авиационно-технологического института Вадим К., мечтающий стать знаменитым конструктором, но, к несчастью, совершенно не умеющий рисовать. В изостудиях и изокружках такими не занимаются, вот он и пришел сюда, в мастерскую к Владимиру Леонидовичу Райкову — ученому без званий и степеней, но известному на весь мир своими экспериментами в области активизации творческих способностей человека с помощью гипноза.

Сегодня их первая встреча. Сначала Райков попросил Вадима нарисовать цветок — какой угодно и хоть как-нибудь. Получилось хуже некуда. И тогда...

— Закрывать глаза!.. Расслабиться... Ни о чем постороннем не думать... Дыхание ровное и спокойное... Ровное... И спокойное...

Начался сеанс гипноза. Райков будто не говорит, а поет — настолько разнообразны и певучи его интонации. На Вадима он и не смотрит, а лишь изредка берет его за руку, контролирует пульс. Минут через семь команда:

— Ты — Илья Репин! Ты не Вадим, а художник Илья Репин! Открыть глаза!.. Как тебя зовут?

— Илья Репин.
— Илюша, ты знаешь Вадима К.?
— Нет, а кто это?
— Да так, один студент... Нарисуй-ка нам цветок, Илюша.

«Илюша» рисует. В руке у него собственная шариковая ручка, которую он время от времени удивленно разглядывает. Цветок получается странный, невиданный, но, бесспорно, красивый, объемный.

— Поставь свою подпись.

«Илюша» подписывается: «И. Репин».
— И год. Какой сейчас год, Илюша?..
После сеанса Вадим опять рисовал цветок. Вышло плохо, но лучше, чем в первый раз. Это заметил и он сам. Зато убедить его в том, что второй цветок, «репинский», тоже рисовал он, ни Владимиру Леонидовичу, ни всем нам вместе не удалось.

— Не беда, — сказал ему на прощание Райков. — Через двенадцать—пятнадцать сеансов сможешь нарисовать свой автопортрет, и уже без гипноза...

ВДОХНОВЕНИЕ ПО КОМАНДЕ

Кто из нас в школьные или студенческие годы не мечтал выучить английский, сопромат, органическую химию во сне? Записываешь все необходимое на магнитофон, включаешь и ложишься спать. А утром — о чудо! — и выспался, и все знаешь наизусть... И как же мы бывали разочарованы, когда чудо не происходило.

— И не могло произойти, — успокаивает нас Райков. — Ведь для запоминания необходимо, чтобы мозг, психика работали активно, а не пассивно, как это бывает во время сна. Под гипнозом — дело другое...

— Но «гипноз» в переводе с греческого...

...Означает «сон». Правильно. Многие ученые и по сей день полагают, что у человека в состоянии гипноза возникает частичное торможение функций коры головного мозга, то есть частичный сон. Но это мнение, считавшееся еще не так давно чуть ли не бесспорным, сегодня просто не выдерживает никакой критики. Наши исследования доказали: гипноз вовсе не сон и даже не его «форма». Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить электроэнцефалограммы обоих состояний: они совершенно разные. Попробуйте спящему человеку что-нибудь внушить или командовать — в лучшем случае вы его разбудите. Под гипнозом же возможно все то, о чем вы говорили, — выучить, например, английский, научиться рисовать, писать стихи. Впрочем, лучше сказать иначе: не «под гипнозом», а с его помощью, и не пассивно «научиться» (проснулся и — о чудо!..), а максимально активизировать свои собственные способности.

— Значит, если активизировать нечего, если кто-то вообще, абсолютно лишен творческих способностей, то тут уже и гипноз не поможет?

— Да, но таких людей практически нет. Зато не подозревающих о своих талантах — сколько угодно. В гипнотическом состоянии, в его глубокой фазе, эти таланты (или, скромнее, способности) становятся очевидными и могут развиваться. Более того, они сохраняются и после окончания сеанса, закрепляются в так называемой «постгипнотической инерции». Что это такое? Это интереснейшее явление, открытое нами в результате многолетних исследований. Прежде считалось, что человек полностью забывает все то, что он делал в гипнозе. В принципе он действительно не помнит этого, но если во время сеанса он, скажем, рисовал, то после окончания сеанса он начинает видеть мир как бы глазами художника, а после двадцати—тридцати сеансов он уже и без гипноза рисует так, что его работы можно смело показывать на выставках. Кстати, мы и организовали такие выставки произведений художников, научившихся рисовать под гипнозом. Одна из последних проходила в издательстве «Молодая гвардия». О ней много писали, а советское и норвежское телевидение даже сняли о ней фильмы.

Фото
Сергея
ВЕТРОВА

— Но на выставку попали лучшие работы, основная масса картин все же не выдержала «конкуренции». Значит ли это, что для их авторов занятия в вашей не совсем обычной изостудии прошли впустую?

— Ни в коем случае. У всех без исключения буквально после первых сеансов «друг» возникает сильный интерес к искусству, появляется или усиливается желание ходить в музеи, посещать выставки, концерты. Появляется тяга к творчеству, к творческой деятельности. И тут дело даже не в том, что именно делали данные люди под гипнозом — рисовали или играли на скрипке, изобретали «вечный двигатель» или учили английские слова. В период постгипнотической инерции (он длится вначале до пяти дней, а затем может увеличиваться) у них уже в обычном, «бодрствующем» состоянии появляется способность управлять творческим состоянием собственной психики, моделировать его. Причем эту способность можно оттренировать в течение определенного количества сеансов. Человек легко настраивает себя на «режим» наибольшей творческой активности, и тогда у него все легко получается, ему все интересно. Он по-настоящему наслаждается процессом работы и, что очень важно, может легко сконцентрировать внимание только на творческом процессе, «отключившись» от внешних помех. У человека в этот период повышается работоспособность и снижается чувство усталости. Причем, повторяю, работоспособность увеличивается не только по отношению к тому делу, которым он занимался в гипнозе, но и вообще.

— Состояние, которое вы описываете, очень похоже на вдохновение талантливого ученого или поэта, когда тот тоже работает без усталости, у него все получается, он тоже «отключается» от внешнего мира так, что хоть в колокол над ухом бей — не услышит. Но у него это происходит без гипноза...

— Вы правы, такая параллель напрашивается сама собой. И, очевидно, существует специальное состояние сознания, особое состояние психики, когда наши психофизиологические функции, связанные с творчеством, активизируются максимально. Известный школьный скамья пример: Архимед был настолько погружен в свои математические расчеты, что не заметил взятия Сиракуз, в которых находился. Наши испытуемые в глубоком гипнозе, в его так называемой сомнамбулической фазе, тоже этого не заметили бы. Но этот пример, конечно, чрезвычайно узок и не отражает всего сходства описанных состояний. А сходство здесь огромное. Я не знаю более близкого гипнозу состояния психики, чем творческое. И тут, и там — новое видение мира, эмоциональный и физический подъем, мобилизация ассоциативного и интуитивного мышления, фокусировка внимания. Да, как вы верно заметили, творческий процесс вовсе не обязательно включает в себя гипноз, хотя это

и возможно. Однако гипноз неизбежно вводит человека в творческое психическое состояние, причем максимально активное. И это чрезвычайно важно и ценно: ведь таким образом перед нами открываются широчайшие перспективы исследований и анализа механизмов творчества — как художественного, так и технического. А что это значит? Значит: мы сможем узнать, как именно рождаются великие открытия, изобретения, неповторимые произведения искусства. И это будет научное знание. На его основе можно будет создавать методики обучения творческому мышлению не только вообще, но и в частности — в любом конкретном направлении — уже без гипноза...

— Все это только в будущем или уже сегодня есть какие-то результаты?

— К сожалению, говорить о научном знании механизмов творчества пока рано, мы лишь в начале пути. Но кое-какие результаты уже есть, так сказать, побочные продукты. Например, в ходе экспериментов с рисованием под гипнозом нам удалось разработать особый, сверхбыстрый метод обучения основам художественного восприятия тона и цвета. По этому методу можно быстро научить людей рисовать и без гипноза. Те же, кто в наших экспериментах изучал иностранный язык (вначале — под гипнозом), впоследствии благодаря специальной методике смогли ускорить процесс прочного запоминания новых слов почти в двадцать раз. Это, правда, максимальный результат, но ведь и в восемнадцать, думаю, было бы неплохо...

КЛЮЧ К ЗДОРОВЬЮ И ДОЛГОЛЕТИЮ?

Собирая материал для этой статьи, мы специально обращались к своим знакомым с одним-единственным вопросом: «Что такое гипноз?» Никто из них не смог дать даже приблизительного ответа. Все начинали так: «Гипноз — это когда...»

И сам собой возник второй вопрос, скорее риторический: а так ли далеко в своих представлениях о гипнозе мы ушли от древних египтян и индусов? Те понимали гипноз как форму наиболее утонченного священнодействия, самого изысканного религиозного культа и окружали его сверхъестественным ореолом.

Лишь лет сто пятьдесят назад австриец Франц Антон Месмер попытался дать хоть какое-то объяснение гипнозу как явлению. Правда, причиной его он объявил некий «животный магнетизм», своеобразное истечение «флюида» от человека к человеку, и начал довольно успешно лечить с его помощью некоторые виды заболеваний. Продолжалось это недолго и распространения не получило. Более того, Французская академия наук объявила «месмеризм» шарлатанством и запретила применять его в медицине. В результате

гипноз выродился в сценическое представление, шоу, эффектный номер на потеху публике.

И только английский врач Джеймс Брад, попав однажды на выступление «месмеристов», всерьез заинтересовался их «трюками» и, кстати, впервые в истории обозначил явление греческим словом «гипноз» — «сон». Как одну из форм сна понимал гипноз и академик И.П.Павлов, который, впрочем, специально его не исследовал.

Да и сегодня в стране нет ни одного института, ни даже маленькой лаборатории, где бы изучали возможности и природу гипноза. Институты Академии наук СССР считают, что эти вопросы далеки от их тематики, что исследование гипноза — задача Академии медицинских наук и Минздрава. Последние же никак не желают заниматься этим явлением как стимулятором творчества, поскольку, дескать, для медицины тут интересного мало. Но мало ли? Ведь гипноз сегодня — один из методов лечения, применяемый, кстати, уже довольно широко. Существует и специальность врача — психотерапевт, в обязательном порядке требующая владения гипнозом. Но где границы этого владения, кто изучает их, способствует их расширению? Или, может быть, расширить их больше некуда?

Это уже отнюдь не риторические вопросы. Границы возможностей гипноза в активизации творческого состояния психики исследует сегодня один-единственный человек в стране — Владимир Леонидович Райков. Исследует в кустарных условиях — в живописной мастерской, у себя на квартире или на квартирах у своих друзей, и лишь в редчайших случаях ему удается воспользоваться необходимой аппаратурой.

А между тем многие из его исследований имеют самое что ни на есть непосредственное отношение к медицине.

— Чтобы лишний раз убедиться, что поведение наших испытуемых не игра, — рассказывает Райков, — мы провели один интересный опыт. Глубоко загипнотизированному молодому человеку внушили, что он... новорожденный младенец, и его нейрофизиологические реакции тут же стали соответствовать, так сказать, «нулевому» возрасту: детское десинхронное плавание глаз, специальные рефлексы стопы и рук, свойственные только новорожденным. Подобные вещи взрослый человек «сыграть» просто не в состоянии... Таким образом, наш эксперимент лишний раз подтвердил известную гипотезу о том, что человек ничего в своей жизни не забывает, хотя и не все может воспроизвести. Можно даже говорить об особой, бессознательной, физиологической памяти, свойственной человеку, но скрытой в глубоких тайниках. А это открывает перед медициной почти колоссальные возможности. Представьте себе: мы внушаем, скажем, сорокалетнему больному, что ему двадцать лет

(возраст, когда он был абсолютно здоров), внушаем ему это в течение двадцати — тридцати сеансов, и — вспомните постгипнотическую инерцию! — он сперва привыкает чувствовать себя здоровым, а затем и становится таковым. Уже сегодня таким способом можно лечить многие виды неврозов, начальные формы язвы, гипертонии, астмы, болезней сердца. Впрочем, лечит здесь не врач, не гипнотизер — организм сам под воздействием гипнотического внушения лечит себя, мобилизует на борьбу с недугом свои же скрытые силы.

Оптимальное функционирование организма... Не в этом ли ключ к долголетию?..

КОНЦЕРТ ДЛЯ СКРИПКИ С ...ГИПНОТИЗЕРОМ

На сеансах у Райкова всегда весело. Все его испытуемые, прежде чем заняться под гипнозом каким-то делом, «плавают» в воображаемом озере, «загорают» под ласковым солнышком, «ловят» усагого и рогатого водяного, который так и норовит зашекетать... Хорошее настроение в любой работе лучший помощник.

На этот раз за водяным «охотится» Женя С. — студент четвертого курса гнесинского училища по классу скрипки. Музыкант он талантливый, но прежде ужасно боялся выступать перед публикой. И глаза замуривал, и внушал себе, что в зале нет никого, — не помогало. Пальцы не слушались, деревенели, «спотыкались» на простейших пассажах. После нескольких сеансов гипноза страха как не бывало. Более того: появилось ясное ощущение того, как с каждым сеансом улучшаются техника игры, понимание музыки. Поэтому расставаться с Райковым Женя не спешил, как, впрочем, и Райков с ним. Женя оказался на редкость «гипнабельным» и сегодня, когда позади уже около двух десятков сеансов, входит в состояние гипноза практически моментально, по первой же команде: «Спать!»

Вдоволь «потаскав» за рога водяного и «поплавав», Женя встает, берет в руки скрипку. Теперь он не Женя, а «Давид Ойстрах» и должен сыграть одно из сложнейших и красивейших современных скрипичных произведений — сонату Бабаджаняна. Десять минут назад он исполнил ее без гипноза, так что есть возможность сравнить. Сравниваем не мы и не Райков, хотя он и в музыке большой знаток, а известный скрипач-виртуоз Михаил Безверхий — победитель и призер многих международных конкурсов.

— Бывают случаи, когда техника значительно улучшается, — говорит он, — а эмоциональность становится ярче. В этой сонате часто меняются настроения, и чувствуется, что Женя не только передает эти изменения, но и сам переживает их во всей полноте. Когда он играл без гипноза, у меня такого

Авторитетное мнение

Владимир РОТЕНБЕРГ, доктор медицинских наук

...Для развития этого направления нужны тщательные психофизиологические исследования. Сеансы гипнотического внушения должны сопровождаться регистрацией различных электрофизиологических показателей на каждой стадии погружения, психологических характеристик поведения и мышления испытуемых. Подобные исследования помогут выработать методики развития творческих способностей, ответить на ряд сложных теоретических вопросов, и, конечно же, усилить одного энтузиаста, даже такого творческого и инициативного, как В.Л.Райков, здесь недостаточно. Необходима лаборатория, коллектив психологов и физиологов, аппаратура...

Яков ПОНОМАРЕВ, доктор психологических наук

...То, что делает Владимир Леонидович Райков, чрезвычайно важно и ценно. Его исследования расширяют знания о резервах человека. В последние годы много говорят и пишут о так называемом неосознаваемом творчестве, Райков же предлагает нам один из методов изучения таких процессов, причем метод

эффективнейший. Да, проблема неосознаваемого долгое время находилась как бы вне науки, но подобный взгляд на нее давно настала пора отменить. Гипноз просто необходимо использовать как метод научного исследования. Такое использование возможно и требуется во многих областях знания и в различных направлениях науки, в том числе (а, может быть, в первую очередь) и в психологии творчества...

Мария ТЕЛЕШЕВСКАЯ, доктор медицинских наук

...Как психотерапевту-практику, мне очень близки проблемы, которыми занимается доктор Райков. В клинике мы тоже мобилизуем от сеанса к сеансу волевые ресурсы человека, его эмоциональность, активизируем интеллект, трудовую деятельность. И убеждаемся: ресурсы человеческой личности и организма неисчерпаемы. Большинство из нас, даже живя напряженной творческой жизнью, не знает как следует свои возможности, таланты, а значит, и не использует их в полную меру. То, что Райков не находит должной поддержки в Минздраве СССР и Академии медицинских наук, — факт, который трудно понять. Талантливый ученый, он вынужден проводить свои эксперименты как в кустарно-одиночку. Но сколько бы мы ни говорили о важности энтузиазма, в наше

время на одном этом качестве невероятно трудно добиться успехов в научной деятельности. Райкову нужна, необходима аппаратура и лаборатория со штатом психологов, медиков, инженеров, специалистов в различных областях творчества. Не верю, чтобы создание такой лаборатории в наше время, да еще в Москве, составляло большую трудность. Тут нужно решать конкретно: такой-то отдел Минздрава, такое-то подразделение Академии медицинских наук с участием Института психологии Академии наук СССР должны сесть за общий стол и сформировать специальный творческий коллектив ученых-исследователей по этой тематике. Исследования Райкова — далеко не его «личное дело», и этому делу необходимо помочь. Пока серьезной помощи не будет, о Райкове и его экспериментах будут писать и рассказывать, как рассказывают об экстрасенсах, как о сенсации, в которой ничто не доказано.

А. А. ЧУРКИН, главный психиатр Минздрава СССР (запись в книге отзывов о выставке картин, нарисованных под гипнозом)

...Явление совершенно необычное и лишний раз подтверждающее наличие колоссальных возможностей человеческого мозга. Мы надеемся, что метод Райкова получит широкое распространение...

ощущения не было. А сейчас он играет если и не как Ойстрах, то, уж во всяком случае, на уровне, достаточном для участия в конкурсе имени Чайковского. Понимаю, гипноз... Но я давно знаком с Райковым, с его деятельностью и не сомневаюсь: еще несколько сеансов — и Женя точно так же блестяще будет играть без гипноза!..

Снова эта таинственная постгипнотическая инерция... После сеанса Женя не помнил ни того, как он играл, ни адресованных ему реплик-советов Безверхнего, — «глубже, трагичнее!» или «легче, раскованнее!»... — но мозг его и пальцы запомнили все. Они запомнили практический урок виртуозной игры, который Женя, выходя из гипноза, преподает сам себе.

Аналогичную «практику» прошли несколько лет назад у Райкова и шахматисты. Выступавший в качестве эксперта экс-чемпион мира Михаил Таль отметил, что испытываемые в глубоком гипнозе игроки примерно на два разряда лучше.

По принципу «самообучения» овладевают под гипнозом и иностранными языками. Райков пошел здесь своим путем: испытываемому внушается образ, скажем, англичанина, который, разумеется, знает свой язык в совершенстве, а вот по-русски не понимает ни слова. И даже тот, кто до этого чисто механически зубрил английские тексты и грамматику, начинает говорить легко и свободно.

Этот метод своеобразного «оживления» образа оказался чрезвычайно эффективным во многих и самых разных экспериментах. Например, после серии сеансов гипноза хронический алкоголик стал принципиальным трезвенником только благодаря тому, что ему последовательно внушали образы собственных детей, жены, матери. Причем вел он себя в этих образах отнюдь не пассивно. «Будучи» своей женой, он плакал и умолял себя же не пить, иначе погибнет семья, погибнет все... После сеансов он, разумеется, этого не помнил, но и не пил больше.

Существует ошибочное мнение, будто все, что делает человек под гипнозом, он делает исключительно по командам гипнотизера. Но вот ситуация, зафиксированная в протоколах экспериментов Райкова.

Тремя молодым людям в глубоком гипнозе были внушены образы Рафаэля, Ван-Гога и Пикассо. Когда первый и второй представились друг другу, «Ван-Гог» заявил «Рафаэлю», что тот самозванец, ибо настоящий Рафаэль давно умер, и попросил «Пикассо» подтвердить это. «Пикассо» как мог успокоил обоих, а затем подошел к гипнотизеру и возбужденно прошептал ему на ухо:

— Срочно звоните в полицию, Учитель! Уж я-то знаю, что Ван-Гог и самого давно нет в живых!

Любопытный факт: ни один из загипнотизированных не узнал себя в зеркале.

Об экспериментах Владимира Леонидовича Райкова можно рассказывать очень долго. Все они чрезвычайно интересны и порой наводят на мысли о чуде. Но ничего сверхъестественного в них нет. Есть непознанное, еще не объясненное, не исследованное до конца.

ТОЧКИ НАД «i»

Существует Всемирное общество гипнологов, есть и Европейское, Славянское... Ни в одно из них наши специалисты не входят, нет у них и своего всесоюзного общества, не говоря уже о журнале, какие издаются сегодня практически по всем отраслям и даже подотраслям науки. А между тем гипноз необходим не только психотерапевтам, не только в психоневрологических диспансерах и клиниках. Он нужен хирургу, чтобы успешно оперировать больных, которых по тем или иным причинам нельзя усыплять традиционным наркозом. Он нужен простому терапевту, чтобы выяснить, до какой степени пациент «доставляет» свою болезнь в воображении. Фармакологу, чтобы повысить эффективность действия лекарства. Гипноз, наконец, сам является универсальным инструментом лечения многих болезней. Но это и мощный исследовательский инструмент, позволяющий проникать в глубины психики, изучать и расширять границы творческих возможностей человека.

Райков уверен: дальнейшие эксперименты раскроют еще не одну тайну психики и дадут практические возможности использовать новые знания в этой области на благо каждого и всех.

— *Ведь в принципе с помощью гипноза можно учить не только живописи и музыкальному мастерству, — говорит он, — но и укреплять, усиливать способности к техническому творчеству, пробуждать математические наклонности, быстро «вводить» в человека любой минимум знаний, будь то иностранный язык или язык компьютеров. Короче говоря, любой без исключения вид деятельности можно значительно активизировать гипнотическим воздействием!.. Кроме того, под гипнозом легко выявляем внутреннюю, так сказать, профориентацию человека. Ведь зачастую в юные годы, когда пора делать выбор жизненного пути, мы этого еще не знаем. Но с помощью гипноза можем узнать.*

Кстати, на такое применение гипноза нас как бы наталкивает сама природа: в глубокое гипнотическое состояние легче всего входят люди в возрасте до двадцати лет. Позднее эта способность у них снижается. Правда, ее можно сохранить, если попасть на прием к гипнологу в самом благоприятном возрасте...

В самом начале статьи мы назвали Владимира Леонидовича гипнологом. И это действительно так. Но гипнология, как и живопись, лишь его увлечение, которому вот уже около тридцати лет он отдает все свободное время, все выходные и отпуска. Работает же Райков психотерапевтом.

Мы назвали его ученым с мировым именем, и это тоже правда. Он единственный из советских ученых почетный член редколлегии «Британского журнала экспериментального и клинического гипноза». У нас в стране (в «Психологическом журнале» АН СССР) и за рубежом опубликовано свыше пятидесяти его научных статей по проблемам активизации творческих процессов с помощью гипноза. Кстати, свои статьи Владимир Леонидович сам переводит на английский, который выучил по собственной же методике всего за месяц с небольшим.

После каждой публикации Райков получает массу откликов от коллег-гипнологов из разных стран, а однажды к письму оказался «приложен»... контейнер с исследовательской аппаратурой общим весом 980 килограммов. Мы видели эти приборы, они пылают вместе с картинами в мастерской и на квартире Райкова: установить и использовать их негде.

Поразительно, но факт: в Академии наук СССР, Академии медицинских наук и Минздраве СССР исследования и эксперименты, проводимые Райковым, считают... его «личным делом», не представляющим интереса для большой науки. Считают, к счастью, далеко не все, но, к несчастью, как раз те, от кого зависит решение вопроса о создании хотя бы крохотной лаборатории при академическом институте.

Проблемы, которые исследует доктор Райков, находятся на стыке наук и, образно говоря, чуть ли не на самом ведомственном барьере, разделяющем две Академии. Долгие годы Иван кивал на Петра, а Петр на Ивана, и лишь года полтора назад в Минздраве СССР подготовили было решение об организации лаборатории экспериментальной гипнологии в системе министерства. Но затем чья-то властная рука наложила на решение вето.

Да, никто не может дать гарантии, что все до единой гипотезы Райкова подтвердятся при более тщательном исследовании с помощью соответствующей аппаратуры. Но это ведь не означает, что можно авансом объявлять их ошибочными. Тем более что многие его предположения за тридцать лет работы стали официально признанными открытиями. Значение их и практическая польза велики и очевидны.

Но все это, как ни странно, не является достаточно убедительными аргументами для обеих Академий и министерства, которые никак не хотят признать ученым человека без званий и степеней, хоть он и продельывает в свое свободное время немаловажную часть ИХ работы.

Конкурс одного стихотворения

ЗЕМЛЯ, МЫ ДЕТИ ТВОИ

Дорогие друзья! Под таким девизом проходит наш традиционный конкурс одного стихотворения. Напоминаем условия конкурса: в нем могут принимать участие все, кто пишет стихи (кроме членов Союза писателей СССР). Необходимо указывать профессию, имя, отчество, фамилию, возраст, домашний адрес. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Итоги конкурса подводятся в конце года, победители награждаются дипломами и премиями «Смены». Но самой приятной, мы надеемся, наградой победителям станет публикация подборки их стихов.

Желаем успехов! Ждем ваших писем.

Иван МАЛЫХА,
офицер-пограничник,
Читинская обл.

И опять это время —
пора звездопада,
обозы.
Облетевшие рощи просторны,
светлы и легки.
Время птичьих кочевий,
дыхание первых морозов,
Время острой,
такой непонятной
и сладкой тоски.
На пригорок ли выйдешь,
прижмешься щекой ли к осине,
Наблюдая,
как листья
в холодный текут водоем,
И почувствуешь остро,
что вся необъятность
России
Умещается в общем-то
в крохотном сердце твоём.

Виктор РАБИНОВИЧ,
слесарь,
Бобруйск

Вдохновение

Встал друг мой у токарного станка,
Творит деталь —
плод мысли и умения.
Я знаю, как порою нелегка —
Коварна сталь,
капризно вдохновенье.
Друг пот устало вытер рукавом,
Да, нелегки рабочие науки.
А старый мастер цокнул языком:
«Врожденный токарь.
Голова и руки!»
Пусть мысль мою почувствует рука.
И нет прекраснее таких мгновений.
В руке — перо
Иль рукоять станка,
Не существует разных вдохновений.

Виктор ВОЛОДИН,
электрик,
г. Куйбышев

Переправа на Волге

Средь полуденной волжской сини
Пыхтит натруженный паром;
Здесь пучеглазые машины
Стопнулись, пыльные, гуртом.
Покинув душные кабины,
Сошлись у борта мужики
И подставляют солнцу спины.
А думы... Думы нележки.
Об урожае, о погоде
Неторопливо говорят.
И по-бурлацки — вдоль по ходу —
Песками тянется их взгляд.
Казалось бы, знакомы с детства
Все эти воды-берега,
А вот не могут наглядеться —
Тем и дорога дорога.

Александр ЖЕТВИН,
журналист,
Москва

Дом над морем

...А ведь море очень одиноко.
Берег — враг, хотя веками — около...
По ночам
бунтует одиночество.
Звездам сердобольным
плакать
хочется.
Ну, а сами-то
прорвите
сети вечности...
Серебрятся
в одинокой
бесконечности.
Сети
ночь развесила
над морем...
Ох, какое море —
молодое!
Лгут: оно, мол, опытно и старо.
С сотворенья
опытней не стало:
В берег,
в скалы,
и волну — в мочало.
Но опять вперед.
И все сначала.
...Ночь, и обнаженность одиночества.
К черту выбор,
к черту все пророчества!
...Дом над морем, до утра прибой.
Вот уеду,
и его б с собой.

Лев ТАРАН,
врач,
Дмитров

Чувство Родины

Чувство Родины — чувство великое!
Наступает такая пора:
все жестокое, темное, дикое
гибнет в свете любви и добра.
С неизбежностью необходимой —
в одиночестве или в борьбе —
вдургой поймешь:
ей труднее, родимой,
как бы ни было трудно тебе.

Борислав САВЕЛЬЕВ,
летчик,
Москва

Я просто выдумал тебя
В январскую пургу,
Когда вдруг понял, без любви
Прожить я не смогу.

Я просто отыскал тебя
В ночи потерь и гроз,
Как путеводную звезду
Средь миллиардов звезд.

Я просто полюбил тебя,
Свою мечту и сон,
Под неумолчный плеск берез
И птичий перезвон.

РОЗЫСКИ

Борис ВАСИЛЬЕВ

ПОВЕСТЬ

ПРОДОЛЖАТЬ

Рисунок Виталия РУСИЧА

Л

исать обо мне собирается?

Полковник в отставке Минин Валерий Петрович улыбается одними глазами. Они и выдают его ироничное отношение не столько ко мне и литературе, сколько к себе самому и своим «эпизодам», как Валерий Петрович именуется собственную тридцатилетнюю службу в милиции («Был такой эпизод...» — обычно начинает он). Рассказывать он любит, но всегда не до конца, что ли, всегда о чем-то недоговаривая и непременно упрощая собственный рассказ. Сначала я думал, что поступает он так из свойственной ему усмешливой скромности, а узнав Минина поближе, подружившись с ним и множество часов молча просидев рядом с удочкой, понял, что не все так просто, и однажды у вечерней ущицы спросил, что называется, в лоб.

— Почему умалчиваю? Потому что я милиция. Я преступника беру, а дальше дело закона, следователь, эксперт, прокуратуры, свидетелей, соучастников и, наконец, суда. Видите, какая цепочка, в которой я только первое звено? Подчас очень даже длинная и запутанная, и я не имею служебного права кому бы то ни было все тонкости да особенности докладывать до вынесения судом приговора. Отсюда привычка к рапорту: «На месте преступления обнаружено то-то, следы привели туда-то, взял того-то...» Все остальное, как говорится, от лукавого. А что касается упрощения...

И снова Валерий Петрович улыбается одними глазами. Пробует уху, причмокивает от удовольствия и думает, как бы ответить без бахвальства, которого боится, по-моему, больше всего на свете.

— Конечно, все в жизни бывает, и в нашей работе тоже все бывает. Особенно когда о ней в книжках да в кино рассказывают: погони, засады, пальба, стрельба, поножовщина. Для зрителя или, там, читателя — героические деяния, а для милицейского работника — нечеткие действия по задержанию опасного преступника. Значит, либо поторопились, либо спугнули, либо что-то недоучили, либо доказательств в руках кот наплакал, а только грубая это работа. Преступник не дурак, не сумасшедший, и если ты ему никакой лазейки не оставил, никакой надежды не подарил, если по всем пунктам у тебя на руках неоспоримые доказательства, он и уходить не станет, а уж тем более сопротивляться тебе. Почему? Да потому что, первое: куда уходить-то? Режим у нас теперь и в деревне паспортный, служба профилактики работает неплохо, отделы кадров на предприятиях и того лучше, да еще общественность приплюсуйте, обязательную прописку, народные дружины, управдомов, комендантов, вахтеров да сторожих разного рода — ну, и куда преступнику податься? В тайгу либо в

тундру, от людей подальше? Так это же пострашнее любой колонии: и холодно, и голодно, и словом не перемолвишься. Это по первому пункту. А по второму — ну какой же нормальный человек милиции сопротивление станет оказывать, если доказали ему, что он кругом виноват? Ведь все равно где-то возьмут, даже если здесь ушел. Но возьмут уже с тяжким довеском: «оказал сопротивление при задержании». И такому дураку уже не восемь, к примеру, общего, а десять дураку уже не восемь, а то и к исключительной мере. Нет, сказки это по большей части, хотя я и признаю, что все в нашей работе случается. Все бывает, однако я за свои тридцать лет службы за пистолет считанные разы хватался.

— Даже вначале?

— Даже вначале. — Валерий Петрович на сей раз улыбнулся уже не только глазами, но улыбнулся как-то невесело. — Хоть и начал я службу в милиции в очень трудные времена: почти сразу после войны. Тогда, сами понимаете, особое сложилось положение: и с кадрами нехватка, и преступный мир за войну обнаглел и разросся, и оружие неучтенного — и с фронта понавели, и после оккупации осталось, да и амнистия, что на радостях после Победы объявили, тоже нам работенки прибавила, чего уж тут умалчивать. А в сорок шестом мне восемнадцать исполнилось, и пошел я по комсомольской путевке в органы Министерства внутренних дел. До сорок девятого служил, где приказывали: и постовым, и патрульным, и конвоиром, и сопровождающим — куда пошлют, как говорится. Сам я из Смоленска, всю войну в родном городе пережил, всего насмотрелся. Отец у меня на фронте погиб, старшую сестру в облаве взяли, в Германию увезли, и сгинула она там, я как-то уцелел. Прятаться научился, в развалинах ночевал, ну и дождался освобождения. Вместе с матерью и теткой — они тогда еще живы были.

Это я к тому, что тетка у меня учительницей до войны работала в школе номер тринадцать и очень упорно настаивала, чтобы я десять классов окончил.

И под ее нажимом да еще с ее помощью я в сорок девятом благополучно завершил в вечерней школе среднее образование и тут же был направлен на курсы следователей в подмосковный городок. Специалистов тогда остро не хватало, и во многих местах организовали годичные курсы. Год я там проучился, а перед самыми выпускными экзаменами у меня мама умерла. Она после гибели отца да ареста моей сестры немного не в себе стала да и болела часто, и в пятидесятом скончалась. Мне дали десятидневный отпуск, я съездил в Смоленск, похоронил маму, а когда вернулся, то узнал, что весь наш набор уже получил назначения, а у меня еще экзамены не сданы. Пришлось за них в одиночестве отчитываться — коротечко, в день по экзамену. Отчитался, получил документ об окончании и назначение. Думаете, следователем? Никак нет: участковым в поселке по Северной железной дороге. А через некоторое время случился там такой эпизод...

— Я следователь, товарищ старший лейтенант.

— Ты? Ты салага, младший лейтенант Минин. А по фене если, то еле-еле шестерка, понял? Вот давай служи, проявляй рвение и заботу о вверенных тебе гражданах, ума набирайся, а там видно станет, кто ты есть по своей натуральности.

Мой первый начальник старший лейтенант Сорокопут был одноглаз, ворчлив, придирчив, малограмотен, но заботлив и многоопытен. Глаз он потерял еще до войны, за двадцать лет милицейской службы добрался до старшего лейтенанта, руководил отделением, знал все население по именам и характерам и ни о чем более не мечтал. Лишь об одном: чтобы в сфере деятельности его отделения не стряслось чего-либо из ряда вон выходящего.

— Следователь, он, здравствуйте вам, понимаешь. Почему Верка Звонарева третьи сутки дома не ночует? Вот

и расследуй, успокой мамашу. Улица Жданова, три. Твой участок, между прочим.

— Одна улица Жданова?— с надеждой, помню, спросил я.

— Все улицы по правую сторону полотна железной дороги. И Офицерский поселок напротив их, по левую. Составишь схему, список проживающих и план мероприятий. Но сперва найдешь Верку: мать второй день у меня под окнами ревет. Все. Гуляй.

Так и сказал: «Гуляй». Как собаке, недаром начал свою долгую службу в милиции проводником служебных собак. А мне было двадцать два от роду, я имел полное среднее и некое специальное образование и прямо-таки болезненное самолюбие. А тут вдруг «Гуляй». Погулял я, конечно, однако с обидой, раздражением и как бы сывороткой в душе. «Засиделись, обросли пороссятами да огородами.— вот о чем думал я, нервно поскрипывая кирзовыми сапогами по свежевному снежку.— Ну ничего, ничего, я вам еще докажу, я вам...»

Что я тогда собирался доказывать и кому конкретно, я не уточнял. Сердился, все во мне клочотало, и я не дошел, а добегал до какого-то угла, где и остановился, не зная, куда надо сворачивать и где она вообще, эта улица Жданова.

Стоял на редкость тихий, покойный первозимок: первый снежок, первые морозцы, первый скрип под ногами и первый румянец на щеках. День был рабочим, на припорошенных улицах поселка никого не просматривалось по трем направлениям, и тут я затоптался, выглядывая, у кого бы спросить. Развернулся назад, на четвертое направление, и лицом к лицу столкнулся с краснощекой девицей лет восемнадцати в белом шерстяном платке, тесноватом осеннем пальтишке и коротких тупоносых ботинках. У девушки были сердитые глаза, очень надутые губы и старомодная потрепанная сумка, которую мне хотелось назвать ридикулом, потому что такая сумка была у моей мамы. Все это (а главное — щеки) разом обрушилось на мою неподготовленную душу, и у меня хватило дыхания только на короткий вопрос:

— Где Жданова, три?

— Мамочка жаловалась?— почему-то с яростным презрением спросила краснощекая.— Так вот она я. И нечего зря, понятно?

— Значит, вы Вера Звонарева,— подумав, заключил я.

— А я в Москве ночевала, понятно?— с вызовом продолжала Вера.— Что, нельзя? Можете у тетки справиться, у меня тетка в Сокольниках живет, и я у нее ночевала. Что, нельзя, да?

Должен сказать, что я был тогда абсолютно свободен, и мне очень хотелось влюбиться. Но не в кого-нибудь, а непременно вот в такую. Сердитую и краснощекую.

— Проверим,— весомо обронил я и достал из новенькой милицмейской сумки совсем несерьезную школьную тетрадку в клеточку.— У тетки, говорите? Адрес, имя, отчество, фамилия.

Мне совершенно ни к чему были эти записи: порученное первое розыскное задание решилось походя, само собой, без всякого моего участия, а краснощекая соображала, для чего мне понадобился вдруг адрес тетки из Сокольников. Для сведения о некоторых чересчур румяных, которые по три дня дома не ночуют. И я аккуратно записал продиктованные девушкой ответы и хмуро еще раз пообещал:

— Проверим, гражданка Звонарева.

Именно в этот момент, помнится, и появилось третье лицо, но появилось неожиданно, возникнув вроде бы ниоткуда. Это был большегубый, смешной, нескладный парнишка лет шестнадцати в широкой и длинной, не по росту шинели, в разбитых латаных перелатанных сапогах и засаленной шапке-ушанке, сзади которой была нелепая белая заплатка. На меня он не обратил никакого внимания, а у Веры спросил требовательно:

— Дашь хрустик-то, дашь? Гони, обещалась, гони теперь. Гони.

— Все?— спросила у меня Вера, не отреагировав ни на появление нового лица, ни на его требования.— Тогда приветик.

И пошла по улице, а следом заспешил парень, загребая при ходьбе левой ногой. Но я тогда смотрел не на него, а на девушку, потому что по причине молодости не встречал еще таких краснощеких. «Неприменно.— думал я,— проверим. Знаем мы этих теток из Сокольников...»

Однако, поразмыслив, я решил проверить справедливость Верочкиных показаний не в тот же день и даже не в следующий. Я решил сначала освоить свой участок, познаться с жителями, а потому и появился в доме номер три по улице Жданова в порядке очереди на четвертый, что ли, день. К посещению этому я готовился специально, драил кирзачи и пуговицы, но зря, потому что Веры дома не оказалось. Оказалась мама — иссохшая солдатская вдова, подтвердившая, что действительно имеет в Москве родную сестру, у которой Вера всегда ночует, если задерживается допоздна.

— Да по мне ночуй, коли хочется, не маленькая,— обиженно объясняла она.— Ночуй, кобылица, но матери говори, куда идешь да когда обратно явишься.

— Нехорошо,— уныло поддакивал я.— Не товарищески это.

Через неделю после посещения Звонаревых и завертелся «эпизод».

Но сначала надо сознаться в некоем личном решении. Я решил выработать в себе характер волевой и целеустремленный, а потому положил за правило ежедневно в семь утра являться в отделение для рапорта и получения указаний. Такого порядка в этом отделении доселе не существовало: участковые жили далеко, никакого — ни личного, ни служебного, ни общественного — транспорта не имели, работали, сколько требовалось по обстановке, и старший лейтенант Сорокопут к утреннему разбору никого являться не обязывал. Но из знакомства со своими подопечными гражданами я вынес твердое убеждение, что, к сожалению, очень еще молод то ли для них, то ли для должности. Возраст можно было — по моему тогдашнему разумению — компенсировать солидностью, а солидность требовала постоянства, чего-то неукоснительно обязательного, какого-то уважительного недоумения, что ли, со стороны населения моего участка. И я твердо решил, что таковыми будут мои ежеутренние — что бы там ни было, хоть потоп, хоть пожар, хоть землетрясение — появления пред единственным окном ворчливого начальника. Не ради самой исполнительности, а только ради завоевания авторитета среди граждан (в том числе и слышимом уж румяных) путем неслышанной служебной аккуратности, рвения и мужского постоянства. «Это должно стать привычкой,— талдычил я себе каждое утро, борясь со сном и холодом.— Привычки украшают мужчину...»

Пять дней я укреплял таким образом свой авторитет, а на шестой обнаружил в кабинете начальника опередившую меня почтальоншу Квасину Агнию Тимофеевну.

— Иду я, значит, по Офицерско-го поселку — там ведь три семьи так и не съехали, на зиму остались и газеты получают — глянь, а в доме, где этот, где адмирал, двери сорваны. Господи, думаю, неужто бандиты? И туда. Осторожно так, чтоб, значит, себя не напугать раньше времени. Заглянула, а там — батюшки свету. От пуха белым-бело, ну ровно тебе метель. Ровно выюга какая.

— Пройдешь с Квасиной, осмотришь, доложишь.— Сорокопут отчаянно боролся с зевотой, нагло одолеваящей его на посторонних глазах.— Должно, лыжки баловались. Ты лыжно проверь.

Офицерский поселок был еще очень молод. До сорок шестого на его месте располагался уютный лесок, в котором местные жители привычно брали грибы с орехами да землянику с черникой, благо для этого надо было всего-навсего пересечь железнодорожную насыпь, довольно, правда, высокую. А потом весь этот лесок отдели военному ведомству и порезали на дачные участки для выходящих в отставку генералов и полковников. И вырос поселок в пять улиц — Суворовскую, Кутузовскую, Ушаковскую, Нахимовскую и Ворошиловскую. Летом он звенел голосами повзрослевших за войну дочек и подрастающих внуков, а зимой замирал: отставники заколачивали окна и двери собственных дач и до весны переселялись в Москву на зимние квартиры. И только в трех дачах — по Ушаковской, Кутузовской и Ворошиловской — оставались упрямые зимовщики.

— Вот оно, стало быть, и получают почту,— задыхаясь, но не смолкая, тараторила Квасина.— Я к полковнику Поталову Мефодию Авдеевичу шла, он на Ворошиловской проживает, но к нему удобнее по Суворовской идти, а возле дачи адмирала — через проулок...

— У этого адмирала двери оказались взломанными?

— Ага, у него самого, у товарища Сицкого Павла Макаровича. А уж пуху-то, пуху!..

Адмирал Сицкий выстроил аккуратный домик с мезонином и застекленной верандой, на зиму защитой досками. Выходившие на Суворовскую ворота были залепты на солидный амбарный замок, а калитка распахнута настежь. От калитки к крыльцу дачи шла широкая полоса примятого снега, словно из дома волокли что-то громоздкое и увесистое.

— Вот это и есть...

— Стойте тут, Квасина,— скомандовал я, радостно ощущая прилив нетерпеливого сыского азарта.— Значит, так, что-то из дома волокли. Спрашивается, что именно? И чьи следы мы наблюдаем поверх направления волочения?

— Мои,— с готовностью призналась Агния Тимофеевна.— Мои следы поверх этого... Поверх матраца.

— Какого матраца?

— А который волокли. Вон он, у тропки лежит. Возле протоптанной в снегу тропинки и впрямь лежал обычный пружинный матрац, не совсем, впрочем, обычно выглядывший. Полосатый тик его был во всю длину вспорот ножом, разодран на две половин-

ки, ватин вырван и разбросан вокруг, и из исковерканного нутра обнаженно и беззащитно торчали голые пружины.

— На нем, поди, терзали,— шепотом всхлинула почтальонша.

— Никого тут не терзали.— Я тщательно осмотрел не только матрац, но и каждый его клочок в отдельности.— Сам матрац, правда, терзали. Садистски, можно сказать. А зачем?

— Может, на нем, это... Кого снасились?— с робкой надеждой на сенсацию спросила Квасина.

— Ваша версия ничем решительно не подтверждается. Даже косвенно.— Тут я цепко оглядел участок, осматривая его справа налево и поспално от ориентира к ориентире, как учили на курсах, но, кроме сорванной с петель двери, ничего не обнаружил.— На крыльце имелись посторонние следы?

— Не знаю. Я так испугаться боялась, что ни на что и глядеть-то не могла. Кралась я.

— Кралась.— Я был очень недоволен тогда, очень.— Ну, пройдем туда. Попрошу строго за мной.

К даче я шел медленно (тоже как бы крался), изо всех сил вглядываясь в оставленную матрацем полосу, следы почтальонши и девственно чистый снег. Ничего нигде не было: ни лыжи, ни иных следов, ни каких-либо знаков или предметов. Пока все выглядело так, будто некто, преступным путем проникнув на адмиральскую дачу, вытащил громоздкий пружинный матрац и зачем-то отволоч его на улицу. А доперев до тропы, вдруг, ни с того ни с сего, можно сказать, озверел и загадочно искромсал семейную вещь острым ножом.

— А в доме-то, в доме...— начала было Квасина.

— Попрошу пока не входить,— сурово отрезал я и решительно шагнул в дом через скособоченную дверь.

Во всех комнатах и на кухне царил бессмысленный разгром. Все перины и подушки оказались взрезанными: облака пуха поднимались в воздух и долго не желали оседать при малейшем резком движении. Шкафы были распахнуты настежь, содержимое их, равно как и содержимое трех чемоданов, вывернуто на пол. Та же участь постигла кухонные тумбочки и шкафчики: груда битой посуды, банок и бутылок громоздилась у порога. И при этом никаких следов, как я ни всматривался. Ни следов, ни чего бы то ни было необычного настолько, что выделялось бы на общем фоне необычной картины: какой-либо детали, предмета — иными словами, какой-либо улики. Но ни улик, ни смысла в этом погроме я так и не усмотрел при всей своей концентрированной старательности, а потому и не мог сочинить никакой, даже самой беспомощной версии. Призванная на помощь Агния Тимофеевна тоже ничем помочь не могла: она бывала на адмиральской даче всего раза три, ничего не запомнила и упорно твердила, что злоумышленники украли только пружинный матрац, «чтоб на нем, значит, терзать...». И мне ничего не оставалось, как составить дотошнейший протокол осмотра места происшествия, художественно описать истерзанный матрац, кое-как приладить сорванную дверь и отбыть в отделение с весьма bestолковым докладом.

— Вывод?— ворчливо потребовал Сорокопут.— Какие соображения?

— Соображения?— Если честно признаться, то не было у меня тогда ровнехонько никаких соображений.— Обычный вандализм, товарищ старший лейтенант.

— Чего?— подозрительно переспросил начальник и, не дождавшись моего уточнения, решил по-своему.— Значит, списываешь на пьяное хулиганство? Похоже, Минин, если бы не парочка опечаточек.

Тут он выбрался из-за стола, прошел к старому канцелярскому шкафу, который мы подпирали бруском к стенке, извлек из него папку и смачно швырнул ее на стол передо мною. Я открыл: там были аккуратно подшиты три аналогичных донесения и протоколы опросов свидетелей аналогичных случаев. И заплывали передо мною те же вспоротые матрацы и тот же пух, выпущенный из перин и подушек.

— Первая опечаточка: на сегодняшний день мы имеем уже четвертый случай,— мрачно пояснил Сорокопут.— Три, как видишь, зафиксированы мною лично еще до твоего прибытия. И вторая опечаточка: матрац. За собой волокли. В трех предыдущих случаях в комнатах потрошили, а сегодня вдруг решили потрошить на воздухе. Зачем, спросим себя? А только затем, чтобы затереть следы волочением тяжелого предмета, поскольку в предыдущих случаях снега не было и следов тоже. Похоже на пьяных? Вот то-то и есть. А ты говоришь, этот... Нет, хулиганы так не поступают, не к чему им так поступать.

— Я же говорю, типичный вандализм.

— Тем более, Минин, тем более. Тут шурупить треба, понял? Вот и шурупь: вызовы пострадавших, выясни, может, месья то была, может, сперли чего ценное.

Приехавшие по вызову адмирал с супругой тоже ничего путного не сообщили. Супруга плакала да

ахала, адмирал ее успокаивал, утверждая при этом, что никаких ценностей они на даче не хранили, ничего у них не пропало (только было либо побито, либо порезано), а мстить им просто никто не мог: эту версию адмирал Сицкий ответил с некоторой даже брезгливостью. И сказал:

— Считаю случившееся актом бессмысленного хулиганства, однако претензий ни к милиции, ни к кому-либо пока не имею. Задержите хулиганов, от души за других граждан порадуясь.

На основании этого личного заявления Сорокопут обязал участкового Минина (то есть меня) усилить воспитательную работу среди населения. Я усиливал ее изо дня в день (в основном в районе улицы Жданова, дом три), а на пятые сутки меня самого нашли лыжники. Муж с женой, научные работники средних лет.

— Час назад мы проезжали Офицерским поселком по улице Ушакова. Дачи там сплошь заколочены, людей не видно, но в доме номер девять сорвана с петель входная дверь. Обратите внимание.

Всю дорогу до дачи номер девять по Ушаковской я бежал, хотя это было нелегко: на Ворошиловской кончилась тропинка, и бежать мне пришлось по лыжне. Взамок, заляхался, а остановился внезапно, наткнувшись у лыжни на развороченный пружинный матрац.

Адмиральская ситуация повторилась на генеральской даче один к одному: взрезанный матрац, который трудолюбиво волокли от крыльца; сорванная входная дверь и полный разгром внутри. Вывороченные шкафы и чемоданы, разбросанная одежда, пух из перин и битая посуда на кухне.

— Пятый фактик имеем. Нет, Минин, это тебе не вандализм. Это тебе искали чего-то.— задумчиво изрек посерьезневший начальник, лично осмотрев погром.— И я так мыслю, что и генерал от всех пропавших отрезается, как тот адмирал. И потребует списать на хулиганство: ты мою мысль уцалал, младший лейтенант? А коли уцалал, так что делать думаешь?

— Думаю?

Честно говоря, в то стартовое свое время я думать еще не умел. Мне еще только предстояло научиться думать, искать логику чужих поступков, определять вероятные причины и следствия, строить версии и проверять их, не пропуская ни одного звена, каким бы ясным оно ни казалось. Этого во мне еще не зародилось, этому еще следовало научиться, а вот необыкновенное предчувствие существовало уже тогда.

— Надо бы хозяйку дачи допросить отдельно от мужа.

— Поговорить, Минин. Допрашивают преступников, а с людьми говорят. Беседуют. Завтра я все ранее вскрытые дачки проанализирую, а ты выясни московский адрес пострадавших да и мотай с утрачка в Москву. Тот генерал—Симанчук ему фамилия—должен в первую половину дня на работе быть: он в каком-то там институте на военной кафедре трудится.

Ранней электричкой я прибыл в Москву. Добрался до Хорошевского шоссе, отыскал дом, корпус, квартиру и остановился перед дверью на площадке второго этажа. Старательно, помню, одернул шинель под ремнем, фуражку поправил, позвонил. Дверь открыла сухощавая седая женщина в очках.

— Вы к Михаилу Семеновичу? Он на службе, зайдите вечером.

— Я к вам, Евдокия Андреевна, если позволите. Младший лейтенант Минин, участковый Офицерского поселка, вот удостоверение.

— Что-нибудь случилось? — с беспокойством спросила она, мельком глянув в мои документы.— Спалили дачу? Я говорила Михаилу, предупреждала, но он упряма...

— Дача в порядке, не волнуйтесь.

— В порядке?—Евдокия Андреевна посмотрела на меня с недоверием.— Тогда зачем же вы пришли?

— Нам надо бы поговорить. О некоторых обстоятельствах.

Мы все еще разговаривали через порог и приоткрытую дверь, а мне во что бы то ни стало надо было пройти в квартиру, оглядеться, расположить хозяйку к неторопливой и необязательной беседе. Но тогда я еще и этого не умел: не зря полуграмотный, но весьма умудренный жизнью Сорокопут толковывал мне разницу между допросом и собеседованием. Собеседования пока никак не получалось, а вот допрос мог возникнуть запросто.

— О каких еще обстоятельствах?

— Евдокия Андреевна, это очень важно, поймите.—Я вдруг замельтешил, заволновался, забормотал.—Вы окажете нам неоценимую услугу. Я молодой милиционерский работник...

— А вы и вправду из милиции?

— Вы же смотрели...

Второй раз документы мои изучались еще дольше и дотошнее. Затем хозяйка вернула мне удостоверение, нехотя сбросила дверную цепочку.

— Все говорят, банда свирепствует. «Черная кошка» называется. Ходят как будто милиционеры, а потом связывают и грабят.

Мне хотелось спросить, а есть ли у хозяев что грабить, но я успел догадаться, что это прозвучало бы не совсем тактично, и, снимая в маленькой прихожей шинель, спросил о другом:

— А на даче о банде слухов не было? Да вы не пугайтесь, я ведь не городской работник, так что меня дачи больше интересуют. Куда прикажете?

Честно говоря, я убежден был, что меня проведут в комнату, где удастся оглядеться, прикинуть и сообразить, в какой мере хозяевам квартиры стоит опасаться грабителей. И если мера эта велика, то вполне вероятно, что кто-то мог предположить, что и на даче есть чем поживиться.

— На кухню проходите.

Меня буквально вытеснили в небольшую кухню отдельной двухкомнатной квартиры. Здесь было сложно ориентироваться в общей сумме возможных семейных ценностей, и мне волею-неволею пришлось сосредоточиться на беседе с недоверчивой и неприветливой супругой генерала Симанчука.

— Так как же насчет слухов на даче? Были, Евдокия Андреевна, такие слухи или же вовсе не было их?

— Слухи всегда бродят: в лесу живем. Развели, понимаете, ворья, а теперь слухи о них собираете? Сажать надо, сажать!

— Вы абсолютно правильно ставите вопрос.—Я считал, что ставит-то она вопрос как раз и неправильно, но поддакивал, чтоб хоть как-то разговориться, побеседовать по-людски.—Но чтобы сажать, надо сначала поймать. И я как раз проверяю различные слухи.

— Тогда доложу,—по-военному объявила она.—Мы съехали с дачи... да-да, двадцать третьего сентября: Михаил Семенович почти месяц оттуда на службу ездил. Каждый день электричкой в оба конца.

— А вы, следовательно, одна оставались.

— Одна. А темнеет-то рано: страх! А в воскресенье—мы, значит, в четверг переезжали, а то в воскресенье—заходит к нам молодой человек в куртке-канадке. Представляете себе, такая пилотская куртка на меховой подстежке. Я еще удивилась: холодов нет, осень сухая, а он в канадке.

— Как он выглядел?

— Комсомольского, я бы сказала, вида. Бравый такой товарищ со значком мастера спорта...

— На куртке-канадке?

— Ну, зачем же так примитивно мыслить. Я же сказала, что было необычайно тепло и сухо. Вот он и расстегнулся.—Она помолчала, точно припоминая что-то.—Знаете, он почему-то напомнил мне воспитанника войсковой части. Как-то на фронте мы с мужем—я ведь тоже воевала...

Я был чудовищно неопытен, нетерпелив и самонадеян тогда. Чудовищно! Увы, я еще не умел слушать собеседника, не умел выуживать из потока чуждых мне воспоминаний факты, за которые следовало бы ухватиться хотя бы потому, что они легко проверялись, поддавались анализу, сравнению, куда-то вели. Нет, я тогда умел слушать только собственные соображения да и вообще только самого себя. И поэтому перебил генеральшу Симанчук в самом неподходящем месте:

— Как он выглядел? Ну, рост, телосложение, блондин он или брюнет? Имя не называл? Не припоминаете?

— Мне он не представлялся.—Она явно была обижена, что я пренебрег ее воспоминаниями.—Они все больше с мужем говорили, а я уже к переезду готовилась. Но запомнила точно: четверо, сказал, бандитов сбежали из Загорской, что ли, тюрьмы. Представляют большую угрозу мирным гражданам, и поэтому он как работник райкома комсомола специально ходит и предупреждает.

— О чем он предупреждает?

— О бдительности, разумеется.—Хозяйка пренебрежительно повела плечом: ох, уж эта бестолковая милиция!—Чтобы не открывали дверей незнакомым, чтобы опасались темного времени и чтобы на всякий случай держали наготове личное оружие.

— Какое оружие, вы сказали?

— Личное, молодой человек, личное.

— А у вас есть личное оружие?

— У нас?—Показалось мне или генеральша тогда и в самом деле смешалась?—Не знаю, это муж... Нет, нет, что вы! Какое там оружие, это же не положено, что мы, не понимаем, что ли?

Оружие у генерала имелось, в этом я уже не сомневался. Следовало бы уточнить, какое именно: призенный с фронта пистолет или охотничье ружье, но я вовремя сообразил, что этого мне никто не скажет.

— Значит, вас официально предупреждал работник райкома комсомола?

— Официально. Вполне ответственный товарищ. Очень интеллигентного вида, должна вам заметить, но фамилии его я, к сожалению, не запомнила.

— А оружие вы тогда приготовили, как вам этот представитель рекомендовал?

— Ну, это по мужниной части,—улыбнулась Евдокия Андреевна, но тут же спрятала улыбку, поняв, что проговорилась.—Нет у нас никакого оружия. Нет и никогда не было, так своим начальникам и доложите.

И встала, всем строгим видом указывая, что аудиенция закончена. А я бы и не стал задерживаться (зацепочка появилась, я ведь чувствовал ее, эту зацепочку!) и тут же распрощался, сознательно ни словом не обмолвившись хозяйке о разгроме на ее даче. А пока ехал домой в холодной, разболтанной электричке, записал в свою несолидную тетрадочку всю беседу и наметил четыре вопроса:

1. Где генерал Симанчук хранил принадлежащее ему и, конечно же, официально незарегистрированное оружие?

2. Что это за оружие: боевое или охотничье?

3. Когда из Загорской тюрьмы бежали заключенные и что о них известно сейчас?

4. Какой райком комсомола уполномочивал своих работников оповещать об этом население?

Обо всем—о беседе с генеральшей Симанчук и о своих вопросах—я сразу же доложил своему непосредственному. Непосредственный выслушал молча и вроде бы даже равнодушно, а третий вопрос снял как несоответствующий реальным событиям.

— Никто из тюрем в нашей области не бежал ни зимой, ни весной, ни летом, ни тем более осенью: я бы оперативку получил, понял? А коли так, то и с представителем райкома, который, заметь, гулял только по Офицерскому поселку, тоже все ясно: не было его. На всякий случай перепроверь, но на все сто уверен: если не бабский бред, то наводчик. А коли он есть, наводчик, то тут, Минин, не хулиганством пахнет, а самовольными обысками в поисках оружия. Мысль уцепил?

— Зачем же оружие на даче оставлять, если сам в город переезжаешь?

— Правильный вопрос, однако версии он не закрывает. Я московских товарищей попрошу опросить всех владельцев дач на этот предмет, но в добровольные признания не верю: мысль уцепил?

— Нет.—Надоел мне старший лейтенант со своим цеплянием мыслей.

— А мысль такая: если кто из отставников оружие здесь оставил, то после этой беседы он сюда двинет, если не дурак и знает, что ему причитается за нелегальное хранение. Вот ты мне наблюдение за офицерским поселком и обеспечь. Сержанта Крючкова в помощь возьми, он мужик серьезный. Все уцепил?

А я главное тогда уцепил. Что старший лейтенант Сорокопут мудр и опытен. Что беседа подчас куда важнее допроса, потому что к допросу человек готовится, себя мобилизует, вопросы-ответы репетирует, а в обычном разговоре нет у него ни контроля, ни реакции. И что, наконец, думать надо не о действиях милиции, а о действиях тех, кого милиция интересует: какие поступки они могут совершить после, скажем, посещения участкового уполномоченного и двух-трех его вопросов.

Начальник отделения Сорокопут попросил помощи у Москвы, но осторожные опросы, проведенные различными коллегами, ясности не внесли. Никто не признался в нелегальном хранении оружия, но зато почти все отставники, проживавшие зимой на городских квартирах, в ближайшие два воскресенья побывали на своих заколоченных дачах. Кое-кто из них заглянул в отделение милиции, чтобы выразить озабоченность за судьбу своего имущества, а кое-кто предпочел негласно явиться и столь же негласно исчезнуть. Мы с сержантом Крючковым вели учет этих посещений, но это ничего нам не дало: люди могли увезти с собой припрятанное оружие, а могли и просто удостовериться в сохранности окон и дверей. Зато другое мы установили точно: никаких представителей райкома комсомола не посылал в Офицерский поселок, и, следовательно, кто-то делал это по собственной инициативе.

Между прочим, генерал Симанчук явился в милицию через две недели, и то после того, как я послал в институт, где он теперь работал, официальную повестку. Генерал оказался хмурым и старым и вызовом был крайне недоволен.

— Что за манера людей по пустякам беспокоить?

— У вас на даче ничего не пропало?

— Ничего.

Беседу вел сам Сорокопут. Я сидел в сторонке и помалкивал. «Уцеплял мысль», как выражался мой непосредственный.

— Так уж и ничего?

— Ну, матрац распатронили да подушки.

— Разрешите вопрос?—Я встал и одернул мундир: очень уж волновался и даже робел перед боевым генералом.—У вас в доме, товарищ генерал, никогда не хранилось оружия?

— Какого еще оружия?

— Охотничье ружье, например. Или личного боевого со времен войны.

— Личного боевого...—Показалось мне тогда или

генерал и вправду с трудом спрятал горький вздох?— Личное боевое оружие положено сдавать при выходе в отставку, молодой человек.

— Да, конечно. Однако бывают случаи...

— Это все.— Генерал Симанчук поднялся.— По пустякам прошу впредь не тревожить. Честь имею.

И вышел. Сорокопут недовольно побряхтел, покрутил папиросу и сказал:

— Не привык он врать. А, похоже, пришлось.

— Так, может, нам...

— Ждать!— рявкнул начальник.— Я дело возбудил, и ты мне его раскрой. А пока жди. Но активно: мысль уцепил?

Я тогда еще не знал, что означает «ждать активно», но на всякий случай сказал: «Ясно». Я полагал, что после массового наезда дачевладельцев, после всех слухов, которые разползли по поселку, неизвестные злоумышленники затаятся надолго, если не навсегда. Но события развивались не по моим предположениям, а по своим законам, в которых мне еще предстояло разобраться.

— Поймала! Поймала!

С таким воплем ранним утром вбежала в отделение почтальонша Агния Тимофеевна Квасина. Была она женщиной немолодой, грузной; захыхалась, поспешая, и, прокричав эти два слова, рухнула на стул отдуваться и обмахиваться. Начальник старший лейтенант Сорокопут еще не появился, в отделении тогда находились только мы с дежурным сержантом Крючковым. И пока Квасина отдувалась, мы переглядывались с молчаливым недоумением, поскольку никто следом не появился, и кто кого поймал, было нам пока неясно.

— А где...— начал сержант.

— Там.— Почтальонша помахала рукой в направлении неопределенном.— Иду утречком по Ворошиловской, вдруг— глядь!— а он матрац волокет! Ну, я, конечно, кричать.

— Кто он-то?— в нетерпении перебил я.

— Вор! Увидел меня, матрац бросил и деру.

— Какой он из себя? Как выглядит?

— Не знаю, милый. Я со страху в снег повалилась и голову спрятала. Сперва, значит, закричала, а потом голову спрятала.

С дежурным сержантом Крючковым мы оказались на Ворошиловской через двадцать три минуты после сообщения. Никого там, естественно, не было, но взломанная дверь и брошенный на полдороге к калитке пружинный матрац существовали в действительности. А заодно существовали и следы, ведущие через сад к изгороди, а за нею— на тропинку, где их обнаружить было уже невозможно.

— Странный след какой,— сказал сержант.— Гляди, будто он ногу волокет. Замечаешь?

— Погоди, парнишка в поселке левую ногу привлекает. Вроде как загребает ею. Встречал такого?

— Так то ж Вовочка-дурачок!— обрадовался Крючков.— Похоже, что и вправду его след.

Однако сразу же проверить свою догадку мы не смогли: Вовочки-дурачка, или (официально) гражданина Пухова Владимира Пантелеймоновича, по месту постоянного жительства (это, стало быть, у матери) в наличии не обнаружилось. Мать— сухая и слезливая подсобница в местном магазинчике— на работу уходила до света, когда сын еще спал. А проверить ее показания было невозможно, поскольку жила она вдвоем с младшим недоразвитым сыном-инвалидом, потеряв здорового старшего на фронте вместе с мужем.

— Придется у вас его обождать.

Сержант привел Вовочку быстро: замерзнув, парнишка побежал греться домой. Но греться ему пришлось в плохо отапливаемой комнате милиции, где он с ходу все решительно отрицал. Тупо, глупо и однообразно.

— Не-е.

— Справка у него,— вздохнул Сорокопут.— Никакой суд не поверит, если он сам не расколется, а мы не докажем.

Парнишка выглядел крайне залуганным. Это могло быть и следствием врожденной болезни, и боязнь наказания, и просто детским страхом перед милицейской формой. А я в тот день надел старый бушлат, и ничего форменного, кроме салог, на мне не было.

— Вы уходите,— шепнул я Сорокопугу.— Попробую не пугать.

Сорокопут соображал, как надо, и тут же вышел. Парнишка сидел, съежившись, беспрестанно шмыгал носом и глядел настороженно.

— А чего у тебя в карманах?

Я постарался спросить самым неофициальным, самым своим, почти дружеским тоном. По контрасту со строгим начальником это должно было расслабить Вовочку, уже уставшего от напряженного недоверия. Вовочка и впрямь не нашел в вопросе ничего опасного, вскочил и с детской готовностью стал выворачивать карманы, выкладывая на стол содержимое: какой-то ремешок и гвоздик, грязную тряпку и облепленный махоркой кусочек сахара, немецкую губную гармошку и остро отточенный сапожный нож с

аккуратно обмотанной изоляционной лентой рукояткой.

— Хороший ножик,— уважительно сказал я.— Сам делал?

— Не-е.

Следовало сразу же спросить: кто делал, кто давал, зачем, когда, где? Но тогда бы опять начался допрос, и Вовочка вновь испуганно бы примолк и замкнулся. Нет, нельзя было стращать его нажимом, вопросами, подавлением воли; я скорее тогда почувствовал это, чем понял, и спросил совсем не про нож:

— На гармошке играешь?

— Люблю.

— Ну сыграй.

Вовочка взял гармошку, старательно округлил глаза и фальшиво просвистел что-то, отдаленно напоминающее романс. Не песню, не танцевальную мелодию, модную в те времена, а романс, которого знать не мог и которому его, по всей вероятности, обучил тот, кто подарил гармошку.

— Здорово!— восхитился я, соображая, что же это за романс.— А кто тебя научил?

— Милор.

— Кто?

— Милор.

— Который гармонику подарил, да? А как зовут?

— Милор.

— Это фамилия такая или имя?

— Милор,— тупо повторил Вовочка, начиная сердиться из-за слишком частых и однообразных вопросов.

Я и здесь скорее почувствовал, что стою у предельной черты, чем понял, как следует разговаривать с таким задержанным далее. Еще до самых первых вопросов я упрямил, чтобы временно отложили все стандартные милицейские действия: обыск подозреваемого, сличение его обуви со следами на снегу, снятие отпечатков пальцев и тому подобное. Моя бы воля, я бы отменил и допрос, но воля была не моя, гражданина Владимира Пухова опросили по всем официальным пунктам и— насторожили. Насторожили: я чувствовал его настороженность и снова изменил тему разговора:

— Милор сам ножик точил?

— Сам.

— Хорошо наточил, молодец Милор. А как, не рассказывал?

— Не-е.

— Хороший ножичек.— Я еще раз восхитился и неожиданно резко взмахнул им.— Тряпки порет— только шорох идет! Точно?

— Ага!— радостно засмеялся Володя.

— Потому ты и резал матрацы?

И тут мой Пухов сразу замкнулся. С его лица сошла не просто улыбка и даже не оживление— с него словно бы сошла сама жизнь. Оно омертвело и побелело, и мне вдруг подумалось, что он куда больше боится сказать лишнее слово, чем всей милиции, вместе взятой. «Залуган!— сообразил я.— Он же до ужаса залуган!» И тут же вдруг вспомнил, где впервые видел Вовочку. Когда встретил Веру Звонареву: Вовочка приставал к ней, требуя рубль («Хрустик дашь...»). Причем требовал настойчиво, зная, что имеет на это право.

— Вера тебе долг отдала?

— Чего?— настороженно переспросил паренек.

— Ну, хрустик, хрустик.

— Не-е.

— Что же так?

— Вредная она.— Володька вдруг решил пожаловаться.— Сама говорит: куда ехать, куда ехать, я тебе хрустик дам. А потом не дала.

— А может, ты неправильно сказал, куда ехать?

— Правильно.

— Было бы правильно, она бы дала тебе хрустик. А ты ее обманул.

— Не обманул я! В семь часов на Центральном телеграфе.

— Милор?

Пауза была такой длинной, что я успел догадаться о многом. И о том, что Вера зачем-то очень хотела встретиться с таинственным Милором; и о том, что этот таинственный Милор подарил дурачку губную гармошку, какие не продаются в магазинах, вручил самодельный нож и приказал вспарывать матрацы на покинутых дачах; и о том, наконец, что он окончательно сломал волю несчастного поселкового дурачка, мертвеющего от ужаса при одной мысли о неминуемом наказании за излишнюю болтливость.

— Милор тебе за матрацы хрустики платил?

— Не, не, не!— вдруг истерически закричал Володька.— Не-е, не-е!

Он выгнулся, сполз со стула, забился на полу в судорогах. Срочно вызвали врача, сделали укол, от которого паренек мгновенно уснул, а старый доктор сказал возмущенно:

— С большим мальчиком связались, жеребцы? Никаких допросов без врачей, ясно? Никаких!

Продолжение следует.

Конкурс эрудитов

«ЗНАЙ СВОЮ РОДИНУ»

Третий тур

Продолжаем конкурс «Знай свою Родину». Отвечать на вопросы третьего тура может любой читатель, независимо от того, участвовал ли он в наших конкурсах раньше. Жюри просит писать как можно понятнее, на одной стороне листа. В каждой присланной работе должно быть две части. В первой читатель четко и лаконично отвечает на вопросы в том же порядке, как они заданы. Вторая часть— комментарий к коротким ответам. Здесь читатель излагает по возможности все сведения, которые ему удалось найти по тому или иному вопросу, указывает источники, в которых найдены ответы. Полноту комментариев жюри будет учитывать при подведении итогов.

Победителей конкурса ждут призы— альбомы, книги, дипломы журнала.

Последний день отсылки работ— 15 октября этого года. А теперь сами вопросы.

1. «У меня на письменном столе,— рассказывает старая большевичка,— лежала открытка с репродукцией картины... Владимир Ильич увидел открытку и говорит: «Вот замечательный художник... Это кадровый военный человек, и представьте себе, какой он прекрасный психолог действительной жизни, такие у него чудесные вещи!» Критик В. Стасов писал: «Этого художника можно назвать по преимуществу портретистом молодого поколения, которого натуру, жизнь и характер он глубоко понимает, схватывает и передает». Назовите революционерку, художника и его картину.

2. Во время обороны Севастополя в 1942 году в одном из подразделений выходила рукописная газета-листочка. Как она называлась и кто был ее редактором? Когда в «Правде» был опубликован последний номер этой газеты?

3. Среди воинов, повторивших подвиг А. Матросова, была девушка-комсомолка, партизанка. Назовите ее. Где она совершила подвиг?

4. Все мы хорошо знаем города-герои, овеянные славой в Великой Отечественной войне. Но в истории нашей Родины известен и такой факт: в гражданскую войну одному из городов за почти трехмесячную героическую оборону было присвоено звание «Город-герой». Кто и какому городу присвоил это почетное звание?

5. Когда и где был создан первый в Средней Азии вуз?

6. Трудно найти человека, который бы не знал об озере Разлив. Каким путем и как давно оно возникло?

7. В 1934 году во время сессии ЦИК зрители увидели на сцене Большого театра СССР не спектакль, а спортивное соревнование. Какое?

8. Назовите дату открытия первого в нашей стране Нахимовского училища. Сколько их было всего и сколько сейчас?

9. Известно, что Л. Н. Толстой любил музыку. На каком инструменте и где он учился играть? Какое музыкальное произведение он написал и в каком кинофильме оно звучит?

10. На Кировском заводе в Ленинграде работает механик-испытатель Герой Социалистического Труда Ю. С. Антонов. На какой улице города он родился и почему она так названа?

11. В прошлом веке на Волге при спуске на воду новых деревянных судов их владельцы старались получить полный груз соли. За первый рейс судно настолько пропитывалось солью, что дерево не гнило и служило вдвое дольше обычного. Назовите единственный русский военный корабль, который также был «посолен». Сколько лет он проплавал без переборки?

12. Впервые советские боксеры завоевали олимпийское золото в Мельбурне. Среди победителей был ерванец В. Енгибарян. И все-таки не он, оказывается, был первым олимпийским чемпионом из Армении. А кто же?

Ждем ваших писем с ответами, дорогие читатели. Редакция «Смены» рассмотрела все письма с вопросами для нынешнего конкурса «Знай свою Родину». Самыми интересными признаны вопросы, составленные Г. Алтуниным из Москвы, Н. Касловым из Читы и Л. Черновой из Светлогорска Ленинградской области. Они награждены дипломами «Смены». (Часть присланных ими вопросов редакция использовала в конкурсе, в том числе и в третьем туре.)

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

По вашим многочисленным просьбам мы продолжим в 1987 году конкурс эрудитов «Знай свою Родину». Вопросы для него мы ждем от вас, дорогие читатели. Они могут касаться всех аспектов истории, культуры и жизни нашего великого государства и его народа. Особое внимание просим обратить на революционные и трудовые свершения нашего народа, на историю комсомола.

Чем больше интересных вопросов вы пришлете, тем интереснее будет конкурс. Фамилии всех читателей, чьи вопросы мы используем в конкурсе, будут названы на страницах журнала. А десять читателей, чьи вопросы редакция признает самыми интересными, будут награждены книгами и дипломами «Смены».

Успешных вам поисков, дорогие читатели!

Составил победитель I тура конкурса кроссвордистов А. ШАЙХРАМОВ, село Бакалы Башкирской АССР

По горизонтали:

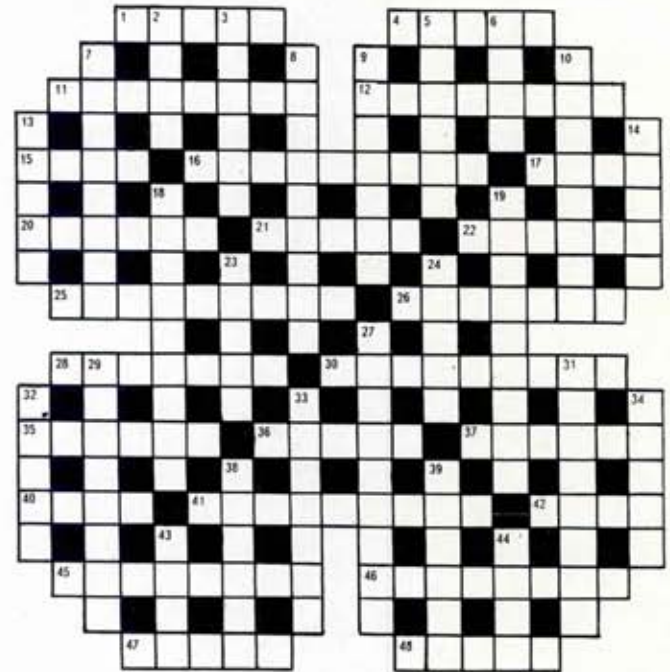
1. «Зовите меня просто Максим Максимыч, и пожалуйста — к чему эта полная ...?» («Бэла»). 4. «Отмщен, государь, отмщен!» — эпиграф к стихотворению «Смерть поэта»; автор — Ротру, переводчик — ... 11. Профессия героини в поэме «Монго». 12. «Демон» в интерпретации бельгийского композитора Жильсона. 15. Ахилл, слуга Лопухиных, — негр, Зафир, слуга Сашки в одноименной поэме. ... 16. Женщина, о которой А. И. Тургенев сказал: «Сквозь слезы смеется. Любит Лермонтова». 17. Предмет мебели, на котором, стоя на коленях, поэт написал стихотворение «Нищий». 20. Болгарский поэт, сказавший о Лермонтове: «Его поэзия как бы более совершенная исповедь моей собственной души». 21. Автор работы «Музыка в жизни и творчестве Лермонтова» (т. 45—46 «Литературного наследства»). 22. «Отважен был пловец, решившийся в такую ночь пуститься через ... на расстояние 20 верст» («Тамань»). 25. «На Руси явилось новое могучее ... — Лермонтов» (В. Белинский в письме к Н. Станкевичу). 26. Игра, которой увлекся поэт. 28. Место третьего действия драмы «Меншен унд Лейденшафтен». 30. Звездич в «Маскараде» — князь, Штраль — ... 35. Символ одинокого, бесцельного скитания в одноименном стихотворении. 36. «Оставь надежду, всяк сюда входящий!» (автор слов, при-

веденных в романе «Вадим»). 37. «Я вздрогнул и обернулся, — то была она, моя ...» («Тамань»). 40. Сара по отношению к Нооми в «Испанцах». 41. «Хотя бы крикнул ... иль стрекозы живая трель слышалась» («Мцыри»). 42. Группа стихотворений, посвященных Е. Суцковой или Н. Ивановой. 45. Ранняя несохранившаяся поэма Лермонтова. 46. Передвижник, написавший картину на сюжет стихотворения «Желание», которая была куплена В. Д. Поленовым. 47. Русский актер, первым отказавшийся от мелодраматической трактовки роли Арбенина. 48. Русский поэт, издатель сборника «Памяти Лермонтова» к 50-летию со дня гибели поэта.

По вертикали:

2. Французский композитор, чью оперу в «Княгине Лиговской» слушал Печорин. 3. Персонаж трагедии «Испанцы». 5. Река, на которую княжна Тамара в «Демонеходила за водой». 6. Группа лиц, для чтения которым поэт вынужден был приготовить специальный текст «Демона». 7. Известная прядильница, новатор производства. Герой Социалистического Труда, один из любимых поэтов которой — Лермонтов. 8. Персонаж рисунка в альбоме М. А. Столыпиной, на обороте которого поэт написал «1829 год». 9. Живописный жанр, присущий Лермонтову. 10. «Пустое

сердце бьется ровно, в руке не дрогнул ...» («Смерть поэта»). 13. «Забил ... я в пушку туго и думал: угощу я друга!» («Бородино»). 14. Раздел в романах «Вадим» и «Княгиня Лиговская». 18. Кушанье, в которое Арбенин всыпал яд. 19. Домашняя работница у купца Калашникова. 23. Сослуживец Лермонтова, автор единственного профильного изображения поэта. 24. Военное звание Василия Петровича С. в «Фаталисте». 27. «Авангардная помещица», у которой дважды в детстве гостил на Кавказе Миша с бабушкой. 29. «Вот затрещали барабаны — и отступили басурманы. Тогда считать мы стали раны, товарищей считать» (вид внутренней рифмы). 31. Советский композитор, автор романсов и песен на стихи Лермонтова. 32. ... Петровна Виолева — тетья поэта, единственная наследница в 1856 году его произведений. 33. Один из предметов, стоящих на столе в первом явлении первого действия драмы «Меншен унд Лейденшафтен». 34. «Тифлис» Лермонтова — карандаш, «Герц» — акварель, «Герцог Лерма» — ... 38. «Но взор твой, счастье обещая, мою ли душу оживит?» (стихотворение). 39. «Я знал одной лишь думы ... одну — но пламенную страсть» («Мцыри»). 43. Зверь из грузинской народной поэзии, ставший в «Мцыри» барсом. 44. «Как часто я ... покоил в коленях мачехи моей, и с нею вместе козны строил против отца, среди ночей» («Преступник»).

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 16

По горизонтали:

1. Тариф. 4. Аргон. 7. Василийстник. 8. Доха. 10. Атом. 14. ...оникс... 16. Сговор. 17. Педант. 18. Сакля. 21. «Геологи». 22. Локатор. 23. Ванда. 24. ...клевета. 25. Венгрия. 27. Шихта. 30. Персик. 31. Живица. 32. Эверс. 33. Лыжи. 37. Заза. 38. Кибернетика. 39. Азарт. 40. Стезя.

По вертикали:

1. Тува. 2. Роса. 3. Филенка. 4. Аксакал. 5. Гонт. 6. ...Ника... 8. Досуг. 9. Хронометраж. 11. «Трактирщица». 12. ...мотор. 13. Логопедия. 15. «Щелкунчик». 18. Сиваш. 19. Конох. 20. Ялава. 24. Купол. 26. Ясава. 28. Изворот. 29. Турнепс. 34. Икра. 35. Юбка. 36. Бизе. 37. ...Заря...

ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ

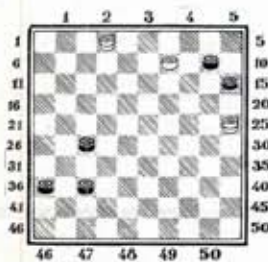
4-я

ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
заслуженного
тренера БССР
Виктора КРАМАРЕНКО

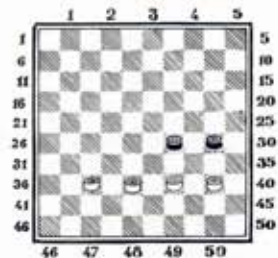
КОМБИНАЦИОННЫЕ ЭНДШПИЛИ

Теория эндшпиля в международных шашках очень сложна. Еще несколько столетий назад уже были известны многие приемы выигрыша в эндшпиле. Но теория не стоит на месте, с каждым годом обогащаясь новыми идеями.

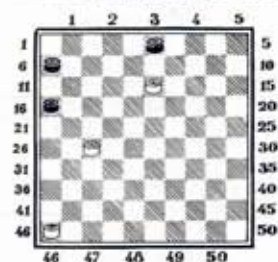

Это произведение создано в 1930 году советским мастером Шмидтом. Белые начинают и выигрывают: 1. 9—4 37—41 (1... 27—32 2. 25—20 15—24 3. 4:31! 36:27 4. 2—16×; 1... 15—20 2. 4:4 36—41 3. 25—14 41—47 4. 14—41×; 1... 27—31 2. 2—11 с неотвратимой угрозой 3. 4—27×) 2. 4:36 36:27 3. 2—35!×.

Двенадцатый тур
1. Феро, Франция, 1925 г.

2. Клёте, Нидерланды, 1918 г.

В обеих позициях белые начинают и выигрывают (по 2 балла).

Ответы на задания двенадцатого тура присылайте с пометкой: «4-я шашечная олимпиада. 12-й тур. «100». Каждое задание на отдельной открытке.

Рассматриваться будут ответы, отправленные до 1 ноября (по почтовому штемпелю).

28-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ТИПОВОЙ ПРИЕМ

Шахматистам с богатой игровой практикой должен быть хорошо знаком такой типовой прием взаимодействия ладьи и коня. Белые: Лd7, Кf6; черные: Кf8. В этом положении белые при своем ходе форсируют вечный шах: 1. Кh7—Кре8 2. Кf6+ Кf8 3. Кh7+ Кpg8 4.

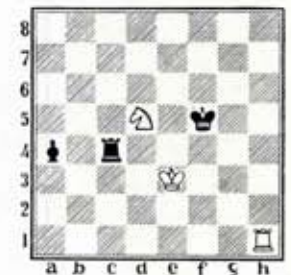
Кf6+. Позиционная ничья, так как невозможно 4... Кph8 из-за 5. Лh7× (характерный мат!). Есть ряд позиций, в которых ладья и конь устанавливают контроль на гораздо большем пространстве шахматной доски, как, например, в задаче II. Большие тактические возможности могут быть созданы с помощью батареи «конь — ладья».

Двенадцатый тур

I
Белые: Крf1, Лa8, Кg5 (3)
Черные: Крh1, Cd4 (2)
Мат в 4 хода (2 балла)

II
Белые: Кре3, Лh1, Кd5 (3)
Черные: Крf5, Лc4, п. a4 (3)
Выигрыш (2 балла)

III
Белые: Кpg7, Лg8, Ка4 (3)
Черные: Крb1, Cf5, п. f2 (3)
Ничья (3 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «28-я шахматная олимпиада. 12-й тур». Последний срок отправки писем (по почтовому штемпелю) — 1 ноября.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 21.07.86. Подписано к печати 31.07.86. А 04287. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1200 000 экз. Изд. № 2156. Заказ № 3435. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

зованности, ответственности и пассивной исполнительности, трудовых и нетрудовых доходов волнуют сегодня многих. И вы сможете участвовать в разговоре о них на страницах журнала.

Вводится новая рубрика «**Молодые силы НТП**», отражающая тему участия молодежи в ускорении научно-технического прогресса.

«СМЕНА» расскажет о роли научно-технического прогресса в наши дни, а ее рубрика «**Компьютерный всеобуч**» поможет уверенно чувствовать себя наедине с самой современной техникой. На страницах журнала выступят известные советские ученые, они расскажут о последних достижениях в различных сферах науки.

Школьник и учащийся ПТУ, преподаватель и мастер производственного обучения всегда найдут на страницах журнала материалы о том, как претворяется в жизнь реформа школы, чем сильны наши лучшие педагоги, в чем их «секреты», о которых они расскажут со всей откровенностью.

Л. Жуховицкий, О. Чайковская, Д. Валеев, В. Переведенцев, К. Скопина, Ю. Феофанов, Е. Добровольский и другие известные публицисты поведут на страницах журнала разговор о житейских драмах и нравственных испытаниях, выпадающих на долю человека, о тех явлениях, борьба с которыми должна стать делом каждого из нас. Пьянству и хулиганству, стяжательству и желанию преуспеть за чужой счет, рвачеству и бюрократизму можно и нужно противостоять. Как? Читайте материалы под рубриками «**Нравственная норма**», «**Жизнь семьи**», «**Закон и ты**», «**Надо обсудить**».

ния», который будет проводиться на страницах журнала седьмой год подряд, присылают свои стихи рабочие и студенты, школьники и военнослужащие. Тысячи подборок стихов рассматриваются редакцией ежегодно! Уверены, что их не станет меньше.

Со страниц «СМЕНИ» к читателям пришли герои известных ныне произведений Ю. Семенова, братьев Вайнеров, С. Высоцкого, братьев Стругацких, Н. Леонова и многих других признанных мастеров приключенческого жанра, особо любимого молодым читателем. Знакомство с новыми героями произведений этого жанра будет продолжаться и впредь из номера в номер.

Досуг, свободное время. Чему посвятить его, чем заняться?

Откройте номер «СМЕНИ», и вы сможете побывать в самых красивых уголках нашей многонациональной страны. Наверняка материалы под рубрикой «**Отечество**» не оставят вас равнодушными.

Со страниц журнала к вам обратятся чемпионы СССР, мира и Олимпийских игр. Причем собеседника вы можете выбрать сами, написав письмо в адрес рубрик «**Твой собеседник — чемпион**» и «**Спортивный автограф**». Под рубрикой «**Скорость**» журнал продолжит публикацию материалов об отечественных мотоциклах и чемпионах мотоспорта, о новых моделях автомобилей и молодых энтузиастах, создающих новые спортивные модели машин. А в футбольном клубе «**Надежда**» ваших вопросов и предложений ждут как футболисты, так и болельщики, известные спортивные журналисты и тренеры.

Музыка сегодня — безбрежный океан

Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

«СМЕНА» 87

Дорогие друзья!

Юность живет жаждой высокого подвига, прекрасными порывами души, обращенными на благо Отчизны. Приобщение молодого поколения к идеалам и свершениям советского народа всегда было важнейшей задачей Ленинского комсомола. Решения XXVII съезда КПСС требуют от комсомола нового уровня деловитости, компетентности, творческой отдачи, смелости в решениях и действиях. Эту же задачу как самую главную ставит перед собой и комсомольский журнал «Смена», публикации которого в первую очередь адресованы юному и молодому читателю.

«СМЕНА» уделяет пристальное внимание вопросам партийного руководства комсомолом, рассказывает о том, как коммунисты-ленинцы передают молодым свои богатейший жизненный опыт борьбы и труда, тот опыт, то знание жизни, которые помогают выйти на верную дорогу, стать активным участником жизни общества, верно разобраться в чем состоит долг и право человека и гражданина нашей страны. Рубрики «**Письма из райкома**», «**Беседа с партийным руководителем**», «**Автобиографии**», «**Жизнь замечательных людей**» интересны положительным примером, о котором должен знать каждый человек, а молодой в особенности.

Материалы рубрики «**Что волнует молодых**» будут отличаться новым содержанием, новой разработкой тем. Конкретное письмо послужит сигналом к командировке корреспондента для разбора описанной ситуации, непосредственного вмешательства в конфликт, участия в поиске путей его разрешения.

Напряженная международная обстановка предъявляет особые требования к тем, кто стоит на страже мира, рубежей нашей Отчизны. Очерки и репортажи постоянной рубрики «**Служу Советскому Союзу!**» ближе познакомят вас с напряженными буднями армейских комсомольцев, защитников Родины наших дней.

Под рубрикой «**Девять парней одного призыва**» будут публиковаться материалы, рассказывающие об армейской судьбе молодых людей, призванных из Витебска в воздушно-десантные войска.

Ценность человеческой жизни определяется прежде всего тем, что ты сделал для людей. Труд — мерило, по которому в нашей стране судят о человеке. Вот почему «СМЕНА» всегда особо внимательно относилась к трудовой деятельности советской молодежи. Производственная жизнь не проста. Она полна конфликтов и противоречий. Тем важнее здесь верные и надежные ориентиры. Вопросы дисциплины и органи-

Есть дело, в котором должны объединиться все люди доброй воли, — дело борьбы за мир. Прочный мир может быть достигнут только в борьбе, нашими совместными усилиями. О том, как борется молодежь Земли за будущее без войн и угнетения, вы узнаете из материалов наших корреспондентов и авторов.

В серии «**Литературный глобус** «Смены» читателя ждут встречи с произведениями мастеров гуманистического направления прозы и поэзии зарубежных стран. По традиции, журнал будет отдавать предпочтение произведениям с напряженным действием, острыми моральными коллизиями.

Всегда вызывали особый интерес читателей литературные полосы «СМЕНИ». Ведь имена Виктора Астафьева и Андрея Вознесенского, Юрия Нагибина и Евгения Евтушенко, Георгия Семенова и Михаила Дудина, Саввы Дангулова и Евгения Винокурова, Виктора Потанина и Андрея Дементьева, Виктора Лихоносова и Беллы Ахмадулиной, а также многих других постоянных авторов «СМЕНИ» любят читатели всех поколений.

Прочное читательское признание завоевали такие рубрики журнала, как «**Силуэты**», «**Литературные уроки**», «**Хрестоматия** «Смены».

На «**Конкурс одного стихотворе-**

мелодий и ритмов, в котором не так легко ориентироваться. Случается, что из всего этого богатства молодые люди по незнанию выбирают только единственный ручеек. «СМЕНА» знакомит своих читателей со всем многообразием музыкальной жизни.

Быть красивым, модным, но не вульгарным, умеющим одеться разнообразно, но некрикливо научит вас рубрика «**Молодежная мода**».

Десятки тысяч читателей из года в год принимают участие в многочисленных конкурсах «СМЕНИ». А участники шахматных олимпиад завоевывают спортивные разряды, высывая решения по почте. Опытные юристы ответят на все вопросы читателей.

НАПОМИНАЕМ:
В РОЗНИЦУ ЖУРНАЛ
БУДЕТ ПОСТУПАТЬ
В ОГРАНИЧЕННОМ КОЛИЧЕСТВЕ.

Приглашаем вас,
дорогие друзья,
подписаться на «СМЕНУ».

Редакция журнала «СМЕНА»
Издательство «ПРАВДА»